
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 14 МАРТ 1990

ВСЕМ ПОПРОБОВАТЬ ПОРА БЫ, КАК ВКУСНЫ И НЕЖНЫ КРАБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 14 (3272)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

31 марта — 7 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Красиво жить не запретишь. (Фото из «Книги о вкусной и здоровой пище». Год издания — 1952-й.)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 12.03.90. Подписано к печати 27.03.90. А 09426. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2008. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

История учит, что после свершения события настает некая пауза, предшествующая его последствиям, которые только и начинают диктовать анализ происшедшего. Литва была объявлена независимой. Потом прошло несколько суток внешне спокойных. Затем последовательно страна узнала мнение Верховного Совета СССР, мнение Президента СССР...

В Верховном Совете СССР продолжались дебаты по вопросу о механизме реализации права республики на самоопределение и назывались сроки предполагаемого «переходного периода» — Верховный Совет Литвы формировал правительство, министерства. Многотысячные митинги предлагали два абсолютно противоположных взгляда на ситуацию. Ликование и тревога, страх и готовность к сопротивлению «Москве».

Указ Президента СССР о сдаче оружия, имеющегося в личном распоряжении граждан Литвы и в распоряжении самодеятельных организаций, немедленно обнаружил, что внутренние войска, выполняющие задачи по охране государственных объектов, и местные органы внутренних дел подчиняются разным приказам. В то же время, по сообщению Прокуратуры СССР, есть «многочисленные жалобы» литовских граждан, напуганных угрозой экстремизма, диктатуры и т. п. 15 марта, то есть в дни, описанные в нашем репортаже, Третий Съезд народных депутатов СССР принял постановление, касающееся положения в Литве. Несомненная конфронтация общественных сил, действующих в республике,— пока главный результат этих дней.

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Мы оказались в Литве в лучшее время, не замеченное никем. Важность того, что произошло накануне, и неизвестность того, что произойдет, пока я пишу, и после, придают этому короткому промежутку времени черты замедленной съемки.

Вернее, так. Не исключено, что придется растянуть эти сутки и разобрать по минутам и кадрам, как увеличивают лицо героя на единственной и случайной фотографии, где он не в центре и не на него нацелился объектив. Или как обрастает комментариями случайная фраза.

Я позвонила помощнику Бразаускаса. Помощник сказал: «Вы опоздали. Все, что нужно было снимать и описывать, случилось». Он, конечно, имел в виду ночь, когда на заседании Верховного Совета Литвы она была объявлена независимой. Я спросила помощника: «Надеюсь, жизнь продолжается?» «Да, конечно»,— ответил он. Мы позвонили в пресс-центр Верховного Совета. Нас аккредитовали немедленно, но предупредили, что «иностранный журналистский корпус уже покинул сессию». Мы вылетели в Литву из Киева, и министр, ради кого мы находились в Киеве, распрощался с нами кивком головы. Он сидел за столом президиума в зале, целиком заполненном представителями стачкомов, разговор продолжался уже не один час. В овальной приемной среди пальмовых ветвей ждали люди. Наш самолет был грязненьким Як-40. Небо Вильнюса опять напоминало утро физкультурного парада. В здании аэропорта у киоска с сувенирами в очереди к телефону стояла красивая женщина в русском платке; она была похожа на главврача или партработника. Она сказала, что вылетает на поиски работы.

— Что будет? Боже мой,— сказала она нам.— Террор.

Таксист запросил десятку. «Ах, вы знаете Вильнюс! Тогда троллейбус». Частник, подкинувший нас, сказал: «Мы будем жить, как в Финляндии. У нас очень много общего. У нас так же мало полезных ископаемых». Он взял, кажется, трешку.

В Верховном Совете началось вечернее заседание. Мы почти бежали по проспекту Гедимина. «Мне все равно,— сказала женщина, указавшая дорогу к зданию Совета,— я пенсионерка. Если бы я работала, я бы интересовалась. Но я покупаю молоко, хлеб, и больше мне ничего не надо». Над парадным входом, там, где привычно находился советский герб, теперь была гербоподобная картина на красном кумаче: всадник на белом коне, с мечом и щитом, на щите крест, вокруг меча плещущее знамя теперь привычных цветов. В левом нижнем углу кумач был плохо закреплен и тем обнаруживал себя. В противном случае это смотрелось бы как мраморное. То есть гранитное.

Мы открыли дверь в зал заседаний. На трибуне стоял Ландсбергис. Наушник у кресла в ложе для зрителей был мертв. В потоке литовской речи мелькнули вкрапления: Горбачев, Афганистан. Чуть позже: голосовать. Мертво, отвернувшись, стояли телекамеры. На одной было написано: «Эй-би-си, Ньюс». Две другие пусто смотрели на выступающего. Прунскене, в платье с белым кружевным воротничком, внимательно слушая, устроилась в кресле поудобнее. Озолас слушал, опустив голову, сцепив пальцы. Перед ним на наклонной доске лежал пышный букет тюльпанов. Далее сидел академик Вилкас. Кто-то успел рассказать нам, что Вилкас, вступившийся за руководителя

телевидения, которого удаляли с его должности, получил упрек в том, что он «покраснел». Ложа прессы действительно была пуста. Мне пришло в голову неподходящее сравнение с площадью, когда ее покинул парад, и вот летают бумажки....

Озолас помахал нам рукой, когда заседание завершилось. Он пробрался в толпе покидающих зал, он держал цветы, как держат меч. Он был бледен и улыбался. «Поговорим завтра. В половине десятого?» — сказал он без околичностей. Ландсбергис, которому мы представились, имел свой вариант.

— Ищите меня завтра.

В креслах у входа полулежали милиционеры в бушлатах и читали размноженный на ксероксе дайджест газетных публикаций, касающихся литовских событий. Была настоящая ночь. Кафе, что в здании бывшей штаб-квартиры «Саюдиса», закрывалось, и молодой швейцар, отталкивая рвущегося к дверям клиента, кричал по-русски прямо во тьму:

— Убери свои копыта,— и рвал на себя дверь.

Наутро мы увидели, как пустую площадь перед зданием Верховного Совета пересекает Ландсбергис, а за ним, приседая, прядая ушами, распластываясь по площади, меняя объективы камеры, следует репортер. На секунду Ландсбергис подошел к нам, и тот репортер защелкал камерой над ухом. Камера была с моторчиком, а репортер — француз. Его минуту спустя не пропустили милиционеры, он жаловался и менял языки, пока Озолас не пришел ему на помощь и, объяснившись на немецком, пропустил француза своей властью.

— Поскольку у нас с вами уже было время понять друг друга, я не буду задавать вопросы,— сказала я Озоласу.

— Да, не будем терять время.— сухо сказал он.

— А впрочем, что случилось? — сказала я.— И есть у вас какие-то сомнения на этот счет?

Сомнение для меня означает всегда тревогу, непременную спутницу движения. В Озоласе прошлого года тревога была.

— Нет, сомнения никакого не было и нет,— сказал он.— Случилось то, что должно было случиться, и я рад, что это случилось именно так. Я участвовал в разработке всех документов и всех действий.

— От каких ошибок в восприятии последних событий вы хотели бы предостеречь... меня и других?

— От гипертрофированной оценки происходящего. Принципиальная оценка того, что есть, в каких бы формах это ни происходило, есть положительная оценка. Независимость Литвы можно оценивать только положительно. Это историческая необходимость, это невозможность иного подхода к развитию вещей.

На улице под всадником на кумаче стояла небольшая толпа и бегало дитя на нетвердых ножках. Я подошла к молодому отцу (узнав его по тому, что он стоял спиной к этому митингу) и спросила, о чем он размышляет, глядя на сына. Он задумался. Я предложила ему вариант — он рад тому обстоятельству, что сын будет расти в независимой Литве. «Пожалуй»,— согласился он. Я предположила, что он говорит себе также: мальчик не будет знать многих слов и понятий.

— Каких? — спросил он.

— Например, коммунистическая партия, коммунизм. Так настроены многие. Это чувствуется.

— Но я не настолько... революционен,— сказал он.

— Ваш сын примерно на год опережает по возрасту независимую Литву. Думаете ли вы о том, что именно благодаря этим обстоятельствам он вырастет другим?

— Каким? — спросил он.

— Возможно, вы говорите себе: его характер будет формироваться иными силами...

— У него уже есть характер,— сказал он.— Он своевольный, он похож на свою мать.

— Добрый ли?

— Нет, он не очень добрый,— сказал он,— я же говорю: он похож на свою мать.

— Какое у вас было настроение, когда это свершилось, когда здесь сбивали герб?

— Это было некрасиво. Так нельзя было делать. Герб сбивали ломами. Надо было все это делать спокойно. Я не против различных демонстраций, но сбивать... Это показывает небольшую культуру.

— Политическую?

— Моральную.

— Испытываете ли вы тревогу за будущее вашей республики, за будущее вашего сына?

— Нет.

— Не боитесь ли крови, выстрелов, гражданской войны?

— До этого дело не дойдет.

— Много разговоров вокруг Бразаускаса...

— Все только и говорят, что президентом должен быть Бразаускас, но никак не обсуждают сам институт президентства.

Его звали Наркус, а сына Каролис.

Менее чем через двое суток Озолас и Бразаускас, члены одной партии и очевидные противники, станут заместителями премьер-министра.

* * *

Альгирдас Бразаускас, только в десять вечера накануне вернувшийся из Москвы, где он был большой добычей для журналистов, появился в вестибюле Верховного Совета и тотчас оказался окружен какими-то шведами. Отступив в сторону, я слышала, что он говорит им о том, что «Горбачева необходимо поддерживать». Наконец был задан вопрос: «Как бы вы поступали сейчас, окажись вы на месте Ландсбергиса?» Так что, когда наступила моя очередь, передо мной уже был несколько другой человек.

— Нет, полчаса я не смогу вам уделить,— сказал он.— А впрочем, я знаю все вопросы, которые вы зададите.

— Так ли? — сказала я.

— Да. Разумеется. Какие же еще вопросы вы можете задать? — сказал он, и у меня осталось от этой минуты ощущение крика.

Этот человек всегда вызывал у меня самые добрые чувства. Помощник сказал мне по телефону, что «возможно, через неделю он поостынет, и тогда звоните». Многие, наблюдавшие события накануне ночи с десятого на одиннадцатое, помнят именно тот эпизод, когда Ландсбергис предложил Бразаускасу стать его заместителем, на что Бразаускас отвечал отказом. Рабочий день воскресенье многие провели в «унынии», а другие многие начали говорить слова, похожие на те, что сказала мне одна музыколог:

— Может быть, Бразаускасу и спасибо, но вообще говоря, он всего лишь был внешне видный мужчина.

У нее были поджатые розовые губки старенькой мыши.

Вечером этого дня Ландсбергис на пресс-конференции для оставшихся журналистов особо подчеркнул, что только что на ТВ записан диалог его с Бразаускасом.

На фотографии, помещенной в фотовитрине на проспекте Гедимина, Бразаускас и Ландсбергис. Бразаускас смотрит прямо. Ландсбергис обернулся к фотографу, как бы на мгновение отвлекшись от беседы с Бразаускасом.

— Председатель вам назначил? — спросила видная секретарша, владелица большой приемной.— Ах, вот и он.

Ландсбергис остановился перед нами, вынуждая вновь напоминать, кто мы и откуда. До его фразы о сложных международных контактах с СССР остается полтора суток.

— Назначил? — сказал он.— Но я занят. «Огонек»? Вы бы лучше опубликовали мою статью, которую я направлял вам в восемьдесят восьмом году. Возможно, вы ее сохранили в вашем архиве... или сейчас станете разыскивать и найдете. Поищите, может, и найдете.

Он смотрел на нас примерно с тем же выражением, что и на фотографии, сделанной, судя по всему, в первые минуты после свершившегося в ночь на одиннадцатое, там он с охапкой цветов.

— Разве с тех пор у вас не появилось каких-либо новых идей? — спросил мой коллега, фотокорреспондент, как бы схватив за руку рефери, отсчитывавшего над нами: «... девять!»

Ландсбергис пожал плечами и предложил встретиться в четыре. Мы пришли в четыре.

— Председатель все еще на телевидении,— любезно сказала секретарша, похожая на стриженую мадам Тэтчер.— А в полпятого у него опять беседа. О нет, не с журналистами. Важная беседа! Но вы можете присутствовать на пресс-конференции и что-то спросить.

Мы вышли из приемной и через огромное тонированное стекло увидели, как с достоинством мало передвигающегося пешком, с достоинством знающего, что смотрят из окон, с достоинством дипломата, имеющего честь вручить ноту, к парадным дверям идет человек в генеральском мундире. Мы дождались, пока военком Литвы поднимется на лифте, пройдет в приемную, и двинулись следом. Так был записан диалог, и я нарочно переписала его, не разделяя строчки на реплики, чтобы подчеркнуть внезапность и неподготовленность разговора, более неофициального, чем это принято при встрече с военными такого ранга. Читателю поясню, что генерал-майор прибыл к Ландсбергису по поводу решения Верховного Совета Литвы об отмене действующего порядка работы военных комиссариатов. Далее смотрите по тексту.

...Всегда ли были сложны ваши отношения с «Саюдисом»? У меня не было отношений с «Саюдисом». Я имею в виду армию: всегда ли «Саюдис» против... Всегда. С первых дней, все время разговор шел. Нет, не об армии. Проблем армии «Саюдис» не знал. Не кажется ли вам, что это было формой протеста, сопротивления центру? Мое мнение: то было средством завоевать сердца матерей и юношей в предвыборной борьбе, а также в борьбе за посты. Какое впечатление на вас производит Ландсбергис? Мы, как депутаты, несколько раз разговаривали. Наверное, это человек в своей профессии грамотный. А какие цели он ставит, как председатель, не знаю. Можно ли предположить, что вам придется отступить в предстоящем разговоре с Ландсбергисом? Я человек подчиненный, и что мне прикажут, то и буду делать, остальные мне не приказ. Правильно ли я понимаю вас: вы сейчас чрезвычайно озабочены? Я вообще таким словом... я человек-оптимист, и я не озабочен. Я считаю, что пока есть вооруженные силы, все законы их будут выполняться. Литва пока не вышла из состава, это были приняты местными властями... Я хочу обратиться к вам как к частному лицу. Слушаю. Возможен ли драматический поворот событий? Я не знаю, что вы имеете в виду. Не прольется ли кровь? Трудно сказать. Но люди на улицах говорят о танках, это что, пережиток? Я ни в военных кругах, ни в кругах населения, ни в кругах руководителей такого мнения не слышал и не думаю, чтоб военные таким вопросом занимались. Конечно, если какие-то силы не поднимут оружие против населения Литвы, против рабочего класса! Против... ну, интеллигенции и против других национальностей. Тогда, если будет приказ, конечно, будет оказана помощь. Спасибо, будьте добры, отрекомендуйтесь. Да. Военный комиссар Литвы генерал-майор Высоцкис Альгимантас Юозович. Вы литовец? Чистокровный, из Каунаса.

Еще только час продолжалось странное, неопределенное время, когда большинству казалось, что «главное уже свершилось». А что собиралось под спудом мелких событий этого дня, что прорывало застывшую сверху корку? Большая очередь сгущалась у пивного зала. Двое, пацаны, вбежав в троллейбус, компостировали два бумажных рубля. Рубли, я увидела, были искомпостированы вдоль и поперек. Это не было ни обидно, ни смешно, но после шокировало мою попутчицу в поезде, работницу сбербанка.

— Ведь можно было дождаться литов! — возмущалась она.

* * *

— Мы ждали этого пятьдесят лет!

— Что теперь? — спросила я даму, что назвала Бразаускаса видным мужчиной.

— Что? — И она оглянулась на спутника.

— Теперь мы ждем государства Российского,— внушительно сказал он.— Мы уже... соскучились без вас. Давайте скорее спокойно. Торговать. Разговаривать.

Последнее впечатление этих суток. Мужик перед входом в Верховный Совет. В черной шапке-ушанке, ненамного моложе, чем ходоки у Ленина на любимой картине.

— Я не литовка,— сказала я.

— Лошадь не та,— сказал он тогда по-русски.

Он смотрел на всадника, а поодаль малым роем клубились люди вокруг одного с листком бумаги.

— Лошадь должна быть крепкой. Это не та лошадь. Должна быть...

— Тяжелоупряжной? — по-своему понял фотокорреспондент.

— Эта лошадь работать не будет,— сказал черный мужик. Откуда он взялся, приехал, пришел и уставился на гарцующего всадника? — Такие в кино. Как называются? Мустанги. Это мустанг. Сильно красиво. Все правильно, но сильно красиво.

— Эта лошадь временная,— сказала я ходоку.— Спешили.

Ночью в поезде безумствовал странный человечек, держа в страхе купе, состоящее из литовки из сбербанка и меня. Он назвался литовцем. Спрыгивал с верхней полки и бегал по коридору. Проводница заперлась, все спали.

— Правды не любите? — спрашивал он пространство.— Факты не любите? Мне рабочие хлопают.— И в глазах его стояла муть.

— У меня жена русская,— втолковывал он нам,— я хозяин земли литовской и русской.

И махал черными пятернями. Сначала мы пытались послушать новости по «Маяку», потом, деморализованные страхом, смотрели на хозяина земли литовской и русской. В четыре утра в Смоленске в купе вошел некто, говоривший с кавказским акцентом, и наш скорбный друг затих с первого же его слова. Он только раскачивался, хрустел бумагами, раскладывал какие-то листы, тасовал.

— Хороший же у нас хозяин,— тихо сказала я литовке.

Но она не откликнулась на шутку.

А утром все показалось бредом и у проводницы нашелся кофе. Азербайджанец, спаситель из Смоленска, смеялся над нами и учил, что главное не обращать внимания. Но, глядя в окно, она вдруг сказала:

— Это было как во время эвакуации.

И я не знаю, какие кошмары детства к ней подступили из давней метели. Только не эвакуация. Депортация.

Прунскене, Бразаускас и Озолас через сутки составили правительство, интеллектуальная сила которого была ироничной Казимерой Дануте Прунскене оценена как способная составить оппозицию целому парламенту.

БЕЗ ПЕРВОЙ «ПЯТЕРКИ»...

К итогам хоккейного чемпионата СССР.

Этого дня хоккеисты московского «Динамо» ждали 36 лет. И вот он наступил: в последнем туре они обыграли «Спартака», а ЦСКА сделал вторую ничью на финише чемпионата с «Крыльями Советов»: золотые медали в третий раз достались динамовцам, ранее владевшим ими в далеких 1947 и 1954 годах. В успех динамовского коллектива внесли свою лепту вратарь Владимир Мышкин, защитники Михаил Татаринов, Дмитрий Фролов, нападающие Анатолий Антипов, Юрий Леонов, Андрей Ломакин, Александр Семак, да и вообще вся команда. Наконец-то в коллективе перестали считаться, кто в команде главный, а кто помогающий.

— Это был самый запоминающийся для меня чемпионат, может быть, потому, что я впервые его выиграл,— сказал после игры динамовский тренер Владимир Юрзинов.

Мне вспомнился 1972 год, динамовцы выиграли Кубок СССР. Я зашел в раздевалку поговорить с капитаном команды Юрзиновым. В этот момент один из наших космонавтов поздравлял команду. Едва я начал задавать вопросы, Юрзинов прервал меня:

— Подожди, дай послушать, я потом отвечу на все вопросы. Ведь сколько я играю, первый раз выиграл Кубок.

Да, нелегкая была судьба у Юрзинова — игрока и тренера.

— Нынешний чемпионат был, пожалуй, самый «упрямый»,— заметил Юрзинов,— три команды до последнего момента боролись за победу. Одно время казалось, что «Химик» ушел далеко вперед, но мы сражались и не теряли надежды. Кого-то отчислили, дали поиграть молодежи.

Это был самый справедливый чемпионат — все играли на равных. Не зря на финише турнира на многие матчи, как и на последний, «лишние билетики» спрашивали еще в метро.

Мы рады, что поддержали честь клуба, продолжили дело ветеранов, первого тренера Аркадия Ивановича Чернышева, отметили награждение динамовца Льва Яшина, первым среди советских спортсменов получившего звание Героя Социалистического Труда. К сожалению, его сейчас нет с нами.

Теперь в команде предстоят значительные изменения: ветераны уезжают за границу, на их место приходит молодежь. А значит, тренеру предстоит большая работа. Ничего не попишешь, такая тренерская доля.

Да, тренерская доля, конечно, нелегкая, да еще у тренера команды, которая постоянно борется за чемпионский титул. Как здорово провели московские динамовцы осенние матчи с канадцами, а потом вдруг «скисли».

Вспоминаю, как Юрзинов в проигранном матче с «Крыльями Советов» заменил вратаря шестым полевым игроком, когда шел к концу третий период, а у соперников был удален хоккеист. И смелость победила — «Динамо» выиграло. Как, проигрывая «Химику», он в конце матча, когда его команда была в меньшинстве, сумел выиграть — 5:3. А как тяжело было проиграть рижанам на финише чемпионата? Отрыв сократился до одного очка. А как победили ярославское «Торпедо»? Сыграли в этих матчах отменно ветераны клуба С. Яшин, Е. Попихин, но вел их вперед тренер.

Но сейчас все позади, поздравляем команду и тренера с большой победой. Теперь надо и в Кубке европейских чемпионов зарекомендовать себя с лучшей стороны.

Чуть-чуть не дотянул для ставшего привычным второго места «Химик». Команда из небольшого подмосковного города Воскресенска, созданная много лет назад Николаем Эпштейном, радует своих болельщиков. Судя по словам нынешнего тренера Владимира Васильева, «Химик» нацелился на золотые медали. И если в этом году их не завоевал, то в следующем обязательно.

Что ж, по крайней мере мы теперь будем знать, кто у нас следующий чемпион. Не знаю, правда, согласятся ли с этим Юрзинов да и тренеры других команд...

Почувствовав, что команды подравнялись, неплохо сыграли в прошедшем чемпионате «середняки»: рижское «Динамо», «Крылья Советов», в нападении здорово выглядели форварды «Спартака», в ряде матчей приятно удивил новичок высшей лиги—ярославское «Торпедо». Самоотверженно провели матчи и победили ЦСКА горьковское «Торпедо», не попавший в «десятку» спортивный клуб имени Урицкого (Казань).

Второе место, непривычное для этой команды, с 1977 года неизменно становившейся чемпионом страны, занял ЦСКА. В этом сезоне клуб лишился ряда своих игроков. Особенно болезненно поклонники советского хоккея переживали уход в профессионалы НХЛ первой «пятерки» команды.

«Незаменимых в хоккее не бывает,— заявлял повсюду В. Тихонов.— Ушла первая «пятерка», на смену ей придут другие игроки, например, звено В. Быкова». Те игроки, на которых тренер сделал ставку, его не выручили. Долгое время ЦСКА побаивались менее именитые клубы. А первой «пятерки» очень не хватало советским любителям хоккея: игра пошла не столь комбинационная, нередко сумбурная. Но ушли игроки первой «пятерки» не из клуба, ушли от тренера. А это страшнее всего: ученики ушли от учителя. И их уход стал трагедией не только для ЦСКА, но отбросил назад и весь советский хоккей. Пройдет год или два, а может быть, и больше, пока у нас возникнет новая первая «пятерка».

Вместо того чтобы признать свои ошибки, В. Тихонов в популярной передаче «Телевизионное знакомство» обрушился на журналистов, в различное время критиковавших его: Е. Майорова, Д. Рыжкова, Ю. Цыбанева, А. Ратнера и других. А какой скандал закатил тренер ЦСКА телекомментатору В. Перетурину за неправильный, с его точки зрения, репортаж о матче ЦСКА. Кто же остался с тренером? О. Спасский, Л. Трахтенберг, да и те в последнее время редко его выручают.

Чемпионат страны закончен, и пришло время формировать сборную. Старший тренер делает это по-старому, среди кандидатов две «тройки» ЦСКА, несколько защитников команды. Интересно, что будут делать на чемпионате мира такие игроки, весьма средне проявившие себя в чемпионате, как Е. Давыдов, П. Буре, В. Константинов? В то же время не замечен ряд ведущих игроков из московского «Динамо», «Химика», среди кандидатов нет А. Семака, юного В. Козлова.

Из игроков, выступающих в клубах НХЛ, приглашен только вратарь С. Мыльников. А о первой «пятерке» нет даже разговора.

Ехать на чемпионат мира без таких игроков, которые сейчас уже свободны, как И. Ларионов, В. Крутов,— это большой риск. А может быть, освободятся в середине апреля и другие хоккеисты первой «пятерки»?

По правде говоря, В. Тихонову пришло время подумать об отставке с поста старшего тренера сборной. Ему скоро исполняется 60 лет, с 1977 года он руководит ЦСКА и сборной СССР. Сейчас появились новые солидные тренеры — В. Юрзинов, В. Васильев, С. Николаев и другие. Несколько ведущих игроков ЦСКА переходят в профессионалы, а третья и четвертая «тройки» нападения пока не представляют опасности для соперников. Вообще почти все хоккеисты ЦСКА играют не первый год, за исключением вновь принятых из киевского «Сокола» тридцатилетнего Е. Шастина и двадцатичетырехлетнего О. Маринина из «Спартака». И всякие разговоры о том, что команда новая, что не хватило времени стать настоящими мастерами, беспочвенны. За 13 лет в ЦСКА не выросло ни одного своего настоящего игрока.

В. Тихонов на главном хоккейном посту три олимпийских срока, но его методы не изменились, все осталось по-старому: всех, кого вырастили в других командах, забирает в свой клуб, как это было с челябинским «Трактором», ленинградским СКА, воскресенским «Химиком» и другими. А это сейчас для армейской команды невозможно: ведь хоккеисты-студенты ныне призыву в армию не подлежат...

Пока еще есть время, надо бы старшему тренеру подумать о составе сборной, укрепить ее нашими известными профессионалами. В противном случае поездка на чемпионат может оказаться... за вторым или третьим местом.

В. ДВОРЦОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

По оценкам большинства читателей, февральская премия американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, ЛТД, учрежденная за лучшую публикацию месяца, присуждается Анатолию Головкову, автору статьи «Предварительный диагноз», опубликованной в № 8.

МОЯ МИЛИЦИЯ

Письмо начальнику ГУВД г. Москвы П. Богданову.

Товарищ генерал!

Позвольте мне покуситься на часть Вашего плотно загруженного времени, чтобы рассказать о следующем.

Двенадцатое марта, если Вы помните, товарищ генерал, было сырым, дождливым понедельником. Обнаружив уже на Пушкинской скопление самых верных спутников отечественных демократических перемен — автобусов желтого цвета марки «ПАЗ» с плотно задернутыми шторками, я понял, что назревает событие, и, выполняя свой профессиональный долг, пошагал в сторону наибольшего скопления сил правопорядка — искомым местом оказалась площадь Маяковского.

Единственной фигурой на площади, после того как ее перегородили, был непосредственно поэт. До терпеливо ожидаемого мерзнущими Вашими подчиненными митинга скандалистов из «ДС» оставалось минут сорок. Я забился под навес Концертного зала им. Чайковского и колебался между профессиональным долгом и призывами манящего домашнего уюта.

— Иди отсюда,— твердо сказал мне штатский товарищ, явно избавленный в детстве от общества гувернера-француза и тягот образования в Пажеском корпусе.

— Почему? — тихо спросил я и примиряюще добавил: — Никому не мешаю. Вы представьтесь, пожалуйста. Кто вы?

— Очень умный,— почему-то решил штатский и бросил через плечо: — Капитан, иди сюда. Давай этого в автобус.

Капитан в форме устремился ко мне с деловитым:

— Пошли.

— Я не пойду,— ответил я уже на ходу, пытаясь скрыться по мере сил с чудесной площади.

Капитан удивился за моей спиной:

— Как не пойдешь? Неповиновение сотруднику милиции?

Товарищ генерал, если у меня и оставались некоторые сомнения в физподготовке личного состава ГУВД, то я с ними расстался в те считанные секунды, когда меня сгребли за плечи и потащили к автобусу. Я пытался упираться и говорить о своих профессиональных задачах, но в середине фразы сильным тычком уже переправился в автобус, где было темно и неожиданно резко пахло сапогами — в автобусе в полной амуниции располагался отряд специального назначения.

На меня бросились сразу четверо. Некто с перекошенной физиономией закричал мне в лицо:

— Садись на пол, сволочь! На пол, скотина!

На грязном, заплеванном полу в узком проходе меж креслиц уже располагалась пара несчастных. Я пытался устоять на ногах, со всех сторон оценили мои потуги отборным матом. Два «товарища» увлеченно стали заламывать мои руки, двое били дубинками под ребра и колени.

— Придуши его чуть,— посоветовал кто-то опытный.— Воздух-то ему перекрой, вот так, ага, ага.

На мое горло легла резиновая дубинка, и я вдруг увидел, как потемнело в автобусе.

— Ты ему руку крутани, вот так, ага,— советовал опять опытный товарищ,— он сумку сам и бросит.

Сознание того, что сейчас чужие руки залезут в драгоценную аппаратуру, вернуло меня из небытия, и я прохрипел свою профессию и мольбу позвать офицера. Им оказался старший лейтенант Шкуропёт.

Офицер, изучив редакционное удостоверение, спровадил меня из автобуса. Я пошел прочь от площади Маяковского, автора, помните, товарищ генерал, бессмертного, про то, что у советских собственная — как ее там, вспомнил — гордость!

Стоп, товарищ генерал, не надо тянуться к телефону, чтобы строго сказать в трубку: «Что, Петров, опять твои журналиста загребли?», не надо писать ответ мне на бланке с просьбой сообщить звания, номера автобусов, адреса свидетелей матерных оскорблений. Я совсем не на это хочу указать.

Я не жду извинений от каскоголовых людей, более того, я счел бы для себя оскорблением, если бы мне предложили пожать им руку.

Просто хочется понять, от кого бережет меня моя милиция?..

Юрий ФЕКЛИСТОВ,
фотокорреспондент «Огонька»

■

Вернулся я из загранкомандировки, был в Монголии. Сдал, как и положено, в военкомат военный билет, чтобы встать на учет. Прихожу за ним, а мне говорят: получите, когда сдадите анализ на СПИД. Что же, надо так надо. Сел на автобус и поехал в санэпидстанцию на другой конец города. Кое-как нашел здание, молодая сестра записала мои анкетные данные в толстенный журнал и дала направление в поликлинику № 1, кабинет № 15. Это уже на другом конце города. Нашел я и этот кабинет, выстоял в традиционной очереди. Там уже другая молодая особа еще раз переписала мои анкетные данные и, взяв направление из СЭС, поставив на нем цифру 82, говорит, что во вторник с 7.30 до 8.30 утра я должен пойти в новую поликлинику в кабинет № 82 и там у меня натощак возьмут пробы на СПИД.

Мне пришлось объехать всю Каховку, а в итоге эта «новая» поликлиника оказалась через дорогу от военкомата. Не лучше ли этим двум дамам кипятить шприцы, если у нас нет одноразовых, и платить им деньги не за двойную регистрацию моих анкетных данных, а за конкретную пользу? Я, понятно, связан военным билетом и вынужден поехать из кабинета № 82 куда угодно. Но мне хотелось бы знать, почему же так уверен Минздрав, что проститутка и наркоман тоже будут ездить по этим околомедицинским кругам, где больше беспорядка, чем медицины?

Итак, пришел я во вторник, 13 февраля, в кабинет № 82, и опять традиционный журнал с записью моих анкетных данных. Сдал наконец кровь, но мытарства не кончились: у меня забрали злосчастное направление, без которого в военкомате не дадут военный билет. И тут я узнал, для чего существует особа в 15-м кабинете. Я должен пойти к ней, и она без всяких бумаг, только с моих слов, выдаст справку, что я сдал анализ. Справка эта будет с ее подписью, но без печати. Печать я должен поставить в кабинете № 2.

Но и это еще не все. Поинтересовался, как я узнаю результат. Привожу дословный ответ: «При положительном результате вас заберут». Мне стало жутко, и по пути в поликлинику № 1 я подумал: кто же меня будет забирать, люди Бакатина или Крючкова, если, увы, результат окажется положительным?

В. С. ОСТАНИН
Таврийск Херсонской обл.

■

Когда знакомлюсь с выступлениями Е. К. Лигачева, отвечающего в Политбюро ЦК КПСС за наше сельское хозяйство, читаю статью В. Стародубцева в «Правде» или слышу речи народных депутатов о том, что страну накормят только колхозы или совхозы (а их рассуждения сводятся к тому, передавать ли землю крестьянам или пусть она и дальше зарастает бурьяном), я в поисках истины предпочитаю обратиться к цифрам. Надеюсь, они сейчас не врут, как раньше. А цифры говорят против сторонников дальнейшего раскрестьянивания страны.

Посудите сами. В 1985 г. крупнорогатое стадо страны насчитывало 121 млн. голов (коров — 43,6 млн.). Спустя два года, в 1988 г., оно сократилось до 119,6 млн. голов (коров — 41,8 млн.), а в 1989 г. уже составило только 118,3 млн. голов (41,7 млн. коров). Оно было бы, видимо, еще меньше, но в частном секторе (который учитывается в общем стаде) скота стало на 300 тыс. голов больше (в том числе и коров на 200 тыс.). Если прибавку частников убрать из общего стада страны, то получится, что, несмотря на миллиардные инъекции в сельское хозяйство, стадо во всех категориях хозяйств только за год уменьшилось на один миллион шестьсот тысяч (!) голов.

Если учесть, что за чертой бедности у нас более сорока миллионов человек и голодных ртов за последние годы стало еще больше, то не трудно подсчитать, увеличился ли наш говяжий и молочный рацион, получаемый из колхозов и совхозов. Цифры подсказывают, что уменьшился, если к тому же учесть, что, по всей вероятности, каждая третья или четвертая буханка хлеба испечена из заокеанского зерна.

Но упорствующие догматики, не стесняясь никаких цифр, требуют и требуют увеличения дотаций из народного кармана для развития сельского (колхозного) хозяйства. Прикиньте, сколько же пачек денежных купюр необходимо подложить под нищие, разоренные, неработающие колхозы (а их большинство), чтобы поставить их из лежачего положения хотя бы на колени. Хватит ли у нас леса на печатание таких сумасшедших денег?

Почему этих расчетов не видят руководители сельского хозяйства? Или они преднамеренно закрывают глаза, чтобы не расстаться с руководящим креслом? И что это за политика — управлять нищими и бояться богатых?!

Вывод один: пока в нашей многострадальной стране есть еще хотя бы пять процентов желающих взять в частную собственность землю — ее немедленно надо отдать им. А главное — поддержать их морально и материально, отдав часть пачек купюр, которыми сегодня подпираем колхозы. Уверен, что в скором будущем появятся на нашем столе и молоко, и мясо, и давно забытый сыр. Мне кажется, что это тот случай, когда и тов. Лигачеву, и народным депутатам стоит «поступиться принципами».

А. С. СЕРОВ
Мариуполь

■

Я, Фурсова Надежда Гавриловна, многодетная мать, у меня семь несовершеннолетних детей и трудовой стаж 21 год. До сих пор я не имею никаких наград за материнство только потому, что моя семья верующая и принадлежит к общине евангельских христиан-баптистов. Мне отказано не только в получении наград, но и в получении льгот. Для обеспечения семьи продуктами питания необходимо удостоверение многодетной матери, которого я лишена. Чтобы перевозить детей дошкольного и школьного возраста и доставлять продукты питания, нам нужен транспорт, соответствующий количеству членов нашей семьи.

По закону я должна иметь много льгот, которые помогут воспитать детей, но моя семья их лишена, потому что мы верующие. У нас есть полное право сказать о неравном и несправедливом отношении к верующим, об ущемлении наших элементарных гражданских прав. И тем не менее невзирая на несправедливое отношение к христианам желаем оставаться верными Богу до конца и жить в пределах своей Родины, а не эмигрировать за границу.

Н. Г. ФУРСОВА
г. Мерефа Харьковской области

■

Высылаю заявления секретарей Центрального райкома партии, которые поместила областная газета «Калининская правда» 15 февраля сего года.

ОТ ПРИБАВКИ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

«В бухгалтерию
Центрального райкома КПСС
г. Калинина

Заявление

В связи с невозможностью дальше выносить моральные издержки, вызванные возмущением общественного мнения в ответ на повышение заработной платы партаппарату, прошу: выплачивать мне прежний оклад в сумме 330 рублей с февраля 1990 г.

5.02.90 г.

В. БРАГИН, первый секретарь
Центрального райкома КПСС.

* * *

Заявление

В связи с тем, что, несмотря на возмущение народа, большинства коммунистов, февральский Пленум ЦК КПСС не пересмотрел вопрос о заработной плате партаппарата всех уровней, считаю необходимым отказаться от прибавки и прошу выплачивать мне с 1 февраля 1990 г. прежний оклад в размере 280 руб.

8.02.90 г.

Е. НОВИКОВА, второй секретарь
Центрального райкома КПСС.
Калинин».

Мы привыкли слышать о партийном руководстве другое: то машины «своим» распределили, то из партийной казны престижную больницу возвели, я тоже могу привести массу примеров, как коммунисты сами подрывают честь партии. Но не об этом хочу сейчас сказать. Никаких особых эмоций отказ секретарей райкома партии от повышенной незаконно зарплаты у честных, порядочных людей не вызвал. Их поступок — это норма для каждого честного коммуниста. Однако хотелось бы знать: будут ли у секретарей Центрального района последователи?

С. М. ПАВЛОВ,
инвалид войны, член КПСС
Калинин

■

Когда в очередной раз по телевизору транслируется кинофильм «Светлый путь», я специально слежу, восстановили или нет вырезанные по указанию бдительного цензора слова из «Марша энтузиастов»: «...мечта прекрасная, еще неясная, уже зовет меня вперед...» И всякий раз убеждаюсь: нет, не восстановили. По-видимому, по ущербной чиновничьей логике, у советского человека не может быть никакой неясности относительно своего будущего.

Или возьмем песню «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы». От самого создания знаменитой песни и вплоть до середины 70-х годов в ней были такие слова: «...и летели наземь самураи под напором стали и огня». Не тот ли самый чиновник от искусства, заопасавшийся, как бы не обиделись самураи на слова песни, велел заменить их на «и летела наземь вражья стая под напором стали и огня»?

Боязнь «обидеть» руководила, видимо, теми, кто распорядился вырезать из кинофильма «Золотой теленок» сцену, в которой Шура Балаганов (артист Куравлев), рассказывая Остапу Бендеру о разграничении сфер мошенничества между лжесыновьями лейтенанта Шмидта, при слове «мордовия» проиллюстрировал ладонями, поднесенными к щекам, свое понимание этого географического понятия.

Но это все мелочи, чиновничьи забавы в сравнении с вещами более серьезными. Запретительство как один из видов ретуши реальной действительности не остановилось даже перед авторитетом основателя Советского государства. Известная речь Ленина «О работе для транспорта», записанная на грампластинку в 1920 году, вплоть до 1929 года состояла из двух частей и занимала обе стороны пластинки. После 1929 года первую часть этой речи вдруг сняли с производства и засекретили настолько, что ее содержание и по сей день является тайной за семью печатями.

Резонно спросить: что же мог сказать Ленин такого, что даже через 60 лет представляет опасность для устоев созданного им государства? Здравый смысл подсказывает, что наложенный запрет на ленинскую фонограмму кощунствен, он должен быть немедленно снят.

Вообще с ленинскими грампластинками происходит нечто странное. Одна из ярких речей вождя, «О погромной травле евреев», с 1940 года ни разу не переиздавалась на грампластинках. Фонограмма речи «О концессиях и о развитии капитализма», хотя и была найдена в 1969 году, так и не включена ни в одну из долгоиграющих пластинок с речами Ленина.

Запретительский зуд, противоречащий сегодняшним понятиям о гласности, должен быть навсегда сдан в архив.

А. ЖЕЛЕЗНЫЙ
Киев

■

Военные строители, которых называют снискавшим печальную славу словом «стройбатовцы», построили у нас в городе завод. А тут как раз подоспела конверсия, и стоит эта махина никому не нужная, ведь работы нет, а город мал. Наши старые заводы уже и так «высосали» из соседних сел все людские ресурсы, какие только можно.

А что стройбатовцы? Начальник нашего горОВД Н. К. Быканов уже сорвал голос, докладывая во все инстанции о преступности в Большом Камне. В районной газете «Ленинский луч» он сообщил: «Ежедневно из местных военно-строительных

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ, ИЛИ КАК СДАТЬ АНАЛИЗ НА СПИД ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●
СТРОЙБАТ — АРМИЯ ИЛИ «РАБСИЛА»? ●

отрядов (ВСО) «в бегах» около 500 человек. Это голодное, разболтанное «войско», как саранча, разбредается по окрестностям в поисках пищи, спиртного, одежды, денег. За прошлый год было задержано 2200 человек». Они сплачиваются в преступные группы, хулиганят, воруют, угоняют машины. Из политотдела военно-строительных частей в Хабаровске на представления сотрудников уголовного розыска поступают только отписки-указания: «улучшить», «обязать», «воспитать».

У нас, жителей, создается впечатление, что это, как пишет газета, «неуправляемое стадо», которое армией назвать язык не поворачивается, никому не нужно и никто за него не отвечает. Страшно нам жить рядом со стройбатовцами, но и ребят молодых тоже жалко. Не раз я видела, как бродят они в поисках еды, шлепая по подмерзающей жиже в драных ботинках, без носков, как гонят их, безденежных, продавцы от прилавков. Но это, как говорится, эмоции, поэтому я приведу конкретные факты из статьи «Мы не рабы?». Вот что говорит один из строителей, которому осталось три месяца до демобилизации: «За всю службу я получил в кассе части 5 рублей. Если бы не родители, хоть умирай с голоду. Я должен 112 рублей. Прошу у родителей денег, чтобы доехать домой». «В казарме холодней, чем на улице. Работаем на самых низкооплачиваемых работах, а деньги перечисляют в часть, мы все время в долгах,— добавляет другой,— за обмундирование и питание».

Оказывается, военные строители недавно переданы Минвостокстрою СССР, которому, к сожалению, до зарезу нужна только рабочая сила, тут уж не до армейской подготовки.

Как же быть? Думаю, что командующему этим «войском» генералу Л. И. Чуйко следует самому немедленно поставить вопрос перед Верховным Советом СССР.

Л. М. ЛУЗИНА
Большой Камень Приморского края

■

О теневой экономике в последнее время написано немало. Однако в печати совершенно не затрагивался вопрос о такой ее форме, как заповедно-охотничьи хозяйства. Между тем статус заповедно-охотничьих хозяйств, насколько мне известно, не закреплен ни одним юридическим документом (законом). Хотя лица и организации, в ведении которых находятся такие хозяйства, получают от них немалую выгоду и отнюдь не спешат реагировать на требование общественности и прессы возвратить уникальным природным комплексам (на их территории создавались ГЗОХи — государственные заповедно-охотничьи хозяйства) статус заповедников.

В заповедно-охотничьих хозяйствах, как правило, отсутствуют строгие методы учета зверя, древесины и других природных ресурсов, что является важнейшей предпосылкой для различного рода «теневых» дел.

Я могу проиллюстрировать это на примере всемирно известной Беловежской пущи, где до сих пор существует охотничье хозяйство, обслуживающее высокопоставленных лиц из правительства Белорусской ССР. Сохраняется охотничий дворец с обслуживающим персоналом, обходящийся государству, а значит, народу в ежегодно выделяемые для его содержания и ремонта многие тысячи. Кроме того, около 170 тысяч рублей в год народных денег выделяется на подкормку оленей и кабанов (экологически чистое мясо для бюрократии). Экологический урон от этого хозяйства огромен — из-за поддерживаемой обильной подкормкой высокой численности копытных распадаются и деградируют уникальные для всей Европы биоценозы хвойно-широколиственных лесов пущи.

А как оценить нравственный ущерб? В народе говорят: заповедное — для нас, а охотничье — для...

Такое положение, когда в бесценном для науки, а значит, и для экономики будущего природном комплексе вопреки всяким законам экологии, экономики и нравственности (а равно и юридическим законам) ведется убыточное для народа, но обслуживающее бюрократическую систему и ее отдельных представителей охотничье хозяйство, далее недопустимо.

А. ШАЛАК,
младший научный сотрудник
ГЗОХ «Беловежская пуща»

■

В своем собственном почтовом ящике я обнаружил вот такое воззвание.

Уважаемые товарищи!

В целях своевременного предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений совет общественного пункта охраны порядка микрорайона № 71 Первомайского района г. Минска просит вас информировать о следующих нарушениях, известных вам или имеющихся в доме:

— о лицах, проживающих без прописки;
— о неработающих трудоспособных и совершеннолетних гражданах, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни;
— о родителях, не уделяющих внимания воспитанию детей;
— о всех скандалах в доме, в том числе семейных;
— о лицах, злоупотребляющих спиртными напитками;
— о фактах самогоноварения;
— о фактах предоставления квартир для распития спиртных напитков;
— о сборищах в подвалах, подъездах, на чердаках;
— о других фактах антиобщественного поведения, могущих привести к преступлениям, в том числе с применением транспортных средств.

Информацию можно передать как в устной, так и письменной форме по тел. 66-68-66 ст. уч. инспектору РОВД т. Ковалеву А. М.; 66-45-05 уч. инспекторам РОВД тт. Рак Л. Д., Носкову П. В., Чудиловскому А. И. и по адресу: 220012, Минск, ул. Толбухина, 13, ОПОП-83 микрорайона № 71.

Совет общественного пункта охраны порядка.

Видно, подписавшийся «совет» уверен, что изобрел новый радикальный способ борьбы с преступностью — доносительство, которое в обозримом будущем принесет свои плоды.

Правда, возникают вопросы. Включается ли в антиобщественный образ жизни участие в неформальном движении? Можно ли считать соседа, которого встретил в новогоднюю ночь навеселе, «лицом, злоупотребляющим спиртными напитками»? Каким образом узнавать об актах самогоноварения, может быть, натаскать своего кота на запах браги? Как узнать о семейных скандалах — развесить подслушивающую аппаратуру или подглядывать в замочную скважину?

А если серьезно, то от этого воззвания здорово попахивает 1937 годом, живы еще люди, которые помнят, к чему привели доносы на соседей.

В. ВАСИЛЬЕВ,
младший научный сотрудник
БелНИИ судебных экспертиз
Минск

■

В феврале в программе «Время» был показан репортаж о посещении секретарем ЦК КПСС Л. Н. Зайковым завода, где производятся самолеты МИГ. Этот репортаж должен был, наверное, свидетельствовать о процессе конверсии нашей оборонной промышленности. Однако мое недоумение вызвали суждения, высказанные перед телекамерой Л. Н. Зайковым. Суть их сводилась к тому, что конверсию нельзя понимать так, что инженеры высочайшей квалификации начинают клепать кастрюли на сложнейшем оборудовании. По мнению тов. Зайкова, конверсия для данного предприятия должна состоять в том, чтобы произвести десяток лишних самолетов и продать их за рубеж, ведь за ними стоят в очередь, на них есть спрос в мире, и, по его словам, этот спрос надо удовлетворить, а на вырученные доллары купить товары народного потребления и новое оборудование. Конечно, такая «конверсия» не требует никаких затрат на перепрофилирование производства, но возникает вопрос: во что мы хотим превратить нашу планету — в арсенал оружия или мирный дом для всего человечества? Каждому понятно, что МИГ — это не то оружие, которое приобретают для коллекции.

Когда-то наша страна отважно взяла на себя роль создателя нового общества, новой социалистической культуры, а сегодня мы навязываем другим странам «культуру Калашникова».

Думаю, поступая таким образом, мы не только помогаем сохранению нестабильности в мире, но и объективно наносим прямой удар по интересам миллионов самых обездоленных людей в мире, потому что народам, правители которых закупают наши танки и самолеты, этого оружия не надо. Им еще больше, чем нам, необходимы продовольствие, медицинская помощь, школы и учебники. И еще одна мысль возникает: а не пронесутся ли эти МИГи, сея смерть и разрушения, вдруг над нашими головами?

Признание общечеловеческих ценностей предполагает и признание элементарной логики и последовательности: нельзя, с одной стороны, вести политику разоружения, а с другой — превращать планету в склад оружия, как бы при этом мы ни нуждались в валюте.

В. А. БАРЫШЕВ,
преподаватель ПТУ
Витебск

МОЛОДЕЖЬ В ЗАКОНЕ

В коллаже использованы фото Е. ЛУКАЦКОГО и Ю. ПЕТШАКОВСКОГО

В последнее время самые различные учреждения и организации проявляют нешуточный интерес к молодежным проблемам. ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Совет Министров, Госкомтруд, Комитет по делам молодежи Верховного Совета СССР создают многочисленные варианты молодежных концепций. Уже опубликован проект Закона об общих началах государственной молодежной политики СССР.

Люди во все времена сочиняли законы. Вероятно, это вполне естественное человеческое стремление упорядочить свою жизнь. Законы бывают разные — римское право и кодекс Хаммурапи, законы уголовные и законы воровские; бывают законы чрезвычайные и такие, как указ о борьбе с алкоголизмом или положение, регламентирующее деятельность кооперативов, наконец, есть религиозные и нравственные императивы, вневременные и максималистские. Сейчас на советского налогоплательщика обрушился водопад новых законодательных инициатив. И только очень темный человек может полагать, что это очередная бюрократическая уловка, и пять сотен «разгневанных мужчин и женщин», составляющие Верховный Совет, напрасно сотрясают эфир.

Законы нужны. Необходимы. Вся история нашего государства — пример того, к каким горьким и подчас трагическим результатам можно прийти, не имея четкого, квалифицированного законодательства.

Но всякие ли законы нам нужны? Такой вопрос возникает, когда смотришь на проекты некоторых наших законов, находящихся в повестке дня нашего парламента.

Идея закона о молодежи возникла давно. Первая попытка была предпринята еще в 1966 году, как раз тогда, когда молодежные выступления всколыхнули страны Западной Европы и США. Ничего не вышло. Второй заход — в 1977 году — также провалился. Нынешняя попытка третья. Чем она вызвана к жизни? На этот вопрос есть простой ответ: с молодежью у нас плохо (заметим в скобках — как было двадцать, сто, тысячу, три тысячи лет назад, ибо не бывает общества, которое было бы полностью довольно подрастающим поколением, в котором не возникал бы конфликт «отцов и детей»).

По данным опроса общественного мнения: СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО В СТРАНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖИ?

Согласен, считаю проблему молодежи одной из самых острых проблем нашего общества — 31%

Не вполне согласен, так как такие проблемы относятся не к молодежи в целом, а к отдельным ее группам — 23%

Не согласен, думаю, что никакой проблемы молодежи нет; есть проблемы, единые для всего общества — 30%

Затрудняюсь ответить, у меня нет мнения по этому вопросу — 16%

На вопрос — а действительно ли у нас плохо с молодежью? — можно ответить так: ничем не лучше, чем в других областях нашего общества. Можно и резче — как сказал на страницах «Огонька» А. Нуйкин, «положение наше — дрянь». А как еще оценить разбойные нападения и массовые драки на улицах многих городов, массовый выход из ВЛКСМ (за последние пять лет численность комсомола сократилась почти на 10 миллионов человек, известны многочисленные случаи самороспуска целых первичных организаций), фарцовку, наркоманию и токсикоманию? Среди девочек-старшеклассниц одной из наиболее престижных профессий становится профессия валютной проститутки. Колонии для несовершеннолетних переполнены, в преступные банды вовлекаются целые районы и школы, включая младшеклассников. Вдруг обнаружилась скрытая безработица среди молодых. Молодым семьям негде и не на что жить, количество разводов перевалило за 50%, рождаемость падает... Куда дальше?

Следовательно, нужен закон о молодежи?

По данным опроса общественного мнения *: КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НУЖЕН ЛИ НАМ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЗАКОН О МОЛОДЕЖИ?

Считаю принятие закона необходимым и своевременным — 26%

Закон нужно принять, хотя на решение молодежных проблем с его помощью особенно рассчитывать не приходится — 25%

Идея принятия закона надуманная и пустая — 12%

Затрудняюсь ответить — 37%

Всесоюзный центр изучения общественного мнения приступил к опросу после того, как обсуждению проекта закона были отданы газетные полосы и эфирное время Центрального и местного телевидения. Один из нас оказался в гостях у друзей, когда транслировалась очередная такая передача. Трое молодых юристов из НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ пытались объяснить новаторство проекта, и пятеро взрослых людей от 30 до 40 лет напряженно стремились уловить суть этой многомесячной работы. До тех пор, пока не пришел четырнадцатилетний сын друзей и со словами: «Да чего вы время тратите!» не переключил на другой канал. Случай частный, но, как говорится, заставляет задуматься.

По данным опроса общественного мнения: ЗНАКОМЫ ЛИ ВЫ С ПРОЕКТОМ ЗАКОНА О МОЛОДЕЖИ?

Ничего об этом не слышал — 39%

Знаю об идее, но не знаю никаких подробностей — 57%

Знаком с проектом закона — 4%

Попробуем взглянуть на дело с иной стороны. Предположим, закон принят. Поможет ли он справиться с подростковой преступностью и наркоманией? Уменьшит ли число несовершеннолетних проституток? Прибавит ли ощущения собственной значимости молодому инженеру, рабочему, кинематографисту? И вообще, можно ли с помощью законов бороться с определенными социальными явлениями?

Строго говоря, едва ли. Разве там, где проституция официально запрещена, она не существует — в скрытых формах, подчас еще более уродливых? Или сухой закон где-либо и когда-либо раз и навсегда покончил с пьянством? В силах ли закона построить больше квартир, детсадов и родильных домов? И, наконец, можно ли путем законодательства решить проблемы молодости?

Здесь мы сталкиваемся с очень серьезной, драматической ошибкой — со смещением понятий. Дело в том, что в наших условиях молодость — как и детство, и отрочество, и зрелость — это не столько возраст, некая ступень личностного развития, сколько определенный социальный статус. Место возрастной психологии у нас занимает мифология возраста — явление само по себе неоригинальное, берущее начало в древних цивилизациях, трансформированное в соответствии с нуждами командно-административной системы. Под бодрые звуки маршей («молодым везде у нас дорога!») молодежь постепенно отодвигалась все дальше на периферию общественной жизни, отстранялась от ответственных дел и решений. С усилением геронтологических тенденций в период «застоя» она вовсе оказалась на задворках общества.

А ведь молодость — это время, когда нужно (вопреки сложившемуся порочному стереотипу) совершать ошибки! Ибо только тот, кто совершает ошибки, идет вперед, растет как личность. В последние десятилетия молодежь была «униженной и оскорбленной», лишена надежд на близкую самоактуализацию. Навязанный стереотип «смотри на меня» сковал не только социальную, но и личную инициативу...

Как же живет сегодня молодежь? Ка-

*** Опрос проводился в начале 1990 года в 41 населенном пункте — в 22 регионах страны. В нем приняли участие 1458 респондентов.**

ково отношение сегодняшнего общества к ней?

Живет она не хуже других слоев общества. Скажем, сравнение жизни молодого человека и пенсионера будет явно не в пользу последнего, хотя одно другого стоит. И все же на стороне молодых и гиперопека родителей, и льготы для молодых специалистов, для молодоженов. Не говоря о том, что перед такими явлениями, как инфляция, хамство, человеческая жестокость, пенсионеры куда более беззащитны. Значит ли это, что молодежь находится в наиболее благоприятных условиях? И да, и нет.

Много ли среди руководителей любого ранга, среди известных общественных деятелей, преуспевающих ученых и писателей молодых? По пальцам можно пересчитать. Многие ли молодые обеспечены нормальными условиями жизни? Все ли имеют работу, о которой мечтали? Нельзя сказать, что для общества это тайна. Напротив, особенно в последнее время о проблемах молодежи говорят, кажется, все и всюду. Но — как?

По данным опроса общественного мнения: КАКОЙ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ПУТЕЙ НАИБОЛЕЕ РЕАЛЕН СЕГОДНЯ В РЕШЕНИИ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ?

Собственные усилия молодежи, их способность пробиваться в жизни, самостоятельно решать свои финансовые проблемы	39%
Решить проблемы молодежи способна только государственная программа помощи молодым	28%
Реально может улучшить положение молодежи только помощь родителей	17%
Затрудняюсь ответить	16%

Основное, что вызывает возражение,— это тезис о необходимости государственной молодежной политики.

Сначала о государственности. Сама эта идея явно не учитывает своеобразия современного этапа нашей общественной жизни, на котором забвение значения общественной инициативы возвращает нас к временам чисто тоталитарного управления социальными процессами. Не ясны даже мотивы такой законоинициативы, поскольку абстрактные ссылки на «общенародные интересы» и «интересы молодых граждан» без последующих разъяснений и уточнений явно недостаточны и не могут служить обоснованием потребности нашего общества в специальном законе о политике государственной молодежной политике. Когда ставится вопрос о государственной молодежной политике, то мы, видимо, рассчитывая на всеобщую наивность, создаем основу для будущего процветания некоего ведомства, отправляющего выполнение закона, будь то реанимированный ЦК ВЛКСМ или рвущийся на его место Комитет по делам молодежи Верховного Совета СССР. Короче, мы опять хотим найти молодежи «хозяина».

Теперь о политике. Политика без денег — это, как бы сказать помягче, не политика. Проект закона молчит о тех финансовых издержках, которые вызовет его осуществление. Это при нашей-то бедности! Явно расчет делается на ограбление других социальных групп (недаром закон настаивает на «обеспечении фактического равенства прав и возможностей молодежи с другими общественными группами»).

Так о какой государственной молодежной политике мы говорим! Здесь спутано грешное и праведное: вопрос стоит о необходимости изменения отношения общества к молодежи — вот политическая задача, но она не решается через постановления и даже законы. Это, если хотите, задача нравственная, и ее общество должно выстрадать.

Другая политическая задача — превратить молодежь в субъекта перестройки! Не приобщить, не привлечь, а сделать субъектом, потому что ни приобщить, ни привлечь не удастся: чужое дело всегда воспринимается отчужденно. С этой же задачей смыкается еще одна: вырвать огромные массы подростков и юношей из рук мафии, организованной преступности. В стране уже существуют тысячи объединений юных боевиков типа штурмовиков или хунвейбинов — у организованной преступности действительно государственные масштабы, а мы по-прежнему считаем, что «постановление», а в идеале — «совместное постановление» — это дело. Это не дело — это, скажем откровенно, болезнь.

По данным опроса общественного мнения: БУДЕТ ЛИ ПРИНЯТИЕ ЗАКОНА О МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ СПОСОБСТВОВАТЬ СОКРАЩЕНИЮ ПЬЯНСТВА, НАРКОМАНИИ, ТОКСИКОМАНИИ, ПРОСТИТУЦИИ И Т. Д.?

Принятие закона приведет к резкому сокращению негативных явлений	11%
Принятие закона несколько уменьшит распространенность этих явлений, но проблему не решит	34%
Принятие закона не уменьшит распространенности этих явлений	20%
Затрудняюсь ответить	35%

А следом возникает и другой вопрос. А как наши граждане, находящиеся в поре «от 14 лет до 30», осознавая свое, вполне **законное** приоритетное право на получение жизненных благ, которыми далеко не в избытке располагает общество, будут относиться к другим «общественным категориям» — скажем, тем же пенсионерам? Или малоимущим, которых, как известно, более сорока миллионов? Или к инвалидам? Да и просто — к тем, кто «не с ними»?

Признаться, страшновато становится, тем более что общество наше и так не слишком преуспело в преподавании уроков гуманизма. Так нужно ли нам — вполне осознанно! — культивировать далеко не лучшие черты, которые и без того уже есть у молодежи?

В рассказе Павла Нилина «Впервые замужем» героиня, оставшись одна с дочкой, посвятила ей всю жизнь без остатка — из-за нее не вышла замуж, не искала интересную работу, отказывала себе в модных платьях и походах в театр. Дочь, повзрослев, выселила ее сначала из единственной комнаты с трудом приобретенной квартиры на кухню, а потом, когда мужу надоела теща,— и из дому. Сколько таких историй в письмах, приходящих в редакции газет и журналов! Вот дети, интеллигентные, образованные, отдают отца в дом престарелых ради дачи. Вот единственный сын, любимец семьи, приводит в дом грабителей и делит с ними награбленное. Вот пасынок регулярно избивает больную женщину, требуя денег на ресторан с друзьями... Много историй, есть среди них и совсем страшные. И невеселые одолевают раздумья, когда вспоминаешь о них: а не заложен ли самими старшими — давно, в приснопамятные времена в нежнейшем возрасте первый камень будущей жестокости? Не сами ли — если не словами, то поведением — доказывали, что родители обязаны жить только ради детей? И не просто жить ради них — агрессивно утверждать свое право (я ради тебя от всего отказалась!) безраздельной собственности на тело и душу ребенка. «Живи, как я!». «Люби то, что я люблю!». А потом? Потом — как у Павла Нилина...

Те, кому довелось побывать в Чехословакии или Венгрии, знают, что молодожены в этих странах, как правило, не пользуются материальной помощью старших, независимо от того, учатся они или работают. Что родители их крайне удивились бы, узнав, что их святая обязанность еженедельно поставлять молодым продукты на дом и безвылазно сидеть с внуками вместо того, чтобы вести собственную жизнь. Можно, конечно, как это иногда делается, говорить о национальных традициях. Но разве в России, в крестьянских семьях, отделившийся сын не должен был безо всякой помощи организовывать свое хозяйство? А если не отделялся или шел в дом к жене — в «примаки» — не обязан был отдавать значительную часть своего заработка старшим? Почитаем внимательно Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Бориса Можаева... Люди старшего поколения подтвердят: еще пятьдесят лет назад дети повсеместно помогали родителям, а не жили за их счет... Так что та «традиция», о которой привычно говорят, не очень и стара и ничего общего с народными обычаями не имеет,— это результат «молодежной политики» последних десятилетий, когда молодые удостаивались лишь покровительственного похлопывания по плечу и теми кусками с общественного стола, которые не лезли в горло старшим. Недоверие и пренебрежение породили инфантилизм, инфантилизм — склонность к паразитическому образу жизни...

Любопытно: два года назад опрос общественного мнения в Болгарии показал, что более чем треть молодых людей связывают свое будущее с социальным положением родителей. В то время как в США такие граждане составляли 12% от всей молодежи, в Японии — 3%, в Швеции — 7%!!!

Это лишь одна сторона семейных «традиций». Другая связана с репрессивным сознанием, которое в рамках тоталитарной системы формируется уже внутри самой семьи. Болгарский ученый Петр Эмил Митев, известный специалист по исследованию молодежных проблем, приводит такие «говорящие» факты: 25% болгарских родителей одобрительно отозвались о применении физических наказаний в школе (официально запрещенных!). И — 9% самих учащихся! Репрессивность передается из поколения в поколение — удивительно ли, что сегодня так много людей видят решение всех социальных и политических проблем в одном — сильной и жестокой власти, а на вопрос, как поступить со взяточниками и ворами, отвечают, не задумываясь: расстрелять! Насилие существует внутри семьи — в тех или иных формах. И дети, вырастая, сами приходят к насилию — по отношению к состарившимся родителям...

Отчуждение поколений в нашем обществе прогрессирует, тому способствовала и молодежная субкультура. Скажем сразу: мы не против молодежной субкультуры. Мы — за. Каждый из нас в недавние годы старался в меру сил и таланта отстоять — в научных ли работах, газетных статьях, публичных выступлениях — право молодежи иметь свои вкусы, свою моду, свое собственное, никем не навязанное и не регламентированное мнение. Сегодня нельзя без ощущения великой странности и вспоминать ожесточенные дискуссии о праве носить джинсы или слушать рок, праве на жевательную резинку (!) и длинные волосы. Еще каких-нибудь пять лет назад известная журналистка всерьез доказывала, что парень, часами танцующий в дискотеке вместо того, чтобы изучать Маркса и Чернышевского, потерян для общества. Как быстро — воистину — летит время! Сегодня те самые чиновники и педагоги, которые костьми готовы были лечь в битве с рок-музыкой и вольностью нравов, умиленно приветствуют школьные хит-парады и организуют уроки этики и психологии семьи с привлечением наглядного материала. Но самые, пожалуй, грандиозные перемены произошли в сознании наших правоохранителей. Если раньше пацан, выкрасивший полголовы в зеленый цвет, рисковал не дойти от дома до центра города, не будучи схвачен милицией или дружинниками, то сегодня стражи нашего покоя равнодушно взирают, лениво помахивая дубинками, и на панков, и на хиппи, и на кришнаитов. Зато совсем недавно в городе Орле был арестован парень, собирающий средь бела дня подписи под воззванием... оглашенным с трибуны Съезда народных депутатов СССР.

Молодежная субкультура, возникшая как реакция на лицемерие и нормативность взрослого общества во всех странах в 60-е годы, как прорыв к естественности и самостоятельности, вдруг повернулась у нас неожиданной стороной. Если раньше она основывалась на конфликте отцов и детей, то сегодня пропагандирует отстранение детей от взрослого мира. И, как ни странно, получает в этом горячую поддержку. Кого? Да того же аппаратного работника. Они хотели рок? Получайте свой рок — да так, чтобы в глазах потемнело. Видео? (Кто не помнит зловещих публикаций о судах над покупателями порнофильмов с леденящими душу заголовками типа «Видеопетля»?) Да сколько угодно, в каждой комнате отдыха, баре, клубе, даже в детской библиотеке! Смотри — не хочу. Западная символика? Да кому она нужна — пусть уж лучше «левис» на майке, чем какой-нибудь доморощенный значок или, того хуже, надпись, просящаяся в анекдот. Конкурсы красоты, аэробика, что там еще? Правда, призывов читать Маркса что-то не слышно. Уж лучше бы они вообще ничего не читали... Так постепенно молодежная субкультура из средства борьбы за самостоятельность превращается в способ борьбы с молодежной инициативой и самостоятельностью, подчеркивает особое положение молодых в обществе, отдельное в принципе от остальных слоев и возрастных групп.

Что это вообще за навязчивая, проходящая красной нитью через весь проект мысль — отделить лиц «от 14 до 30» от всех остальных граждан страны? В зрительном зале, в творческом союзе, в Совете. Ведь что такое в сознании обывателя словосочетание «молодой специалист», «молодой литератор», «молодой кинематографист», «молодой ученый»? Это — недо-писатель, недоспециалист, недо-режиссер! Не настоящий! Почему — не просто инженер, кибернетик, художник? Да потому, что нет у него своей лаборатории, своего цеха, не много фильмов и книг, не занимают они важных постов, от которых что-нибудь зависит. А почему не занимают, не пишут, не снимают, не рисуют? Не могут? Таланта мало? Да ведь все места давно заняты, все производственные мощности полиграфии и кино заняты тиражированием произведений тех, кто находится в поре «творческой зрелости». Так зачем же нужны конкуренты — тем более такие энергичные?

Не то же ли происходит с молодежью в целом? Занять ее бирюльками, мифическими организациями, устройством досуга, бросить подачку, будто не на что деньги тратить — глядишь, и успокоится поколение, не будет лезть на рожон. Не потребует своего законного, объявленного Конституцией права на равные возможности.

Не удивляет ли вас, что главная сила и опора перестройки, ее будущее — молодежь — до сих пор не слишком активна? А ведь перестройка — дело не на пятилетку. Кому же ее осуществлять?

Будет ли способствовать этим шагам Закон о государственной молодежной политике в том виде, в котором он сегодня предлагается?

И еще об одном. По самым скромным подсчетам, реализация такого закона обойдется в сумму от 50 до 300 миллиардов рублей — почти три нынешних дефицита госбюджета!

По данным опроса общественного мнения: КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ВЫ ФИНАНСИРОВАЛИ БЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ЕСЛИ БЫ РЕШЕНИЕ ЗАВИСЕЛО ОТ ВАС? *

Повышение заработной платы низкооплачиваемым категориям населения	51%
Борьба с преступностью	48%
Повышение пенсий ветеранам труда	34%

*** Респонденты имели возможность выбрать несколько ответов, поэтому сумма может быть больше 100%.**

Улучшение условий жизни молодежи 29%
Увеличение государственных вложений в сельское хозяйство 28%
Материальная помощь инвалидам Великой Отечественной войны и войны в Афганистане 27%
Борьба с правонарушениями подростков и молодежи 21%
Закупка импортных товаров народного потребления 18%
Разработка военных проектов 0%

Новый проект Закона о государственной молодежной политике предстает таинственным ребусом, который разгадывать и разгадывать нам всем, и народным депутатам в первую очередь. Не выяснено еще главное, а именно: кому и с какой целью понадобилось создавать столь громоздкое, неповоротливое, неконкретное и попросту сомнительное юридическое сооружение? Кто заинтересован в принятии закона?

Попытаемся разобраться. Итак, неужели — общество? Как видно, нет: и дорого, и неудобно, и с точки зрения нравственности самого будущего — нецелесообразно. Тогда, может быть,— молодежи? Отчасти. Той ее составной, которая привыкла удобно пожить за чужой счет. Но стоит ли ради них огород городить? Может, родителям, старшему поколению? Тоже нет — они в первую очередь сами будут расплачиваться за результаты. Остается последнее — закон, может быть, поддерживает бюрократическая часть административной системы? Это, похоже, ближе: отделенной от общества «социальной группой» легче управлять, не допуская или допуская строго дозированно к серьезным делам. И особенно кому выгоден закон, так это Центральному Комитету ВЛКСМ, который и трудился долгие месяцы, не жалея денег и сил, организовав специальную группу и широкую кампанию по пропаганде и обсуждению закона. Почему? Да потому, что престиж комсомола падает. Лидеры сняли галстуки, иные даже пиджаки, облачились в модные штаны, но много ли от этого изменилось? ЦК ВЛКСМ, похоже, остался штабом молодежи, но без армии. Позиция ЦК как «старшего брата» молодежи страны никого не устраивает, некоторые инициативы на местах просто ставят под сомнение необходимость самого ЦК. Так не проще ли побыстрее придумать очередной социальный миф — благо, опыт богатый — выделить свое разбегающееся войско в отдельную «социальную группу» (вроде «ветеранов» и «женщин») и бодро встать во главе? А тем временем сформировать для собственной безопасности корпоративные законы, корпоративные отношения, корпоративную мораль, отделенную непроходимой стеной от понятий и ценностей общенародных, общечеловеческих. Кем станут эти жизнерадостные ребята завтра? А не все ли равно? Главное — командирский состав цел, штаб при деле и штабное довольствие отпускается в достатке.

Это — только гипотеза. Вы можете ее оспорить. Но у нас пока нет опровержения.

Сторонники скорейшего принятия закона (а все они удивительным образом сгруппировались вокруг команды ЦК ВЛКСМ и Комитета по делам молодежи Верховного Совета СССР, демонстрирующих трогательное единодушие) пугают: ситуация критическая, если не принять закон, то летом молодежь выйдет на улицы. Что на это можно ответить? Ситуация действительно критическая, молодежь действительно может выйти на улицы, и вполне вероятно, что произойдет это летом, причем независимо от того, примем мы закон или не примем. Потому что закон здесь ни при чем.

Надежда АЖГИХИНА,
Александр ТОЛСТЫХ

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ОБЪЕКТ ПОВЫШЕННОЙ ЗАПРЕТНОСТИ

Телеграмму-«молнию» давать было поздно: самолет японской авиакомпании, оторвавшись от взлетной полосы токийского аэродрома, уже взял курс на запад. Господин Минова спешил в Москву, ничуть не подозревая о случившемся...

«КИНА» НЕ БУДЕТ?

«Молнию» все-таки дали. Текст сводился примерно к следующему: вылет господина Минова срочно отложить — есть осложнения. Но о них он узнает уже в Москве. Пока же, безмятежно утонув в комфортабельном кресле «Боинга», Минова-сан летел в СССР. Летел по заданию крупнейшей телекомпании мира — «NHK», задумавшей съемки фильма о Советском Союзе специально для японского телезрителя при поддержке «Огонька».

В Красногорском архиве, согласно договоренности, гостя ждали. Так по крайней мере считал он сам. И так было до 5 февраля этого года. До того памятного понедельника, когда двери хранилища, издевательски скрипнув, наглухо захлопнулись перед гостем.

...Итак, уважаемый японский телезритель, как порой горько шутят в нашей стране, «кина не будет!». В пользовании киноархивами отказано. Полностью. Разом рушилось все: ломались договоренности, отодвигались сроки съемки. В состоянии шока пребывал Минова-сан, преодолевший расстояние в 10 тысяч километров.

А ведь не так давно была достигнута и конкретная договоренность с директором архива Л. П. Запрягаевой в отношении времени, оплаты. Имелась и резолюция первого заместителя начальника Главного архивного управления Н. Н. Митрофанова:

«Запрягаевой Л. П. Прошу в соответствии с договоренностью определить потребность в запрашиваемых материалах для иностранных пользователей и организовать исполнение запроса в рамках специальных договорных отношений. 29.01.90 г.».

Кроме того, была и обнадеживающая, патетическая фраза самой Запрягаевой: «Архивы открыты для всех!» Фраза, записанная на огоньковскую видеокассету год назад, сегодня звучала издевкой. Все это было... И вдруг отказ. Напрашивался логический в таких ситуациях вопрос: почему? Нельзя, и точка! Объяснений — никаких. По этой причине и отправился я в город Красногорск. На мое «почему?» Запрягаева среагировала бурно:

— Это что, подвох какой-то? — всполошилась администратор.— Ах, вы хотите сделать продолжение последней публикации «Огонька»? — пыталась она разгадать коварные огоньковские замыслы.

Хотя замыслы были самыми что ни на есть рядовыми: узнать причину отказа, а еще — до каких пор господину Минова ждать решения вопроса.

— До особого распоряжения...— многозначительно ответила Запрягаева.

Оказалось, письменного указания Н. Н. Митрофанова было уже недостаточно.

— И чьим же оно должно все-таки быть?

— Федора Михайловича...— чуть ли не шепотом произнесла она имя начальника ГАУ Ф. М. Ваганова, словно тот стоял за дверью и вслушивался в нашу беседу.— Это он запретил... По телефону...

И я, естественно, поспешил в ГАУ. К Ваганову. «А может, от архива требуют кинопленки с засекреченными объектами оборонного значения?..» — рассудил я в пути и тут же поинтересовался перечнем. Среди необходимых японцам кинолент оказались такие объекты, как «улица Горького в 30-е годы», «лампа Ильича», «разрушенный храм Христа Спасителя», «Днепрогэс» и т. п. Секретность, как видите, нулевая. Тогда из чего же делало тайну упомянутое руководство, отмалчиваясь более месяца?

— Все дело в том, что,— нарушил наконец обет молчания начальник,— нашими архивами пользуются иностранцы, а зарплата у работников архива нищенская. Так что пусть-ка нам платят за пользование. Тогда мы сможем наконец делать доплату работникам архивов!..

И столь трогательная забота действительно заслужила бы всяческих похвал, если бы... Если бы отеческая забота, материализовавшись, реальным рублем легла в карман подчиненного. На деле же необъяснимым своим отказом начальник главка сознательно лишил нищих архивариусов немалой прибыли. Дело в том, что уже была достигнута четкая договоренность с японцами о том, что только одна минута использованных архивных съемок будет стоить 700 (!) долларов. Таковы общемировые цены.

А это ли не прибыль, от которой практически отказался «заботливый» начальник сознательно? Выходит, не в оплате дело? А в чем? Или сработал застойный инстинкт руководителя («запретить на всякий случай»)? А может, что-то еще?.. Пока лишь остается догадываться и предполагать. Но какой бы ни была отгадка, она уже вряд ли обрадует удивленного Минова-сан, ровно месяц прождавшего решения вопроса и в глубокой задумчивости покинувшего нашу загадочную страну...

БЕЗ ПРИКАЗА НЕ СНИМАТЬ

Итак, в Страну восходящего солнца улетел Минова-сан. В Москве в то же время работала другая японская группа телекомпании «NHK» в составе продюсера Такаси Хасегавы и оператора Харую Кикути, которым в рамках той же картины предстояло снять десятки объектов, сюжетов о нашей стране. Подготовка съемок выпала и на мою долю. Сочиняя бумаги с просьбами разрешить съемки, я развозил их по ведомствам. Одним из объектов, который они хотели бы снять, была могила И. В. Сталина. В связи с этим я и направил запрос в КГБ. Ответ был лаконично скупым:

«Съемки на территории Революционного некрополя у Кремлевской стены представляются невозможными». Причин не указывалось. На повторный запрос, в котором «Огонек» просил объясниться, ответа так и не поступило. До сих пор. Впрочем, оно и неудивительно: такой отказ просто невозможно было бы объяснить. Ведь саму съемку отнести к акту надругательства над «святыней», согласитесь, трудно. Так в чем же дело? Что за объект повышенной запретности?

Вопросы, вопросы... Сколько без ответа осталось их за время работы с японскими тележурналистами, сколько искреннего удивления вызывали они у моих иностранных коллег...

Впрочем, работники Комитета были далеко не единственными, кто проявлял невиданную бдительность при виде немигающего «глаза» камеры. Не подкачало в этом смысле и руководство Мосгорснаба, на всякий случай наотрез отказавшееся от интервью для via земной телекомпании. Поосторожничал и один из московских РК КПСС, наглухо захлопнувший двери перед «подозрительными» иностранцами. Хотя всякую бдительность потерял первый секретарь Куйбышевского РК КПСС Е. А. Пантелеев, открыто побеседовав с тележурналистами. Гостеприимно распахнулись двери и в ЦК КПСС, где японцам без оглядки дали ряд интервью руководители сразу трех отделов (Партийного строительства и кадровой работы, Международного и Идеологического). Радушно встретили нас и в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и в Госснабе СССР. Зато в течение месяца волынили в Совмине СССР, так и не предоставив возможность японским тележурналистам в короткой съемке первых пяти минут любого (естественно, не закрытого) заседания Совета Министров.

В Госплане СССР все шло удачно. До тех, правда, пор, пока не появилась необходимость снять интервьюируемого начальника отдела В. А. Азарова в рабочей обстановке его кабинета, чтобы хоть как-то проиллюстрировать состоявшуюся беседу. Тут-то все и уткнулось в бдительность недремлющей режимной службы, не пустившей гостей на порог азаровского кабинета. И это при том, что кабинет был самый обычный, без сверхсекретных карт, с окнами, выходящими на многолюдный проспект Маркса. За посещение был и сам хозяин кабинета, но...

— Что поделаешь — режим! — с сожалением развел он руками.

Нет, я не против режимов как таковых. Лишь бы режим не был самоцелью, лишь бы не порождал он такие странные ситуации, при которых уже никто не в состоянии объяснить, зачем существует тот или иной запрет, при котором, к примеру, нельзя запечатлеть общий вид Кремля с гостиницы «Россия» в дни Пленума, могилу «отца народов» или рабочий интерьер кабинета советского служащего. Кому, интересно, нужна такая бдительность, при которой строго-настрого запрещается снять въезд машины Генерального секретаря в Кремль, но возможна успешная посадка чужеземного самолета у стен того же Кремля?..

И я, естественно, мог бы успешно продолжить тот длинный список «сверхзасекреченных» объектов, нередко попадавшихся мне в период работы с японской группой. Но, честно говоря, жалко тратить на это драгоценную журнальную площадь. Впрочем, вынужден вернуться лишь к одному из них — «архиву».

Когда собирался ставить точку, выяснилось, что из Госкино СССР в ГАУ на имя Ф. М. Ваганова ушла бумага следующего содержания:

«В соответствии с предварительной договоренностью прошу Вас разрешить работу по отбору и просмотру архивного киноматериала... в Красногорском киноархиве японскому кинематографисту г-ну Минова — представителю кинокомпании "Эн Эйч Кей"».

Интересно, как на это очередное послание будет реагировать Федор Михайлович? Начнет действовать «в соответствии с предварительной договоренностью»? Или снова будет проявлять неслыханную бдительность? Ту самую, при которой как грибы произрастают объекты повышенной «секретности»...

Когда верстался номер. Как это ни странным может показаться, на послание Госкино Федор Михайлович среагировал должным образом, хотя и не на полную мощь своих администраторских способностей,— милостиво разрешил **только** просмотр кинопленок. Не более того. И все бы ничего, если бы «добро» на просмотр не было дано именно в день отлета Минова-сан в Страну восходящего солнца...

Впрочем, и это еще полбеды — узнав о вагановской милости, Минова-сан вернулся бы, все простив. Но беда вся в том, что уже не вернется. А наша страна соответственно потеряет тысячи в валюте. Оказывается, вернувшись в Токио, он с радостью узнает, что в США, Канаде есть архивы с такими же кинодокументами. И (что самое главное!) там не служит наш Федор Михайлович...

ЖАН ТЭНГЛИ — УКРОТИТЕЛЬ ТАНЦУЮЩЕГО МЕТАЛЛОЛОМА

Когда Жан Тэнгли впервые приехал в Москву для подготовки своей выставки, открывающейся на днях в Центральном Доме художника на Крымском валу, он сразу категорично мне заявил:

— Прежде всего проведи меня по самым запущенным московским дворам. Там, на свалках, наверняка валяются потрясающие вещицы, которые можно найти только здесь, в России. Из них-то я уж точно сотворю такие произведения, глядя на которые, ты поймешь, что значит местный колорит...

Да, Тэнгли не упустит возможности пополнить свою домашнюю коллекцию, и без того уже достигшую невероятных размеров, новыми «экспонатами»!

Кто же этот чудак, который создает произведения искусства из того, что люди выбрасывают на помойку? И почему швейцарские власти, так ревностно следящие за порядком, терпят огромную свалку около его дома, которая составляет такой контраст с ухоженной, буквально вылизанной местностью округа Фрибур?

...17 марта 1960 года. Жан Тэнгли, «анфан терибль» в мире швейцарского искусства, представляет на вернисаже в Нью-Йорке свое последнее детище «Hommage a New York» — «В знак уважения Нью-Йорку». Когда с постамента спадает покрывало, перед изумленными зрителями предстает огромное сооружение, которое состоит из каких-то моторов, коробок скоростей, шкивов, банок из-под кока-колы, испорченных зонтиков, игрушек, еще вполне годных к употреблению, устаревших моделей хозяйственных товаров и прочего барахла. Все эти элементы, соединенные самым невероятным образом, на глазах пораженной публики начинают беспорядочно двигаться.

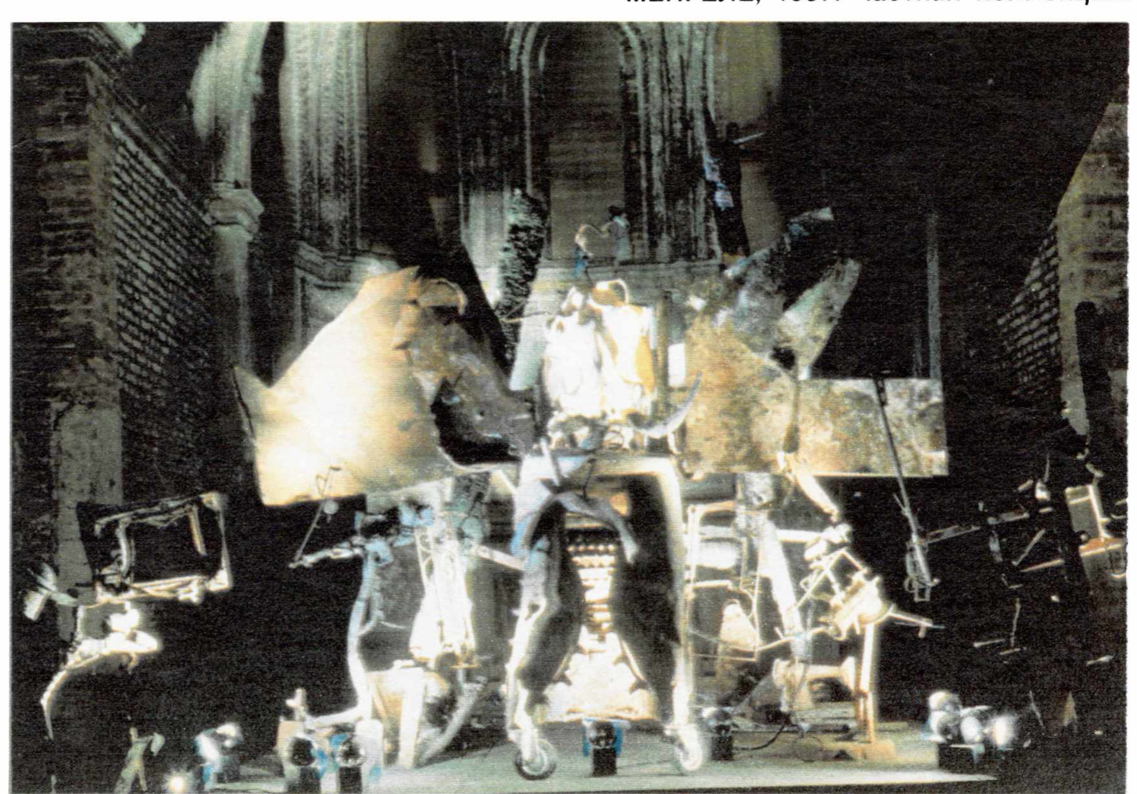
Двигаясь, они производят невероятный шум — громыхают, позвякивают, шипят, свистят, скрипят и визжат, занятые совершением какой-то неведомой гигантской работы. Только результат этой работы, ее кпд равен нулю.

ЭВРИКА, 1963—1964. Цюрих.

МЕТА-ГАРМОНИЯ III, 1984. Таканава.

МЕНГЕЛЕ, 1987. Частная коллекция.

Но не успевают зрители налюбоваться столь странным произведением, как маэстро простым нажатием кнопки подает команду, и машина начинает эффектно уничтожать самое себя...

Ньюйоркцы, по заказу которых и было создано это диковинное сооружение, следили за актом самоуничтожения, открыв рот от изумления. Это был своего рода вызов, брошенный художником обществу потребления, всему «американскому образу жизни», представляющему гигантский механизм. Тогда, в 60-е годы, для многих «ценителей» важным и престижным было приобрести произведение модного современного художника или скульптора. Но Тэнгли смотрит на «знатоков», не скрывая своей ироничной усмешки. Чуть прищурившись, он как бы говорит этим людям: «Вы думаете, вы все понимаете в современном искусстве? Вы платите за него деньги, чего же больше? Ан нет! Я, художник, объявляю, что самоуничтожение предмета искусства тоже может стать новой формой искусства!»

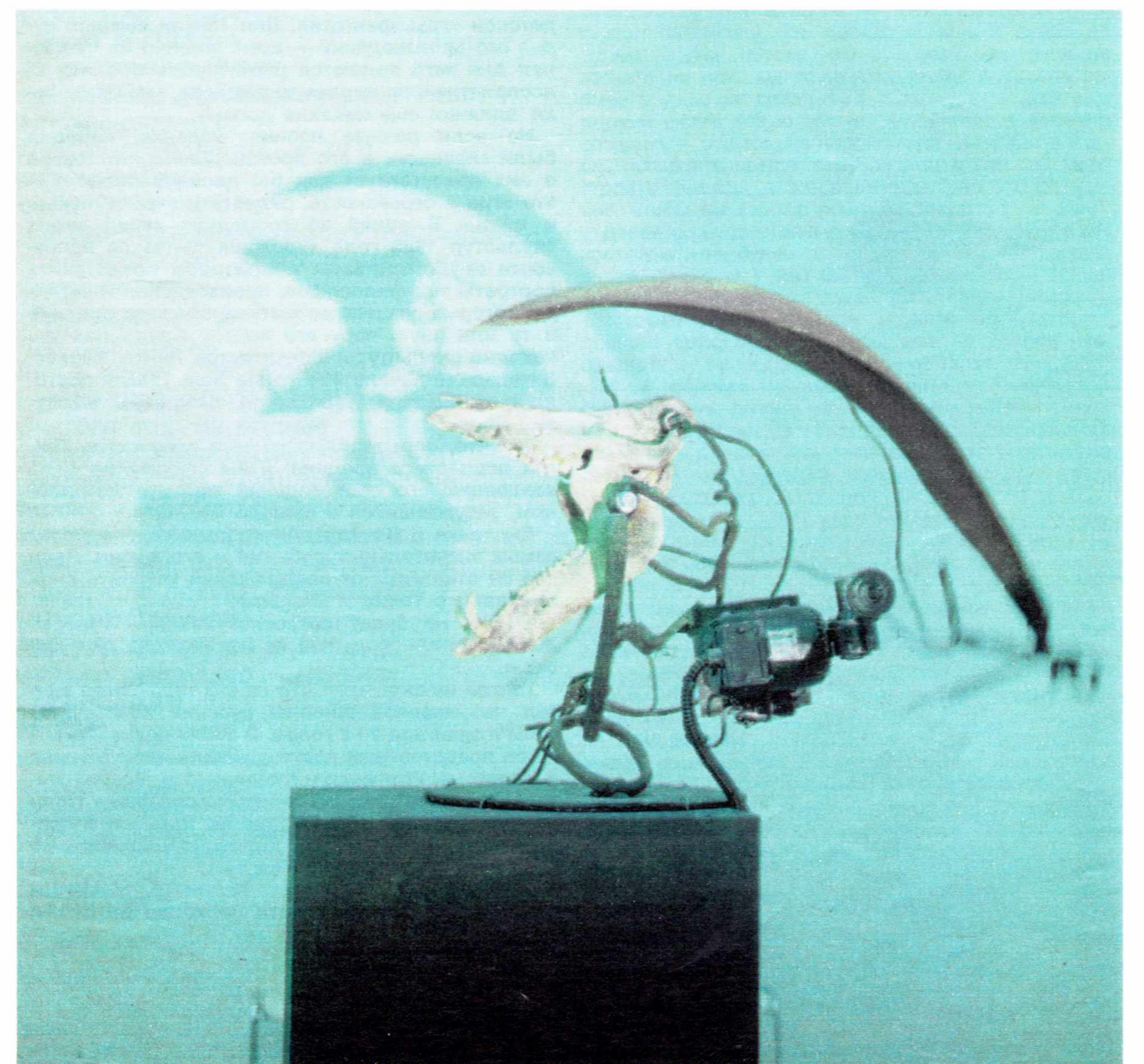
Далеко не всякий художник мог бы позволить себе так поиздеваться над публикой, которая к тому же оплачивает его работы — причем весьма недешево!..

Жан Тэнгли сейчас является, несомненно, од-

БОЛЬШОЙ МЕТА МАКСИ-МАКСИ (утопия), 1987. Венеция.

ПОЙЯ (иконостас), 1982—1984. Галерея Шмела (ФРГ).

ним из самых известных, оригинальных и, может быть, самых «провокационных» скульпторов. Его произведения, созданные причудливой фантазией, полные изобретательности и выдумки, можно встретить в большинстве крупнейших мировых музеев современного искусства в Париже, Нью-Йорке, Лондоне, Мюнхене, Стокгольме, а также во множестве частных коллекций.

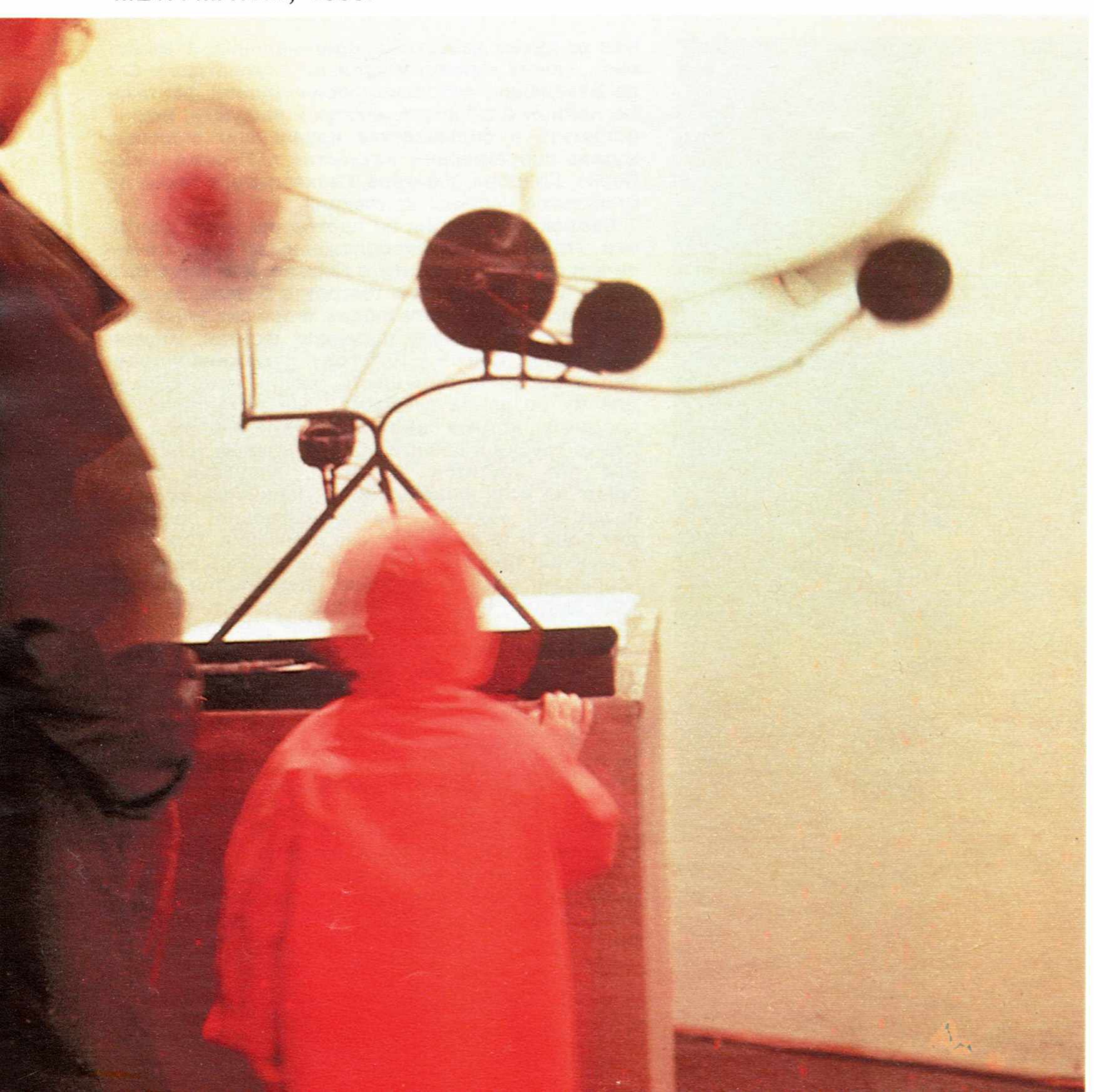
Сколько бы раз вы ни проходили мимо фонтанов Стравинского, расположенных перед знаменитым центром Помпиду в Париже, или мимо бассейна перед городским театром в Базеле, вы всегда увидите там много людей, и все они улыбаются. В Базеле улыбку вызывает фонтан, созданный Жаном Тэнгли в 1976 году. Художник установил в бассейне пять-шесть машин, использовав для их создания всевозможные металлические предметы, колеса самой невероятной формы, какие-то трубки и шланги и даже сиденье трактора. Все это крутится, вертится, испуская сотни брызг во всех направлениях. Повинуясь воле их создателя, «скульптуры» старательно производят одни и те же заученные движения. При этом в сиденье трактора, которое, опускаясь вниз, зачерпывает воду из бассейна, оказывается множество дырок. Через них вся вода, добытая с такими большими усилиями, стекает обратно в бассейн. Люди смеются из-за поразительного сходства этой «кипучей» деятельности механизмов с вечной и подчас столь же бесплодной деятельностью самого человека.

— Мы привыкли слишком серьезно смотреть на искусство. Нам непременно следовало бы ввести в наше восприятие некий коэффициент иронии,— считает Тэнгли. Сам он человек острого, ироничного ума, избегающий догм и любящий парадоксы. Его кредо — движение и сила.

— Моя память и все мое восприятие всегда выбирают людей и предметы в движении. Неподвижное лицо я моментально забываю,— говорит он.

ФОНТАН СТРАВИНСКОГО, 1983. Париж.

МЕТА-МАТИК, 1959.

В его скульптурах вы всегда ощутите элемент детской игры, фантазии. Для Тэнгли высший судья его произведений — дети. Именно их суждения для него являются решающими, ибо «на их восприятие», по словам художника, «не оказывают влияния еще никакие догмы».

Но если раньше ирония, издевка, пародия были главными в его произведениях, то теперь в них присутствует как бы двойной элемент — это игра и серьезность, радость и страх, улыбка и слезы. В одной из последних серий своих скульптур 1988 года художник пытается присущими ему средствами и приемами представить портреты тех философов, произведения и взгляды которых оказали на него наибольшее влияние в ту или иную пору его жизни. Среди них мы находим скульптуры Шопенгауэра, Канта, Маркса, Энгельса (в начале 40-х годов Жан Тэнгли состоял в Компартии Швейцарии), Штирнера, Маркузе...

Так что, определяя главное в творчестве Тэнгли последнего времени, я бы сформулировала концепцию его произведений так: это металлолом, задумавшийся о смысле жизни.

Выставка в Москве для художника — одно из самых значительных событий в его жизни. Ради нее он отказался от предложений устроить свои выставки в Токио и Мадриде.

— Она не будет ретроспективной,— говорит Жан Тэнгли,— я делаю ее специально для Москвы...

Тэнгли не скрывает, что на его творчество оказал несомненное влияние русский конструктивизм и авангард 20-х годов. В своих произведениях он предстает как последователь идей Татлина и Малевича, Родченко и Кандинского. Можно сказать, что идеи этих художников, совершив головокружительное путешествие во времени и пространстве, вернулись на родину, преображенные безумным гением Жана Тэнгли.

Хайди ТАЛЬИАВИНИ

Фото Леонардо БЕЦЦОЛА

Аркадий ЛЬВОВ

РАССКАЗ

ИНСТРУКТАЖ В РИМЕ

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Ведет рубрику
Виктор ЕРОФЕЕВ

Когда в 1976 году Аркадий Львов эмигрировал в Соединенные Штаты, Союзу писателей не пришлось, по узаконенной традиции, изгонять его из своих рядов — в СП СССР такой прозаик не числился. Хотя к тому времени был автором большого числа публикаций и шести изданных книг. И рекомендовали его к приему в творческий союз люди весьма авторитетные: Валентин Катаев, Борис Полевой, Константин Симонов. Однако в Одессе, где проживал Львов, у него была устойчивая репутация инакомыслящего, что в приснопамятные 70-е достоинством вовсе не являлось.

Сегодня Аркадию Львову шестьдесят, он по-прежнему живет в Америке, сотрудничает с Гарвардским университетом, член Пен-клуба. Много пишет (заканчивает третью и четвертую книги романа «Двор», начатого еще на родине и пока изданного двухтомником в издательстве «Даблдэй»), широко печатается, пользуется симпатией прессы, выделяющей его творчество в широком потоке литературы русского зарубежья. Недавно приезжал в Москву, посетил редакцию «Огонька» и предложил свои рассказы, один из которых мы сегодня и представляем нашим читателям. Впервые рассказ был опубликован в Нью-Йорке в 1982 году.

Отдел литературы

Он сидел на столе, обе ноги лежали на спинке стула, подошвами к публике. Подошвы были плотные, литые, с литыми каблуками, которые когда-то, видимо, были кремовые, обычный цвет каучука, а теперь от долгой ходьбы потемнели и местами сделались совершенно черные. Джинсы задрались почти до колен, открылись коричневые, с потертостями ботинки, и теперь, среди римского лета, на виале Реджина Маргарита, эти ботинки вызывали недоумение — в хозяине их было что-то от траппера, от американского фермера, который наскоро переоделся для города, сменив все — штаны, рубашку, куртку,— а ботинки, чтобы сохранить привычную свободу передвижения, оставил.

Инструктаж был назначен на одиннадцать ноль-ноль. Он сказал, ноль-ноль по-русски может означать четверть, полчаса и даже час, но мы уже не русские, пора отвыкнуть. Начнем.

Он не успел начать, раздался стук, он попросил тех, кто поближе, открыть дверь, открыли, у порога сбилось человек пять-шесть, все кургузые, было впечатление, что одна семья, сбросив одну ногу на пол, он стал методично притаптывать, молча, без единого слова, глядя на них, люди улыбались, кашляли в кулак, стоило начать одному, закашляли все, он сказал, прокашляйтесь, хорошо прокашляйтесь, спросил, закончили или нет, убедившись, что закончили, он сказал: «А теперь вон отсюда!» — и велел захлопнуть дверь.

Вот, сказал он, образец русского свинства: надо явиться в одиннадцать, никаких других дел нет, деньги на автобус, на трамвай дали, а им плевать. Плевать на меня, на вас, на все на свете. Но вы думаете, они понимают, что это свинство — опоздать? Нет, они сейчас перемывают кости этому американскому подонку, Майку Слоуму, который погнал их к чертовой матери.

В общем, он был прав — и то, что им наплевать, и то, что перемывают сейчас косточки,— но все-таки можно спросить, почему люди опоздали, в конце концов мало ли что бывает, а если ничего такого не было, пусть лишний раз покраснеют — тоже урок.

Ваши глаза, Майк опять положил ногу на спинку, говорят, что вы не на моей стороне, я не хочу сказать, осуждаете, но не на моей стороне. А я поступил правильно, что погнал их вон: я думал не только о них, потому что в другой раз, если не погнать их вон, вы тоже опоздаете. А теперь вы имеете урок: не опаздывать. Этот урок — это ваш первый шаг в новую жизнь. Запомните: в Америке опоздать — это так же неприлично, как у вас в России испортить воздух в публичном месте. Не надо строить гримасы, я специально выбрал это сравнение, чтобы вы хорошо поняли меня.

Давайте договоримся с самого начала: будем откровенны и не будем притворяться. Мы вас хорошо знаем. Сначала у нас были иллюзии, была общая концепция: вы, русские евреи, жили среди антисемитов, в антисемитской России, в вашей жизни не было дня, не было минуты, чтобы вам не давали чувствовать — ты пархатый, ты жид, ты маланец.

И вы, бедные, мучались, стонали, но вынуждены были терпеть, потому что, когда двести шестьдесят миллионов в одну глотку орут: жид, жидовская морда! — есть от чего рехнуться. Но, слава Богу, вы не рехнулись, вы оказались крепче, чем многие здесь думали. Еще одна сказка — это сказка, что вы бедные, нищие и за душой у вас нет ни копейки. Америка — богатая страна, но в Америке деньги тоже не падают с неба. Мы собираем деньги, чтобы помочь вам. Деньги дают все — и богатые, и бедные. Среди бедняков, которые отрывают от себя последнюю копейку, чтобы помочь вам, есть такие, которые беднее вас. Вашу бедность мы сильно преувеличили: мы думали, вы едете голые и босые, давали вам деньги на рубаху, на штаны, на туфли. Но мы ошиблись. Мы поняли, что ошиблись, когда увидели вас на «Американо» — этом вонючем рынке, куда не только американец, а и порядочный итальянец не ступит ногой. Мы поняли, что ошиблись, когда сначала в Вене, а потом здесь, в Риме, вы стали соваться со своими сувенирами к нашим сотрудникам. Это правда, многие брали сувениры, брали не потому, что нуждались в них, а просто, чтобы не обидеть вас. Сначала сувениры были грошовые — ложки, матрешки, а потом пошли другие безделки: кораллы, янтарь, перстни, камни. Мы хотели спросить вас: зачем вы это делаете? Но мы не спросили: мы поняли, вы это делаете, потому что этому вас научила жизнь там, в России. Россия — страна взяточников, ваши деды и прадеды давали взятки писарю, давали приставу, давали градоначальнику, чтобы спасти свою лавку, спасти свою жизнь. У вас не было лавок, советская власть забрала лавки, но у вас было кое-что, этого мы не знали, а теперь знаем, что надо было спасать, и вы давали взятки. Взятка не всегда помогала, но взятка давала вам чувство силы, взятка была вашим оружием. Здесь давать некому, незачем, здесь не приставы и не полицмейстеры, но вы не чувствуете себя людьми, если не даете взятку. Вы привезли заразу, вы развращаете наших людей, и мы хотим, чтобы вы поняли: вы нам надоели, вы надоели нам так, что нет никаких слов. Другие вам не скажут это, а я скажу. Я знаю, многим не по себе, я знаю ваше русское выражение — правда глаза колет,— и я буду колоть, и пусть вам будет больно, потому что это путь к здоровью.

Он убрал свои ноги со спинки, поставил их на сиденье, подвинулся ближе к центру стола — люди сидели напротив, полукругом, руки по-школярски держали на коленях, старики, тугие на слух, прикладывали ладони к уху и напряженно вслушивались, на лице было выражение муки, многие слова пропадали, иногда пропадали целые фразы, приходилось тщательно вглядываться в губы американца, чтобы по движению губ угадать слово, но губы двигались непривычно, американец говорил с акцентом. Оставалось одно: просить американца повторить слово, предложение, первый раз он сказал, о'кей, я повторю, но тут же предупредил: больше повторять не буду, вы не одни. Старики машинально шепотом повторяли русские слова, которые звучали непривычно, не по-русски, одобрительно кивали, когда внезапно, после повтора про себя, слова обретали смысл, деревенели, когда, как ни напрягались, смысл пропадал и не было никакой возможности восстановить его. Окончательно потеряв нить, они обращались к соседям, но американец сделал замечание раз-другой, а потом прямо сказал, что за разговоры будет выгонять: придет время задавать вопросы, будут задавать, отвечает на вопросы здесь только один человек, Майк Слоум. Раздались голоса, мистер Слоум прав, но американец тут же одернул, ему не нужны ни да, ни нет. Здесь не выбирают — здесь слушают.

Вступление в новую жизнь, в новую культуру, сказал американец,— это не пустяк. Это не пустяк для тех, кто знает язык, это вдвойне не пустяк для тех, кто не знает языка. Но и те, кто знает язык, тоже фактически не знают его, потому что они учили мертвый, книжный язык, а здесь живой, напитанный кровью улицы, кровью толпы, язык. Надо уметь спросить, надо уметь попросить, извиниться, сказать спасибо — все это в Америке по-другому, не так, как в России. Русский говорит спасибо, и сразу видно, что благодарит раб, человек, который всю жизнь привык угодничать, спасибо американца — это спасибо свободного человека, который привык уважать себя. Но от угодливости до хамства — один шаг, и русский раб, который только что десять раз кланялся, говоря свое спасибо, через минуту, если ему не угодили, на глазах делает свой цирковой номер и обращается хамом. Цивилизованный человек — это прежде всего чувство меры. Вы евреи, люди старой культуры, но вы евреи из России, и у вас нет чувства меры. Вы евреи из России, вы больше русские, чем евреи. Евреями вас сделала пятая графа. Вычеркните пятую графу — и три четверти из вас кричали бы аллилуйя не в синагоге, а в церкви. Я вижу на некоторых лицах кривые улыбки, но я повторю свои слова еще тысячу, еще миллион, еще десять миллионов раз. Я знаю, что я прав, и вы знаете, что я прав. Мы вернем вам чувство собственного достоинства, и вы будете с гордостью говорить: я еврей. Ваши сыновья сделают обрезание, ваши сыновья наденут кипу, ваши дети пойдут в иешиву — и язык Моисея станет их языком: дети должны говорить на языке своих отцов, иначе это не дети, а байстрюки. Ваши дети были байстрюками в России, здесь они будут евреями в законе.

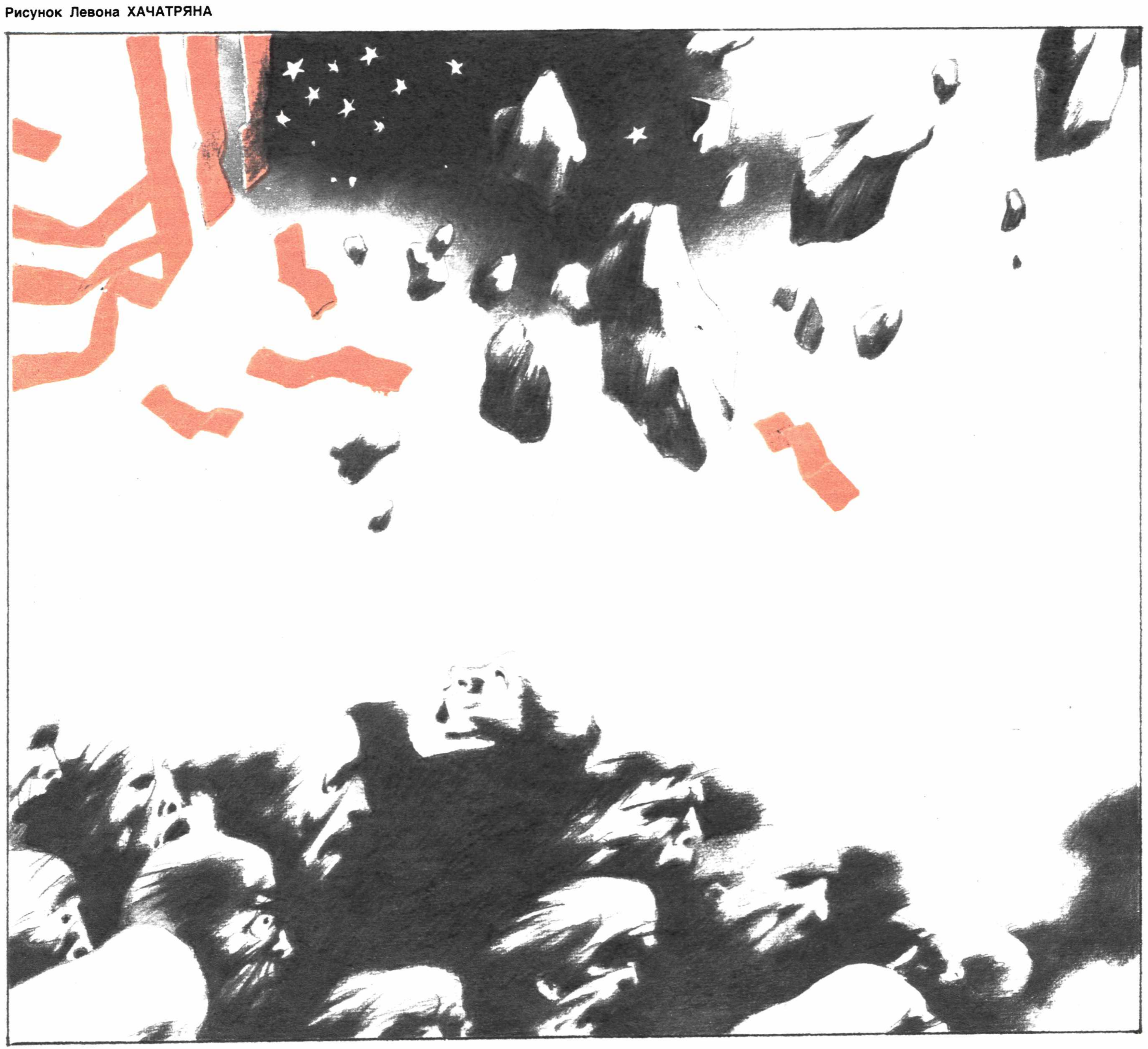
Вы предатели — вы предатели на все сто процентов. Вы обманули всех — и ОВИР, и СОХНУТ, и Москву, и Иерусалим: вы сказали, что едете в Израиль, а в Вене повернули задом к СОХНУТу. Не будем обманывать себя и опять назовем это своим именем: предательство. Ваши братья держат на своих плечах великий Израиль. Израиль — это сегодня Энтеббе, наши враги трепещут, наши друзья ликуют. Друзья учатся у нас самоотверженности, враги учатся у нас дерзости. Позор нам сегодня под звездой Энтеббе снаряжать тех, у кого визы в Израиль, в Америку. Безмерно чувство нашего позора, но безмерна наша верность демократии. Кто не хочет петь гимн Израиля, пусть поет гимн США. Но грядет день — и голубая звезда Давида войдет в ваши сердца, а звезды и полосы будут лишь для тел ваших.

Он поднял ногу, поставил на стол, обхватил руками, уткнулся подбородком в колено, с полминуты сидел молча, уставившись взглядом в тех, что сидели прямо напротив, потом перевел взгляд влево, вправо, стекла очков были очень толстые, глаза были крошечные, черные буравчики с голубым окружием, достал из заднего кармана платок, громко высморкался, засунул платок в карман, вынул из другого кармана несколько зеленых кредиток, хлопнул о ладонь и сказал, кусочек Америки, для вас — терра инкогнита, незнакомая земля. Я вижу, вы удивлены: почему терра инкогнита? Доллар есть доллар, на долларе сегодня держится мир. Доллар падает — падает мир, доллар поднимается — поднимается мир. За доллар можно все купить, за доллар можно все продать. Вы смеетесь, это хорошо, что вы смеетесь. Вы смеетесь потому, что говорите себе: он кретин, этот Майк Слоум, дай Бог нам побольше зеленых этих бумажек — и плевать нам на терра инкогнита. А Майк Слоум говорит вам: ошибаетесь! На зеленых этих бумажках история Америки: Вашингтон, Линкольн, Гамильтон, Джексон, Франклин! Кто они, эти люди, что говорят вам эти имена! Пустой звук для вас эти имена, потому что пустой звук для вас — независимость Америки, конституция Америки, державность Америки, демократия Америки! Вы приезжаете на готовое, ХИАС сажает вас в самолет, Джойнт дает на кусок хлеба с маслом, НАЙАНА встречает у трапа самолета и ведет за руку до самой постели в гостинице. Вы говорите себе: так должно быть, мы это заслужили за свои страдания в России. А я говорю вам: ваши страдания ничто в сравнении со страданиями моей матери, моего отца, моего деда. Двадцать лет они скитались по миру, десять лет они ютились в трущобах Нью-Йорка. Они выстрадали свою Америку, они добыли ее своим сердцем, своей кровью! Прежде чем получить, они дали. Прежде чем дать, вы получаете — вот разница. Но вам мало, вы ропщете: зачем бросили мы свой Египет, свою Московию, свою Одессу! Я вижу, эти слова не нравятся вам, вы хотите сказать «нет!», а я говорю «да!», мы больше не заблуждаемся, мы поняли вас, мы узнали вас. Вы наша кровь, наши родичи, и на правах братьев мы говорим вам: среди вас есть воры, жулики, бандиты, убийцы — вы шалеете от свободы, вы давите людей на дорогах, вы обираете друг друга, вы устроили черную биржу в Остии, вы продаете мебель из квартир, которые сняли у итальянцев, вы тесните римлян на их собственных базарах и бросаетесь с ножами друг на друга. Не было дня, чтобы полиция не завела на вас дела. И скажите спасибо великому долготерпению итальянцев — только они способны терпеть вас,— другие давно выбросили бы вас вон, чтобы не смердело.

Произнеся это последнее слово — смердело,— он остановился, перевел взгляд слева направо, справа налево, помолчал немного, было впечатление, что он чего-то ждет, но люди сидели неподвижно, уставившись немигающими, широко открытыми, как у детей, глазами, когда каждое слово само по себе понятно, но не хватает какого-то одного, самого главного слова, которое бы связало все эти слова воедино и придало им смысл — тот единственный смысл, ради которого они говорятся.

Вы едете в Америку — не в Канаду, не в Австралию, не в Новую Зеландию. Вы едете в Америку, потому что ваши старики, ваши калеки, ваши дармоеды не нужны ни в Канаде, ни в Австралии, ни в Новой Зеландии. Вы это знаете, знаете не хуже меня. Но выбросьте из головы, что Америка — страна добрых идиотов. Вы будете работать, как никогда не работали там, у себя в России. В поте лица своего вы будете добывать кусок хлеба.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Я не говорю вам: одумайтесь. Поздно. Обратно дороги нет. Ваша Россия — больная страна, и многие из вас больны. И найдутся среди вас такие, которые захотят обратно и будут кричать на весь мир: нас обманули, проклятые сионисты ослепили нас. Отдайте нам наш родной СССР, нашу Москву, наш Киев, Ленинград, Одессу! Мы хотим домой — к родным своим Ваням, Степам, Федям! Вы смеетесь, но я не смеюсь: я уже видел, как смеялись здесь и как кричали потом там, в Вашингтоне: ой, мамочка, хочу домой! И как кланялись, как ползали на коленях, как поливали грязью гнусных сионистов, которым нужно пушечное мясо для Израиля и белые негры для Америки.

Было жарко, он снял джинсовую куртку, бросил на стол, потом скатал валиком, положил себе под колени, несколько раз поерзал, наконец, нашел оптимальную позицию, закатал рукава рубашки, открылись волосатые в мышечных буграх короткие руки, с широкой, по-боксерски крепкой кистью, уставился в окно, на улице дзеленькал трамвай, чудовищно, без глушителей, тарахтели мотоциклетки, он засмеялся и сказал: вот вам Италия — много шуму из ничего! Ладно, тут же прервал он себя, Италия для нас — траттория, давайте ближе к дому.

Итак, вы не знаете своего дома. Я говорю, не знаете, но это не значит, что у вас нет никакого представления о нем. Напротив, у вас есть представление: Америка — это ваш дядя, который приехал сюда сто лет назад, это ваша троюродная бабушка Этл, которая в первом своем браке была замужем за фетером Шлоймой, но с тех пор похоронила его и еще троих мужей, а теперь живет в какой-то роскошной богадельне, как царский дворец, и ждет не дождется любимых родственников, чтобы передать миллионы в родные руки.

Так вот, я вам говорю: выбросьте из головы все эти бредни. Если на сто родственников найдется один, который захочет посмотреть на вас, считайте, что вам повезло. Если же он скажет, что хочет помочь вам, не верьте своему счастью, пока, как говорят в Одессе, не зажмете свое счастье в обе жмени. Но даже если зажмете в обе жмени, не рассчитывайте на повторение и, главное, не рассказывайте другим — не создавайте иллюзий. Это — исключение, а в Америке живут по правилам.

Америка — страна сильных людей. Америка — не для слабонервных. Улыбка — оружие сильных. Улыбайтесь. Но помните, нужны зубы, крепкие, острые зубы. Зубы на каждый день.

Вы евреи. В Америке нет антисемитизма. Но в Америке есть антисемиты. Каждый третий американец не любит евреев. Вы не можете заставить его любить вас, но вы можете заставить его уважать вас. Заставьте.

Улыбайтесь, он взмахнул руками, ладонями кверху, как дирижер, вы не каменные: улыбайтесь! Вот так, больше, больше, еще больше! За окном — Италия, но здесь, в этой комнате,— Америка.

Он растянул пальцами губы, получилось четкое, как на детском рисунке, полукружье, затем убрал пальцы, полукружье на мгновение зафиксировалось, однако тут же один угол опал, он напряг щеку, но недостаточно: полукружье вышло с перекосом, он провел пальцами по губам и сказал: это не улыбка, это парез, чем так улыбаться, лучше вообще закройте рот и повесьте замок. И снова взмахнул руками: улыбайтесь вот так, свободнее, черт возьми, свободнее!

Он задрал штанину, почесал ногу под коленом, опустил носок, белый, вязаный, с красными полосами поперек, поскреб щиколотку, с полминуты рассматривал лиловые следы расчесов и внезапно, будто пробудившись из транса, воскликнул: Америка не любит привередливых. Америка любит простоту. В простоте — сила. Забудьте свои претензии. Доктор в России — это не доктор в Америке. Инженер в России — это не инженер в Америке. Беритесь за любую работу, работа принесет вам кусок хлеба, заработанный кусок хлеба даст вам чувство нужности. Без чувства нужности вы никто. Нуль.

Ваши предки привезли с собой веру отцов. С этой верой они две тысячи лет скитались по миру: синагога, тора, сейдер, Йом-Кипур — они хранили их в душе своей, как мать носит под сердцем ребенка. Вы привезли с собой амбицию. Амбиция — ваш Бог. Каждый из вас требует за себя высшую цену, это мы знаем по опыту тех, что прибыли до вас. Каждый старается урвать, сколько можно, где можно, хотя сам не стоит ломаного гроша. Его посылают на фабрику — он кричит: я врач! Его посылают курьером — он кричит: я инженер! Его сажают шофером — он кричит: я режиссер! Амбиция ослепила его, помутила рассудок его: он был врачом, он был инженером, он был режиссером! Был! Вот этого — был! — он не понимает и не хочет понимать.

В Америке каждый стоит ровно столько, сколько он стоит. Никаких характеристик, никаких справок, никаких дипломов, никаких прошлых заслуг. За прошлое вы получили в прошлом, настоящее отрабатывайте в настоящем.

Не делайте кислое лицо, начинайте жить по-новому. Чем раньше, тем лучше. Мой дед Хаим Шлеймович приехал из Одессы. Он любил свою Одессу не меньше, чем вы свою. Он говорил: Одесса не возвращается. Когда бабка плакала, он говорил: старая мельница, где твои жернова, где твое зерно, где мука? А если нет муки, кому нужна вода из твоих глаз?

Я вижу, у некоторых слезы. Это не начало. Возьмите носовой платок и вытрите. Это не начало.

Люди проводили пальцами по глазам, вытирали о ладонь и говорили: это не слезы, это просто так.

Нет, сказал американец, это не просто так, и давайте не будем притворяться. Вы, русские, слезливы, хотя от ваших слез нет никакой пользы. Как это у вас говорят? Москва слезам не верит. Люди плакали в войну. А вы плакали в войну, вы плакали в тридцать седьмом, в сорок восьмом, в пятьдесят третьем, вас убивали, вас расстреливали, вас морили голодом, а вы терпели и плакали. Нет на свете другой страны, где бы столько терзали человека. А вы плакали, и это был ваш ответ на муки, вы плакали тайком, украдкой, чтобы сосед не увидел ваши слезы, потому что плакать в России — тоже преступление. Вы рабы, вы египетские рабы, вы строили пирамиду, какой еще не знала история, вы строили коммунизм. Еще ни один камень не поднялся над землей, но миллионы камней, с именами и без имени, уже покоятся на могилах. Так я вас спрашиваю: о чем же вы плачете, о кладбище, где не нашлось для вас места!

Вам дали свободу. Ваша свобода стоит нам миллионы. Эти миллионы получило ваше правительство, которое продает вас, как скот, и торгуется за каждый грош, как цыган.

Вытрите же свои слезы, вы больше не рабы, вы свободные люди. Возьмите носовые платки и вытрите свои слезы.

Он снял очки, подул на них, вытянул из брюк полу рубахи, тщательно протер стекла, посмотрел на свет, еще раз протер, круговыми движениями, прижимая ткань большим пальцем, надел очки, заткнул рубаху за пояс и засмеялся: о, как это говорят по-русски, теперь я вас вижу, как свои пять пальцев! С места поправили: знаю, как свои пять пальцев. Он махнул рукой: это все равно — вижу, значит, знаю.

В комнате было душно. От вентилятора из дальнего угла волнами наплывал теплый, временами почти горячий воздух. Проходя между человеческими телами, воздух напитывался их тяжкими запахами, настоянными на чесноке, луке, испарениях от потных, затянутых в кожу, в резину, в парусину женских и мужских ног, с непомерно широкими в бесформенных подагрических выступах стопами. Внезапно примешивался к ним резкий, пронзительный, как от застиранных детских пеленок, запах мочи: женщины машинально, захватив щепотью, приподымали и опускали подолы платьев и юбок. Американец откинулся корпусом назад, оперся локтями, с силой, через нос, выдохнул воздух и сказал: мы сидим с вами в клоаке. Я вас не спрашиваю, чувствуете вы или не чувствуете, я говорю вам: мы сидим в клоаке. В Америке этого одного было бы достаточно, чтобы выгнать вас с работы. Человек, как и животное, устроен так, что от тела его исходит вонь. Но человек не животное. И то, что у вас в России было нормой, в Америке — непристойность, которая не прощается даже животному, потому что у животного должен быть хозяин, и этот хозяин — человек. А от человека вонять не может. Существо, от которого исходит вонь, не может быть ни объектом, ни субъектом уважения. Существо, от которого исходит вонь,— не человек. Американцы не воняют.

Он внезапно соскочил со стола, часы на площади пробили двенадцать, он сказал: все, наше время исчерпано. Я знаю, у вас есть вопросы. Я предвидел это. У своих ведущих вы получите брошюру об Америке. В этой брошюре вы найдете ответы на все или почти все свои вопросы. Эту брошюру написал для вас я. Женщины найдут там специальный раздел для себя: менструация, гигиенические салфетки и дезодоранты. Счастливого вступления в новую жизнь. До свиданья.

После обеда Майка Слоума пригласил господин Фрид. Господин Фрид из главной конторы ХИАСа сказал: Майк, я должен объяснять вам, что такое обратная связь? Половина ваших слушателей заявила: пусть нас режут ножом, мы не поедем в Америку — дайте нам Канаду, дайте нам Австралию, дайте Новую Зеландию.

Подонки, процедил Майк, на год они устроили себе курорт в Италии, три четверти получат отказ, а четверть скажет: мы передумали, мы не хотим в Новую Зеландию — мы хотим в Америку.

Майк, сказал господин Фрид, они говорили про вас в один голос: господин Слоум — американец еще от своего дедушки, он знает Америку, как свои пять пальцев. Мы не хотим в Америку. Нам страшно.

Животные, сказал Майк. Рабы.

■

Комитет Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства пригласил меня (жена болеет) на встречу с матерями воинов, погибших в Афганистане. Пришла телеграмма, что встреча откладывается. Выяснил, приглашают не всех, а надо бы найти средства и всех матерей позвать.

Лично я не нахожу ответа на вопрос: во имя чего от страшных ран, в полевых условиях афганской пустыни, без элементарной медпомощи умирал мой 19-летний сын? Организаторы военно-политической афганской авантюры не испытывают комплекса вины перед нами, солдатскими родителями. Понимаю, какие бы льготы сегодня ни давало государство, детей наших не вернешь. Но память о них хранить надо. 78-летний колхозник И. Д. Григорук из села Седлище Волынской области рассказывал мне, как он намучился, прежде чем поставил памятник погибшему сыну-орденоносцу, а ведь в колхозе «Коммунист» всего, слава богу, один воин, погибший в Афганистане. Я выступил в обкоме партии с предложением возвратить родителям те денежные суммы, которые они лично (то есть дополнительно к сумме, которую дает государство) доплачивали за установку надгробия, совершить тем самым акт милосердия. Мне ответили: «Может, родители захотят поставить памятник из золота, так что же прикажете и за такой памятник государству платить?»

...Но вот уже год, как мы живем без этой войны. Золоченые памятники никто не поставил и уже не поставит...

Да, мой род не из счастливых: на войне погиб мой отец, в Афганистане — единственный сын. В этом году мы будем праздновать 45-летие Победы в Великой Отечественной войне. Уже принято решение о проведении 9 мая военного парада. Лично я против этого парада. Не хочу, чтобы в этот день мы бряцали оружием, провозглашали лозунги о силе и величии нашей армии, о наших победах. Давайте остановимся в этом году. При спущенных флагах вспомним о тех огромных потерях, которые мы понесли в этой жестокой войне, во что нам обошлась Победа. Те огромные средства, которые пойдут на проведение военных парадов, надо направить на милосердные акты. Привести в порядок могилы и памятники погибшим, захоронить еще не захороненных, к нашему стыду, солдат, кости которых разбросаны по всем фронтам. Подумать о ветеранах войны, которые живут за чертой бедности. И подумать о семьях погибших в Афганистане тоже. Не о себе пишу, понимаю, что сына не вернешь, здоровье моей жены тоже (хотя обидно, что за погибшего сына ей к пенсии прибавили 37 копеек, было 83 руб. 63 коп.). Но есть еще матери и отцы погибших в Афганистане, которые очень нуждаются не только в моральной, но и в материальной поддержке. Давайте помнить о них.

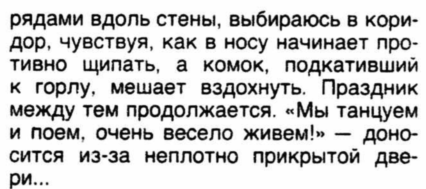
А. Н. ШЕВЧЕНКО
Ковель Волынской области

НЕ ЗАПИРАЙТЕ ВАШУ ДВЕРЬ!

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

— За детство счастливое наше спасибо, родная страна! — Пышный белый бант на Шуркиной голове съехал в сторону, руки в цыпках теребят оборки нарядного платья. Она стоит в центре актового зала детского дома и самозабвенно, чуть шепелявя, декламирует строки поэтического шедевра, который сколько уж лет кочует с одного утренника на другой. Потом начинает играть бодрая музыка, и все дети танцуют. Александра улыбается мне издали и, сбиваясь с такта, машет рукой. И тут я не выдерживаю. Неловко задевая стулья, расставленные аккуратными

рядами вдоль стены, выбираюсь в коридор, чувствуя, как в носу начинает противно щипать, а комок, подкативший к горлу, мешает вздохнуть. Праздник между тем продолжается. «Мы танцуем и поем, очень весело живем!» — доносится из-за неплотно прикрытой двери...

...Где ты сейчас, рыжая Шура? В последний раз я видела тебя два года назад. Судьба твоя скорее всего сложилась точно так же, как и у сотен тысяч других детдомовцев. Дом ребенка — детский дом — школа-интернат. Увы, до самого последнего времени других вариантов устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в нашей стране предусмотрено практически не было. И — как результат — огромное количество выпускников детских домов так до конца жизни и кочует по общежитиям, не имея своего угла, многие из них потом и собственных детей бестрепетно передают на воспитание государству. Разорвать страшный этот круг возможно, если передать ребятишек из школ-интернатов и детских домов в так называемые приемные семьи, где не будет казарменного образца спален на тридцать человек, где воспитатели не приходят на работу из дома, а живут вместе с детьми, заменяя им родителей.

Да, такие святые — иного слова не подберу — люди, случалось, и раньше принимали в свои семьи одиноких детей. Но происходило подобное чрезвычайно редко, и несли нелегкую свою ношу эти родители без чьей-либо помощи. В лучшем случае их не замечали. В худшем — чиновники, власти предержащие указывали на дверь: нечего, мол, было брать сирот, коли нет у вас

ни лишних денег, ни подходящей квартиры.

Эти снимки наш фотокорреспондент сделал в Москве и Омске. Невозможно, сколько ни всматривайся, отличить, кто же именно из этих мальчишек и девчонок появился в семье недавно. И на велосипеде по двору катаются, и маме на кухне помогают, и за стол садятся все вместе. Городские власти обеспечили эти семьи квартирами, мебелью, организовали доставку продуктов. И зарплату матери получают прямо по месту жительства — за труд по воспитанию детей. Что стоит за этими словами, знают, пожалуй, лишь они сами. Не всякому взрослому выпадет на долю столько бед и горестей, сколько успели на недолгом своем веку хлебнуть эти ребята. На глазах у одних, брата и сестры, отец в пьяном угаре убил их мать. Как им жить после этого, как сохранить души живыми, не озлобиться навсегда?..

Изменение нашей казенной системы воспитания детей-сирот — благо. Каким бы распрекрасным ни был детский дом, он никогда не заменит семьи маленькому человеку! Но пока вопросов здесь накопилось гораздо больше, чем ответов, и не задать их я не могу. Не слишком ли бездумно отдаем мы детей с изломанными судьбами, с травмированной психикой просто добрым людям? Не хочу усомниться в их благих намерениях, но не только ласка и терпение тут необходимы. Воспитатель должен обладать познаниями в области детской психологии, психиатрии, в педагогике. И разумно ли, что получать деньги мать-воспитательница начинает лишь после того, как возьмет пятерых детей? Не погоня ли это за пресловутой «наполняемостью», за неким «валом»? А отчего, скажите, бюджет приемной семьи должен храниться в двух «кошельках»? Один — для своих детей (на них тратится зарплата родителей), а другой — для приемных, именно на их содержание мать-воспитательница получает определенную сумму, за которую она впоследствии должна отчитаться.

Огорчает то, что мы с упорством, достойным лучшего применения, пытаемся изобрести свой собственный велосипед, не обращая внимания на опыт, накопленный за рубежом. Во многих странах мира, например, широко распространена система патроната над детьми-сиротами. Можешь взять на воспитание одного или двух малышей, на каждого получишь причитающиеся средства. Контролируются не расходы — качество воспитания. А в Австрии сразу же после второй мировой войны удивительный человек Герман Гмайнер создал фонд SOS Kinderdorf. Начинал Гмайнер с нескольких шиллингов из собственного кармана. Ныне на деньги фонда детские деревни, где матери-воспитательницы живут вместе со своими приемными детьми, построены в более чем ста странах мира. Идея на деле доказала свою жизнеспособность. Фонд безвозмездно (единственное условие — соблюдение основных педагогических принципов, заложенных Гмайнером) предложил построить три таких деревни в нашей стране. В местечке Катайк возле Еревана почти все уже было готово, но помешали доброму и так необходимому делу межнациональные конфликты. А в Москве вот уже год идут бесконечные совещания и переговоры, вот уже год ответственные товарищи не могут собрать все необходимые подписи, чтобы приступить к строительству детской деревни. Не слишком ли расточительна, вернее, безнравственна подобная медлительность?

...Да, этим ребятишкам повезло. Но как хочется, чтобы родительское тепло и заботу смогли почувствовать и многие-многие другие — те, что и по сей день вынуждены жить в детских домах и школах-интернатах. Они ждут от нас помощи. Надо торопиться.

Е. САФОНОВА

М. А. АЛДАНОВ

XIV

Первая телеграмма из Петербурга пришла в Берлин незашифрованной.

У Бисмарка была очередная болезнь. Враги его надеялись, что она на этот раз окажется действительно раком. Канцлер советовался с врачами — и обычно делал все, что они запрещали. Съедал в день по два фунта колбасы и пил больше, чем прежде. Говорил, что порядочный человек не имеет права умирать, пока не выпьет в жизни пять тысяч бутылок шампанского. Ему, верно, уже оставалось немного, и он, вызвав этим общую радость в Европе, обещал, что умрет в 1886 году. Общие надежды, однако, не сбылись. Князя позднее вылечил доктор Швенингер. Этот малоизвестный, кем-то ему рекомендованный врач, осмотрев его, предписал ему питаться исключительно селедкой. «Да вы, очевидно, психопат! Совершенный психопат!» — сказал Бисмарк. Швенингер посоветовал ему обратиться к ветеринару и ушел, хлопнув дверью. Изумленный князь послал за ним и говорил, что селедка вылечила его от рака.

Мизантропия князя еще усилилась. У себя в имении он, случалось, не раскрывал рта целыми днями, просил жену не разговаривать с ним, большую часть дня проводил в лесу с собакой, сам правил коляской, чтобы не видеть поблизости от себя человека. В Берлине же иногда весь день проводил на людях и казался весел, как бывают веселы мизантропы. Слушателей почти не выбирал, так как его слова записывали все; но предпочитал людей остроумных или хоть способных оценить его остроумие. Высказывал мысли удивительные, которые сделали бы честь Гете, и мысли ничтожные, даже нелепые. Но и во втором случае почти никогда не говорил банально. О логической последовательности он не заботился и часто опровергал то, что сам утверждал накануне. Как все знаменитые causeur'ы[1], повторялся, однако и рассказывая одни и те же истории (иногда одному и тому же человеку), по-разному излагал свои воспоминания об исторических событиях. В выражениях он совершенно не стеснялся и не беспокоился о том, что его отзывы тотчас станут всем известными. Многие объясняли это хитрыми замыслами; канцлеру будто бы н у ж н о, чтобы такой-то отзыв дошел туда. В большинстве случаев он просто не мог воздерживаться от презрительных и резких суждений о людях.

Из-за болезни князь проводил в своем всегда жарко натопленном рабочем кабинете только несколько часов в день. Врачи просили подчиненных канцлера беспокоить его возможно меньше. Однако содержание телеграммы посла было так страшно и так важно, что ее подали Бисмарку немедленно. Изменившись в лице, он прочел ее, встал, прочел снова, тяжело, опираясь на палку, прошелся по кабинету и снова тяжело опустился в кресло. В телеграмме сообщалось об убийстве Александра II. Бисмарк был стар, потерял на своем веку множество людей, гораздо более близких ему, чем царь; способность горевать по умершим у него давно ослабела, как у всех стариков. Тем не менее он в первые минуты даже не думал о политических последствиях события.

Болезнь давала ему право не ехать во дворец. «Жаль старика»,— подумал он о Вильгельме. Вечно над ним смеялся, но, быть может, его одного в мире любил из государственных людей. Теперь дружелюбно за глаза называл императора то «пехотным полковником» (что у него означало полное пренебрежение к умственным способностям человека), то «своим единственным товарищем по партии» (канцлер гордился тем, что ни в каких партиях не состоит).

— ...Сообщите это известие его величеству со всеми предосторожностями,— сказал он графу Лимбургу-Штируму.— Поговорите раньше с лейб-медиком. Помните, что его величество очень стар и что он чрезвычайно любил царя... Напомните, что я болен, император стал многое забывать. Я сейчас же напишу его величеству...

Телеграммы приходили одна за другой. Их расшифровывали и отправляли канцлеру со всей возможной быстротой. Обычно шифровальщики не интересовались содержанием телеграмм, но эти депеши читались как авантюрный роман. Начальник канцелярии с испугом приносил их в кабинет канцлера и еще более испуганно выходил из кабинета.

Личные и политические отношения Бисмарка с царем по-прежнему колебались. Первое его чувство было, что ушел очень большой барин, быть может, самый большой барин в мире,— в мире, в котором, к крайнему его огорчению, оставалось так мало бар. Канцлер был весьма невысокого мнения о государственных способностях Александра II,— он больших государственных способностей не видел почти ни в ком. Как человек, царь остроумный causeur, знаток шампанского, охотник и любитель собак, бывал до конца чаще ему приятен, чем неприятен. В одной из телеграмм сообщалось, что на месте убийства не могли найти мизинца, его кто-то подобрал и принес во дворец позднее. Бисмарк обладал живым воображением. Он любил и помнил пышность петербургского двора, помнил блеск церемонии развода,— противоположность между окруженным божескими почестями царем и полуголым, обожженным, окровавленным человеком с полуоторванными ногами, с вытекавшими глазами, с пропавшим мизинцем поразила его. Он тяжело сидел в своем огромном кресле, постукивал огромным карандашом по огромному столу, и лицо у него дергалось.

Лишь через несколько минут он стал думать о том, что теперь произойдет в России. В политике у многих тяжелых событий бывали выгодные последствия. Нового царя канцлер знал много хуже, чем его отца. Александр III не был ни grand seigneur[2], ни causeur, ни светский человек. По уму и способностям он значительно уступал отцу; взглядов держался самых консервативных. «Не похоже, чтобы он испугался и уступил. Только последние трусы из боязни покушения уступают убийцам, а этот едва ли трус... Скорее всего Лорис-Меликов уйдет в отставку».

По служебному долгу и по любопытству Бисмарк внимательно следил за внутренними делами соседних с Германией больших стран, следил за новыми выдвигавшимися там людьми (так он один из первых за пределами Франции обратил внимание на Жоржа Клемансо). Петербургские дела были ему более знакомы, чем французские. Кроме того, от демократии на него всегда веяло непроходимой скукой. О Лорис-Меликове Бисмарк был значительно менее низкого мнения, чем о большинстве своих современников. По его мнению, Лорис-Меликов вел ту политику, какую в России и следовало вести умному человеку.

У канцлера были правила, которых он не обсуждал, как он не обсуждал таблицы умножения. Одно из этих правил заключалось в том, что каждому государству хорошо, если соседним государствам худо (хоть об этом не полагалось говорить,— полагалось даже говорить обратное). При новом реакционном императоре, при ограниченных реакционных министрах Россия должна была оказаться слабее, чем при Александре II и при графе Лорис-Меликове. Это было хорошо. Таково было общее соображение. Однако ограничиться им было бы невозможно.

Россия была, по мнению Бисмарка, сырая, непереваренная масса, rudis indigestaque moles[3] (он любил латинские цитаты и изречения). Во всем мире всегда можно было ждать всяких неожиданностей, но главных неожиданностей он ждал именно из России. «Вот он, l'absolutisme tempéré par le régicide[4],— думал канцлер.— Теперь, вероятно, и там к власти придет дурачье...» В Германии ненавидевшие его генералы и сановники были могущественны, но он был еще могущественнее их,— по крайней мере, пока жил Вильгельм I. Без него пангерманисты вызвать войну не могли. С исчезновением Александра II, с вероятным уходом Лорис-Меликова в России должны были прийти к власти панслависты, мало отличавшиеся от пангерманистов, столь же тупые и невежественные. Война становилась более вероятной.

Главы из романа «Истоки». Окончание. См. «Огонек» №№ 11—13.

[1] Острослов *(франц.)*.

[2] Вельможа *(франц.)*.

[3] Сырая, непереваренная масса *(лат.)*.

[4] Умеренный абсолютизм через цареубийство *(франц.)*.

ИСПЫТАНИЕ

Собственное его настроение тоже изменилось с 1878 года. Он снова подумывал о войне. Вопрос принимал у него другую форму: «Если война неизбежна, то не лучше ли, чтобы она произошла при мне? Без меня они все погубят».

Ему, однако, казалось, что война может привести к торжеству революционеров, к победе тех людей, которые стреляли в него, в императора Вильгельма и которые только что убили русского царя. Революционеры вообще занимали немного места в мыслях князя Бисмарка. Они, как он, умели проливать свою и чужую кровь. Он не мог презирать их так, как презирал Вирхова, Ласкера или Рихтера. Едва ли он мог бы и сказать с полной искренностью, что всякое политическое убийство вызывает у него ужас и отвращение. Если бы Бисмарк был русским придворным времен Павла I, он, наверное, примкнул бы к заговору графа Палена. Но революционеров он знал мало. В свое время ему очень понравился Лассаль, тоже превосходный causeur,— человек, которого, по определению Бисмарка, приятно было бы иметь соседом по имению. Однако ему трудно было думать, что этот демагог, страстно любивший все то, что дается деньгами и властью, действительно настоящий революционер. Настоящими революционерами были именно люди, бросавшие бомбы в королей. Они ставили себе целью равенство, братство и что-то еще в этом роде, вызывавшее у Бисмарка непроходимую скуку. Он не мог относиться серьезно к их целям, как не мог себе представить общество, где школьный учитель, вроде Либкнехта, имел бы власть в государстве, да еще был бы с ним связан братскими чувствами (вообще незнакомыми и непонятными Бисмарку). «И все-таки теперь главная опасность уже не трехцветное, а красное знамя,— угрюмо думал он.— А то еще у них может быть комбинация из панславистов с революционерами. Что-то такое намечал генерал Скобелев. У нашего дурачья хоть этой комбинации, слава Богу, нет... Впрочем, может быть, и у нас откроют эту Америку. Да, да, все строится на песке. Все мое дело может быть погублено. Просто ничего не останется, точно меня никогда не было!»

Ему хотелось выпить шампанского, но послать за ним было невозможно: могла бы выйти нехорошая сплетня. В шкапчике у князя был портвейн. Он выпил один за другим несколько бокалов вина.

— Ничего,— неожиданно по-русски сказал он вернувшемуся графу Лимбургу. Бисмарк немного знал русский язык. Слово «ничего» — быть может, не только в русском смысле — было его любимым, и он часто изумлял им иностранцев. Лимбург-Штирум, взглянув на него с тревогой, доложил, что с его величеством случился истерический припадок. К нему вызвана вся императорская семья; однако нет оснований опасаться печальных последствий.

— Профессор сказал, что его величество ведь все равно должен будет узнать правду,— сказал Лимбург.— Его высочество кронпринц велел мне передать, что он вечером заедет к вашей светлости.

— Вероятно, он желает поехать на похороны в Петербург?

— Да, так угодно его высочеству.

— Это очень неудобно и опасно. У русских с давних пор плохая привычка убивать царей,— сказал Бисмарк.— Мы не можем рисковать жизнью наследника престола.

— Ваша светлость предполагает, что на похоронах возможно новое покушение? — спросил Лимбург-Штирум. Эту фразу: «Die Russen haben die schlechte Angewohnheit, ihre Fürsten zu ermorden» [5], следовало записать сегодня же.

— Я ничего не предполагаю. Русские террористы меня не оповещают о своих планах. Вероятно, и фельдмаршал Мольтке пожелает представлять на похоронах германскую армию.— Он хотел было сказать, что, хотя Мольтке никогда не был орлом, а теперь понемногу выживает из ума, его имя и престиж необходимы Германии; он высказал только вторую часть своей мысли.— Пусть армию представляет кто-либо другой. Может, например, поехать фельдмаршал Мантейфель.

Лимбург-Штирум с трудом сдержал улыбку: знал, что этот фельдмаршал не пользуется расположением князя. «Может быть, он еще приплатил бы террористам, чтобы они прикончили Мантейфеля»... Но слова Бисмарка о плохой привычке русских террористов показывали, что канцлер не прочь поговорить, несмотря на болезнь и душевное расстройство.

— Смею ли я спросить вашу светлость о положении в России? Что ваша светлость думает о новом царе?

— Что я думаю о новом царе? Он гораздо менее даровит, чем был его отец. Тот, когда хотел, мог быть обольстителен. Этот и не хочет, и не может... Впрочем, все они одинаковы. Я видел монархов голыми и слишком хорошо их знаю, дорогой граф, чтобы быть сторонником самодержавия. Помню, великий князь Александр был на свиданье его отца с его величеством и с Францем-Иосифом. Императоры где-то уединились... Вероятно, обменивались важными мыслями... Я прохожу по зале,— навстречу мне идет Александр.— «Où est l'Empereur?..» [6]— Он не слишком хорошо говорит по-французски, гораздо хуже отца, который владел французским языком как француз. По-немецки он никогда ни с кем не говорит, мы его милостью не пользуемся. Я спрашиваю: «Какой император, ваше высочество?» Надо было видеть, с каким изумлением он на меня посмотрел.— «Mais... Mon père!..» [7] Ему, очевидно, в голову не приходило, что есть еще какие-то императоры, по крайней мере серьезные. Вот какой он человек.

— Ваша светлость думает, что революционное движение в России имеет шансы на успех?

— Революционное движение имеет шансы на успех везде. В России революция, вероятно, не за горами. Но я говорю только о ближайшем будущем. Опыт научил меня в более далекое будущее не заглядывать. Должно быть, в Петербурге произойдут перемены в составе правительства. Вдруг на мое счастье будет уволен Горчаков? (Он произносил фамилию русского канцлера с ударением на первом слоге.) Тогда я вечно молился бы Богу за нового царя. Я видел много позеров в жизни, дорогой граф, и много тщеславных людей. Но самые худшие позеры из всех мне попадавшихся — это князь Горчаков и наш дорогой вождь социал-демократов Бебель. Оба они в конце концов от тщеславия лопнут, и это самое лучшее, что они могут сделать. Ум и характер человека — это его имущество, а тщеславие — закладная по имуществу. При оценке всегда надо принимать в расчет и закладную... Ах, как мне надоели политические деятели! Пора уходить в лучший мир. В этом мире мне иногда удавалось развлекать публику... Надоело, надоело! Ничего не поделаешь. Страсти как форели в озере: последняя съедает предпоследнюю. Политика — моя последняя страсть, и ее съесть некому... Вы сказали, Александр III,— говорил Бисмарк, оживляясь и, по своему обыкновению, перескакивая с одного предмета на другой.— Он, кажется, человек правдивый. Отец, впрочем, тоже не любил лгунов... В России есть один сановник, который органически не способен сказать правду... Он не пьет вина, очень тревожный симптом... Покойный царь знал толк в шампанском... Я всегда чувствовал к нему симпатию на обедах у нашего императора, где подают немецкое шампанское и по одной котлетке на человека: царь ел и пил с отвращением и очень неумело старался это скрыть. Так вот, он как-то спросил того сановника, потому ли он не пьет, что in vino veritas [8]... Он бывал очень, очень мил за столом. Настоящий сармат! Я более типичного русского не видел... А эта способность влюбляться в шестьдесят лет! Он был всегда влюблен и поэтому почти всегда благожелателен к людям. Наш император говорил мне, что женщины губят Александра II, и был в отчаянье от его женитьбы на Долгорукой... Сам он, слава Богу, больше, кажется, не грешит. С него достаточно его жены... Если бы не мои верноподданнические чувства, дорогой граф, то я сказал бы, что эта женщина — катастрофа. Она мне отравила жизнь,— говорил канцлер.— Ах, если бы наш император был вдовцом! Какой монарх из него вышел бы! Конечно, он очень любит императрицу, но... Вы знаете историю ее путешествия? Император был в Эмсе, а ей зачем-то захотелось поехать в Женеву. Она послала императору телеграмму: «Могу я поехать в Женеву?», и пространно объяснила, почему и зачем. Император не любит лишних расходов, он ответил кратко: «Поезжай». Из Женевы она решила поехать в Турин. Новая телеграмма: «Могу я поехать в Турин?». Новый ответ: «Поезжай». Из Турина ей понадобилось съездить в Венецию. Опять телеграмма: «Могу я поехать в Венецию?» Император рассвирепел и ответил: «Поезжай в Венецию и там повесься»... Вы не верите?

Граф Лимбург-Штирум с изумленной улыбкой слушал, стараясь все запомнить и ничем себя не скомпрометировать. Бесцеремонность канцлера и изумляла его, и восхищала, и приводила в ужас. «Зачем он это говорит? Я, конечно, никому не скажу, но... Ведь все всегда доходит куда надо... Немудрено, что у него столько врагов. Это несчастье для страны, что глава правительства causeur, Божьей милостью... В нем пропадает газетный фельетонист»...

— Во дворце говорилось об опасности войны,— осторожно сказал он.— Высказывалось мнение, что теперь в Петербурге придут к власти люди, желающие присоединить к России германскую Польшу и восточную Пруссию.

— Это вполне возможно. Во всех странах процент идиотов в правительстве очень велик. Только идиоту в Петербурге может быть нужна германская Польша и Восточная Пруссия. Но чем глупее мысль, тем больше оснований думать, что она осуществится. Русско-германская война была бы величайшей глупостью для обеих сторон. Что она нам бы дала? Русскую Польшу? Курляндских баронов? Да я их даром не возьму... Победить Россию очень трудно из-за ее безграничных размеров. Следующая война будет продолжаться не месяцы, а годы. Победим ли мы? Я в этом не уверен. Конечно, наши солдаты храбры, но и русские, и французы тоже храбры, все народы храбры... Гений Мольтке? Наш изумительный генеральный штаб? Полноте... Генеральный штаб нам во всем вредил и в 1866, и в 1870 году. Они только и делали, что мешали мне... Что же будет без меня, а? Да, что будет без меня?.. Конечно, русско-германская война была бы глупостью. Но именно поэтому она, вероятно, и будет... Вы со мной не согласны?

— Я думаю, ваша светлость так говорит нарочно,— уклончиво сказал Лимбург-Штирум.

Бисмарк засмеялся своим неприятным смехом.

— Вы мне напоминаете герцога Сен-Симона. Людовик XIV написал стихи и спросил о них мнение герцога. Тот восторженно ответил: «Положительно, нет ничего невозможного для вашего величества: вы хотели написать плохой сонет, и вы его написали». А знаете ли вы, чем кончится европейская война, дорогой граф? Скорее всего тем, что император потеряет престол... Не спрашивайте: «какой император?». Все три.

— Это невозможно, ваша светлость, — твердо сказал Лимбург-Штирум.

— Да вы самый легковерный человек на свете! Вы верите, что есть вещи невозможные! Спросите меня, возможно ли, что столицей Германии станет, например, Версаль. Я отвечу: вполне возможно. А может ли быть, что германская империя погибнет и что от моего дела не останется следа? Очень может быть. А возможно ли, что римский папа примет лютеранскую веру? Отчего же нет? В мире нет ничего невозможного, ничего! — сказал с силой Бисмарк.

XV

Городок был маленький и не очень старый. Построил его на горе между Волгой и Свиягой в семнадцатом веке боярин Хитрово и укрепил «для обережения от прихода ногайских людей». Однако ногайские люди не приходили или не задерживались. Городок был чисто русский, чисто православный; протестанты, католики, евреи среди его 20-тысячного населения были наперечет. Очень мало было и приезжих из столиц. Редкого, достопримечательного в Симбирске (по-старинному, Синбирске) было мало. Приезжим показывали прекрасный собор, в котором хранился напрестольный серебряный крест, пожалованный царицей Марьей Ильиничной. На Волге чтили ее память, и каждый Илья в городе давал новорожденной дочери имя царицы.

Климат был здоровый, но жестокий. Летом зной бывал сильный, и месяцами по городу столбом стояла

---

[5] «У русских с давних пор плохая привычка убивать царей» *(нем.)*.

[6] Где император? *(франц.)*.

[7] Но... Мой отец! *(франц.)*.

[8] Истина в вине — *лат.* (соответствует выражению «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»).

пыль. Зимой же иногда бывало так холодно, что замерзала ртуть в термометрах, впрочем, еще мало распространенных. Снежные громады заносили все, снег набивался в сени домов. Случались такие бураны, что было опасно ходить по деревянным тротуарам с провалившимися кое-где досками. Но тогда особенно уютной становилась жизнь в жарко натопленных домах с мезонинами, с флигельками, с банями.

Порядки у купечества и мещан были старые, начали изменяться лишь недавно, а кое в чем почти не изменились за два столетья. На кладбище после похорон раздавали нищим блины. Над именинниками ломали ряженый пирог с изюмом и приговаривали: «Так бы сыпалось на тебя золото». Весной и летом в хорошую погоду девицы сидели у ворот со старушками, а молодые люди смотрели невест; если невеста нравилась, посылали сваху, затем родителей, и невеста за чаем три раза выходила переодеваться: показывала, что платьев у нее достаточно; в случае же сговора за воротами били в тазы,— сходились гости, и подходил к воротам городской дурачок. Жили купцы хлебосольно, угощали на славу, по-старинному, чтобы всего была пара: два поросенка, два гуся, две индейки, и только каша была одна: «Без каши обед не в обед». Все было свое, домашнее: поросята, птица, молоко, масло, фрукты. В садах при каждом доме росли антоновские, титовские, апортовые яблоки, сахарные, молдавские, трубчевские груши, знаменитая по всей Волге шпанская вишня. Заготовлялись в огромных количествах варенья, моченья, соленья. Да и покупать было недорого: ведро слив стоило 40 копеек, а пуд говядины полтинник; иначе как ведрами, пудами, четвериками, мерами в Симбирске съестных припасов не покупали. Даже водка, квас, густые, как масло, наливки были свои. У многих же в сундуках, обитых оленьей кожей, хранились запасы домодельного сукна и полотна. Немногочисленным лавкам и торговать было нечем, кроме колониального и москательного товара, табака и иностранных вин.

Дворянство жило по-иному, но до реформы кое в чем не очень по-иному. На зиму из соседних имений переезжали в город помещики, и тогда каждый день бывали большие обеды то у одного, то у другого. Подавалось по двадцать блюд, после обеда гости из вежливости вздыхали, а хозяин успокоительно говорил: «Вздыхать нечего: будем и ужинать». Все проживали гораздо больше, чем имели дохода, и все разорялись, кто медленно, кто быстро, но одинаково верно. От болезней лечились кумысом, который ходили пить в будку на Венце. От простуды натирались деревянным маслом. В винт играла только интеллигенция, преобладали преферанс и стуколка; старики же, еще вспоминавшие о лютостях Бонапарта, предпочитали ломбер, пикет и рокамболь. У старых людей сохранялись воспоминания о пушках, когда-то стоявших в садах: гостеприимный хозяин с утра выстрелами звал к себе друзей на обед, а кто принимал приглашение, тот палил в ответ из своего сада. Изредка еще попадались и самодуры старого образца, которые в случае обиды на приятеля приезжали к нему со свиньей: «Корми и свинью». И только при Александре II медленно стал изменяться старый вековой быт.

Интеллигенция тоже жила по-иному, но кое в чем не очень по-иному, хоть ненавидела старую жизнь и издевалась над пережитками прошлого. «Кладбищем» назвал в «Обрыве» Симбирск знаменитый романист. Правда, русские писатели испокон веков всячески ругали все такие маленькие города, называли их Глуповыми, населяли их скверными городничими, чиновниками, помещиками, людей же с возвышенной душой заставляли рваться в Москву или в Петербург. Однако выходили сами писатели именно из таких городов и, очевидно, выносили из них в душе не только то, над чем издевались. В том же Симбирске или под Симбирском родились и Гончаров, и Карамзин, и Языков, и некоторые другие оставившие по себе след люди.

История же Симбирск обходила до самого последнего времени. Как никогда не брали его иностранные завоеватели, так не было в нем декабристов, петрашевцев, нечаевцев, землевольцев, народовольцев. И лишь много позднее, совсем недавно, вышли из него, из серой двухэтажной гимназии, люди, потрясшие мир. Прошла над Симбирском гражданская война XX столетия, где-то в городке — на Дворянской, на Московской, на Екатерининской? — застрелился или был застрелен полоумный полковник Муравьев, который чуть было не стал всероссийским диктато-

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

ром,— а легко мог стать и был бы ничем не хуже людей,— маршалов, фельдфебелей, штатских, ставших диктаторами в ошалевшем мире, в странах тысячелетней культуры: ибо и человек красит место, и место красит человека.

Деревянный дом с мезонином, флигельком и садом на Московской улице, выходивший двором к Свияге, принадлежал директору народных училищ Илье Николаевичу Ульянову. В доме было все то, что было и у других чиновников, получавших тысячи три жалованья в год. Была неуютная зала с зеркалами, с гардинами, с роялем, с цветами в горшках. Была уютная столовая с буфетом, с тяжелыми кожаными стульями, с раздвижным столом. Мальчики-гимназисты жили в мезонине, в который шла из передней обитая чистеньким ковром лестница. Дочь, Машенька, помещалась еще в детской с няней. Хозяин же дома имел небольшой кабинет около залы.

Впрочем, Илья Николаевич Ульянов проводил большую часть года в разъездах. Он был главой и душой учебного дела в округе. Следил за постройкой школ, разъезжал в бричке или в санях по местечкам и деревням уезда, ночевал в угарных избах, воевал с подрядчиками, ободрял полуголодных учительниц, ходивших в валяных сапогах. У него среди учителей образовалась школа, которую называли ульяновской. Подрядчики над ним издевались и считали его блаженным. Никому из них и в голову не пришло бы в передней, по-старинному, незаметно положить по нескольку золотых в пальцы его перчаток или просто в карман дорожного пальто: знали, что директор народных училищ не замедлил бы подать на них жалобу в суд.

В обществе знали, что он очень хороший человек и бессребреник: только и думает о школах, да еще об арифметических задачах. Принимали Ульяновы меньше, чем другие, отчасти по скромности средств: семья была большая, именья не было и жили только на жалованье Ильи Николаевича. Он держался либеральных взглядов; но в провинции почти все люди с образованием были либералы, и это означало не так много. Политикой в Симбирске никто не занимался. Илья Николаевич принадлежал к тем, уже довольно многочисленным при Александре II, людям, которые быстро, незаметно даже для себя, превращали Россию из отсталой крепостнической страны в страну передовую и цивилизованную. Служил он хорошо, из учителей арифметики дослужился до должности директора народных училищ, носил на своем потертом фраке орден св. Владимира и с начальством ладил так же, как с подчиненными. Бывал у него и уездный предводитель дворянства, человек взглядов тоже скорее передовых, однако подобающих предводителям дворянства.

Свое жалованье Илья Николаевич отдавал жене Марье Александровне. Она была опытная, бережливая хозяйка. Время находила на все: репетировала с мальчиками гимназические уроки, следила за их чтением, учила их французскому и немецкому языкам, пению, хорошим манерам и танцам.

Мальчики учились и вели себя прекрасно. В доме Ульяновых гимназическая «четверть» бывала всегда радостным событием. Длинные, подшитые тугим темно-серым коленкором прямоугольники показывались гостям,— было чем похвастать: четверки попадались редко, тройка была бы признана несчастьем, а если бы у Саши или у Володи в первых вертикальных графах, «поведение», «внимание», «прилежание», хоть раз было не круглое пять, то Мария Александровна, наверное, надела бы свое лучшее платье и поехала бы объясняться с знакомым ей директором гимназии Федором Михайловичем Керенским. В мае мальчики неизменно приносили из гимназии похвальные листы, затем отдававшиеся в рамку, и книги в красивых переплетах с золотым обрезом, с надписью: «За отличные успехи». Старший, Саша, считался наиболее способным, младший, Володя, выделялся послушанием и благонравием. Оба мальчика были живого, веселого характера; ловили скворцов, удили рыбу, занимались химическими опытами; по воскресеньям зимой через калитку со двора убегали на Свиягу и там целый день катались на коньках. Но в это воскресенье, 1 марта, Марья Александровна их не отпустила: на Симбирск с Волги надвигался буран.

В столовой были зажжены керосиновые лампы. В этой комнате обычно собиралась семья. Шумел огромный самовар. На столе были ветчина, сыр, сливки с подрумяненными пенками, пирожки, шептала, черный кишмиш. Гостей из-за бурана не ждали, но хотел прийти гимназический учитель математики, друг Ильи Николаевича. Как раз вышло новое, переработанное издание «Сборника арифметических задач» Евтушевского. Илья Николаевич собирался изложить приятелю свои мысли о труде этого знаменитого педагога.

Марья Александровна доканчивала с Володей урок по Ветхому завету.

— Вот еще только скажи, как возопили сыны Израилевы, и пойдем чай пить. Но наизусть, как требует батюшка. «Сыны же Израилевы»...

— «Сыны же Израилевы возопили к Господу и сказали Моисею: разве нет гробов в Египте...» — говорил, картавя, Володя, бойкий невысокий мальчик с веснушчатым лицом, карими глазами, рыжеватыми волосами. Прозвенел звонок. Володя побежал отворять дверь. «Разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыню?» — весело прокричал он. В переднюю из своей комнаты вышел, радостно потирая руки, Илья Николаевич. Володя почтительно поклонился учителю арифметики. Его в гимназии называли Зайцем.

Учитель раздвинул концы башлыка и вздохнул, испуганно глядя на Ульянова.

— Слышали?

— А я уже, батюшка, боялся, что не придете, бурана испугаетесь,— весело сказал, тоже картавя, Илья Николаевич, никогда ничего не замечавший.— Сейчас выпьем чайку, согреетесь.

— Не слышали! — Володя смотрел на Зайца с любопытством.— Из Петербурга только что пришла телеграмма. Государь убит бомбой,— вполголоса сказал учитель, оглядываясь на Володю.

В мезонине, в комнате Саши, мальчики готовили то, что во всей русской провинции почему-то называлось «философской лампой». В колбе лежало несколько железных гвоздей. Отводная трубка была проведена под опрокинутый над водою сосуд тоже с отводной трубкой. Саша подлил в колбу купоросного масла, пузырьки газа вытесняли воду из сосуда.

— ...Купоросное масло — это только так в аптеках называется,— объяснял Саша.— На самом деле это серная кислота, хаш два эс о четыре. Это очень опасная штука.

— Какая опасная? В каждом окне у нас стоит!

— А вот ты попробуй, опусти палец, тогда и будешь знать, опасная ли!

— Я и попробую.

— Думать не смей!

— Ты уйдешь, я попробую... А газ, ты говоришь, водород?

— Водород, хаш. Железо, действуя на серную кислоту, выделяет из нее водород. Я написал бы реакцию, но ты не поймешь.

— Я пойму.

— Нет, не поймешь, надо изучить формулы. И высшую математику, это очень трудно... Смотри, как быстро выделяется газ,— сказал Саша и осторожно обернул сосуд полотенцем.

— Это зачем?

— Затем, что иногда происходит взрыв. По еще не выясненной учеными причине.

— Я выясню, по какой причине... А государя чем взорвали? Ты понял, что говорил Заяц?

— Я-то понял, но тебе рано судить об этом.

— Нет, скажи! Скажи,— приставал Володя. Он заложил палец за пуговицу курточки и, наклонив голову, чуть щурясь, смотрел на брата.

— Завтра на панихиду идти! Я убегу.

— Зато мама сказала, что всю музыку надолго запретят и наши уроки тоже. Это хорошо. А вот, значит, на Сорок Мучеников жаворонков в этом году не будут печь?

— Ничего в этих жаворонках нет вкусного: просто тесто... Ну, хорошо, вот видишь, это лакмусова бумажка. Опусти ее в стаканчик с кислотой, она покраснеет.

— Почему?

— Потому, что кислота окрашивает лакмус в красный цвет.

— А почему кислота окрашивает лакмус в красный цвет?

— «Почему, почему»,— передразнил Саша.— Потому... Теперь смотри: я поднесу спичку к отверстию отводной трубки. Водород соединится с кислородом, зажжется и будет гореть бесцветным пламенем, если только не произойдет взрыва. Это и есть философская лампа.

— Философская лампа,— с любопытством повторил Володя. Саша крепко стянул концы полотенца и, отодвинувшись, осторожно поднес спичку к отверстию трубки. Водород зажегся.

— И не было никакого взрыва! — разочарованно сказал Володя.

Внизу, в кабинете, Илья Николаевич разговаривал с гостем, бегая по комнате, приглаживая рукой прядь на лысине.

— По-моему, это совершенно возмутительно! — говорил он.— Вот уж именно, есть люди, которые ничему не научились и ничего не забыли. Просто возмутительно, другого слова нет!

Учитель математики только грустно на него смотрел. В этот вечер он плохо слушал своего приятеля, но знал, что Илья Николаевич говорит не об убийстве царя, а об учебнике Евтушевского. «Это, верно, хорошо быть не от мира сего»,— думал учитель. Он тоже держался либеральных взглядов и был очень добр. Ученики его любили и очень шумели в его классе. Когда шум переходил границы возможного, учитель выпучивал глаза, отчаянно махал руками и говорил высоким голосом: «Не кричити! Вы мне мешаити!»

Он был потрясен петербургским событием, хотя очень не одобрял политику Александра II. Считал его человеком слабохарактерным и часто сурово говорил, что пора бы царю взять дубинку Петра Великого для борьбы с придворной кликой, противившейся введению конституции. Его очень огорчило, что в доме Ульяновых цареубийство никого не взволновало. Илья Николаевич вспомнил, что при вступлении Александра II на престол в России было восемь тысяч двести школ, а теперь их больше двадцати трех тысяч.— «Говорят, новый царь — человек истинно передовых взглядов. Хорошо бы нам получить конституцию»,— сказал учитель.— «Именно, это было бы очень, очень хорошо»,— согласился Илья Николаевич и заговорил об учебнике Евтушевского.

— Не скажити, Василий Андрианович знает дело. Мастерски написан учебник.

— Мастерски! Я считаю, что это преступленье. Возьмите его задачи на меры сыпучих тел,— сказал горячо Илья Николаевич и с ожесточенным видом перелистал учебник.— Вот... «У садовника было два воза яблок по две четверти и три четверика»... Прежде всего это гнусный вздор: яблоко не сыпучее тело!

— Не говорити. В известном смысле...

— Ни в каком смысле. «За все яблоки ему давали в деревне шестьдесят рублей, но он, желая получить большую выгоду, поехал в город и продал там все яблоки по два рубля за четверик. Сколько выгадал он через то, что продал яблоки в городе, если на поездку туда и обратно издержал три рубля?» Хорошо? — спросил насмешливо Илья Николаевич, склонив голову набок.— Вот он, ваш Евтушевский! Позор!

— Не скажити.

— Я скажу! Во-первых, когда говоришь с ребенком, надо все упрощать. Должна быть единая цельная мысль. А здесь сразу несколько операций. Затем другая сторона дела. Я, конечно, не знаю цен на яблоки, но сельский школьник знает. Что, если цены не те? И кто же в деревне купит яблок на шестьдесят рублей? И разве поездка в город может стоить мужику три рубля?

— Какое же это может иметь значение?

— Огромное значение! Учитель должен пользоваться доверием ученика, если хочет руководить им. Не говорю уже о меркантильной стороне дела: «Сколько выгадал?» Вот чему учат ваши Евтушевские! Как бы «выгадывать»!

— Может быть, вы и правы,— грустно сказал учитель.— Однако я пойду. Буран все усиливается. Почтение Марье Александровне, не хочу беспокоить.

Выйдя на улицу, он тотчас провалился в снег. Буря стала страшной. Снег не падал, а вздымался с улицы и больно залеплял глаза. С Волги дул дикий ветер. «Это уже шторм: больше ста километров в час»,— подумал учитель, преподававший в старшем классе и начала космографии. У тусклого фонаря упала в снег замерзшая ворона. Учитель поднял воротник шубы и осторожно пошел по мостовой, нащупывая перед собой дорогу палкой.

Было совершенно темно.

Рэм ПЕТРОВ

МИЛЮКОВ, или биография компромисса

«Милостивый государь Павел Николаевич!
Исключительные обстоятельства нынешнего лета замедлили открытие действий в наступившем учебном году всех университетских учреждений, в том числе и комиссии по присуждению премий имени С. М. Соловьева. Она собралась 17 октября и, выслушав отзыв мой о Вашем труде, приговорила удостоить Вас полной премии имени С. М. Соловьева (...) Не могу не прибавить к сему, какое удовольствие доставило мне участие в приговоре, удостоившем первой премии имени С. М. Соловьева ученый труд, посвященный деятельности великого русского человека, пред которым благоговел этот историк.
С истинным почтением и преданностью, готовый к услугам В. Ключевский, 19 октября 1892 г.

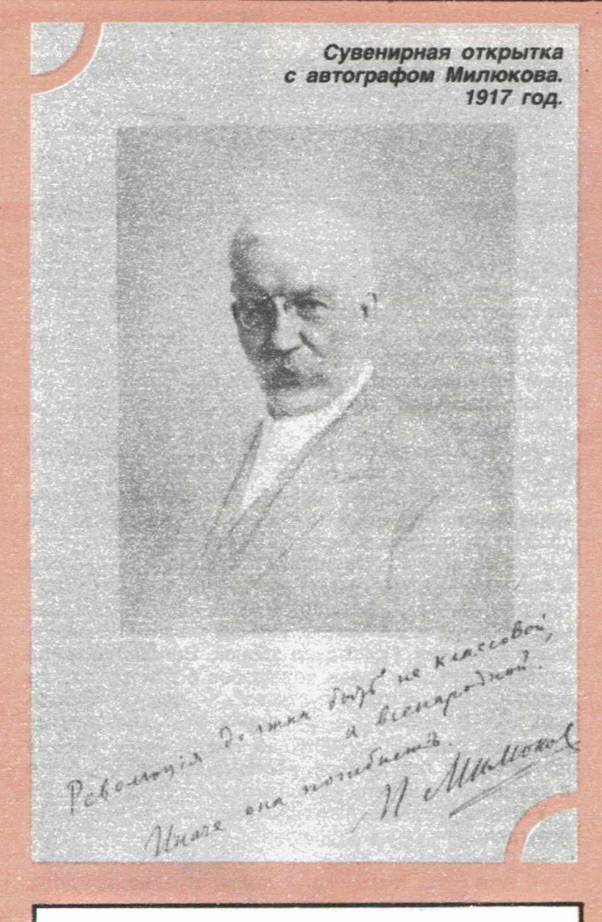
Человек, получивший это письмо, поделил свою жизнь на две части: первая была отдана науке, вторая — политике.

Премии имени Соловьева в 1892 году была удостоена научная работа, посвященная Петру Первому и его реформам,— работа, принесшая автору звание магистра российской истории; а письмо Василия Осиповича Ключевского адресовано тридцатитрехлетнему приват-доценту Московского университета Павлу Николаевичу Милюкову.

* * *

С 12 по 18 октября 1905 года в Москве состоялся учредительный съезд политической партии, которая в советской историографии заслужила множество нелестных эпитетов,— партии Народной Свободы, или конституционной демократии, или кадетов.

К этому времени один из ее основателей, а с 1907 года — председатель ее ЦК, Павел Николаевич Милюков, имеет уже солидный для русского либерала политический «послужной список»: троекратное тюремное заключение за пропаганду либеральных взглядов, административная высылка из первопрестольной на три года в Рязань за «влияние на студенчество». Милюков представляет «центр» партии кадетов и, объединяя в компромиссе ее правое и левое крыло, фактически формирует кадетскую программу, главная идея которой — ненасильственное развитие России по пути либеральных парламентских реформ. Организационное оформление кадетского движения в партию не случайно приходится именно на октябрь 1905 года. За два месяца до этого, 6 августа, выходит царский манифест о созыве Государственной думы. Манифест открыл краткую эпоху парламентаризма в Российской империи. Русский либерализм создает свою партию для участия в предвыборной борьбе, а затем и парламентской деятельности, в которой партия Народной Свободы выступает с требованиями перестройки (это термин 1906 года.— Р. П.) местных органов власти на началах самоуправления и судебной реформы (независимые выборные суды, гласность судопроизводства, самоуправляющаяся адвокатура, допуск защиты на предварительное следствие, отмена смертной казни). Кадеты выступают за культурное самоопределение наций, равенство граждан независимо от сословий. В программе конституционных демократов — требования свободы слова, совести, печати, собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища, свободы передвижения и отмены паспортной системы. (Удивительна наша история, оставляющая иногда учеников своей школы на второй год и отбрасывающая второгодников на восемь десятилетий назад! Но — продолжим.) Рабочий вопрос: свобода рабочих союзов, собраний и стачек, контроль за продолжительностью рабочего дня. Аграрный вопрос...

Сувенирная открытка с автографом Милюкова. 1917 год.

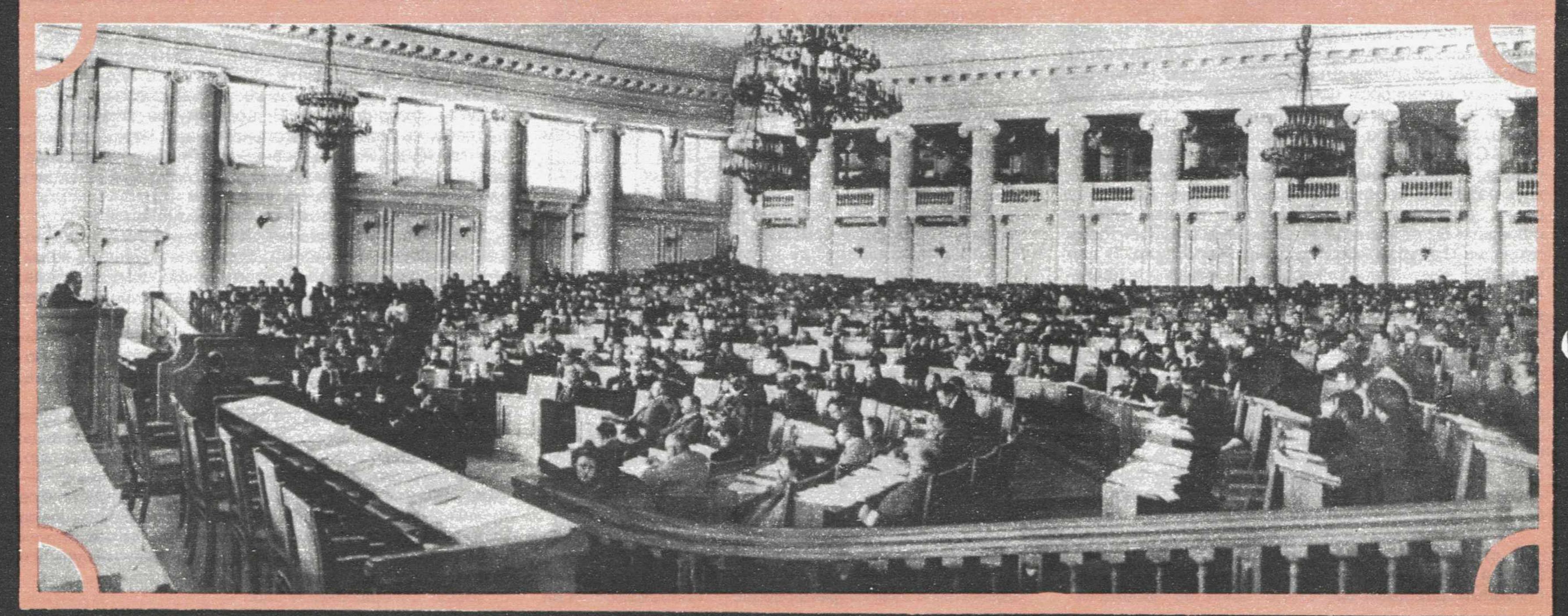
Чья должна быть земля? — вопрос этот был да и остается по сей день не разрешенной до конца проблемой. В начале же века множество мнений явно организовывало три лагеря. Справа — монархисты, крупные землевладельцы: никаких уступок малоземельному крестьянству. Слева — идеи тотального уравнительного перераспределения земли, ее национализация — трудовики, эсеры, социал-демократия.

Посередине — партия Милюкова, партия компромисса.

Возражение «левым»: национализация сделала бы государство единственным, монопольным собственником земли и придала бы «правительственной власти такую силу и значение, которое в современных условиях имело бы крайне опасный и угрожающий характер для развития в стране гражданской свободы»; мелкая земельная собственность изъятию подлежать не должна. И сразу — критика слева, с определениями, впрессованными в наши энциклопедии: «оппортунизм», «соглашательство», «беспринципность». Отповедь «правым»: помещичье землевладение, огромные латифундии — тормоз развитию сельского хозяйства. Владельцы латифундий ведут хозяйство, сдавая землю арендаторам,— и те уродуют ее по принципу «урвать и бросить»; в то же время миллионы крестьян, маясь в безземелье и нищете, не имеют возможности применить свои силы к земледелию. Отсюда и кадетская программа — выкуп излишков земли для раздачи или неграбительской распродажи крестьянству.

Конечная цель партии Народной Свободы — созыв Учредительного собрания для создания такого государственного устройства, которое бы смогло гармонизировать интересы всех классов и сословий России. Эти идеи находят отклик в самых различных слоях населения. Партия кадетов — одна из самых массовых в России и насчитывает в 1905—1907 годах около ста тысяч членов. Состав партии разнолик: в Василеостровской организации Петербурга, и пример этот показателен,— 142 рабочих, 57 конторщиков и приказчиков, 43 студента, 38 служащих, 36 ремесленников, 31 профессор и приват-доцент, торговцы, чиновники, инженеры, учителя... Столь разно-

Панорама заседания I Государственной думы. 1906 год.

П. Н. Милюков с женой Анной Сергеевной и дочерью Натальей. Около 1910 г.

родный состав позволяет Милюкову называть партию надклассовой и всенародной. Партия отрицает насилие как средство достижения политических целей, это дает основание Ленину заметить, что «либерализм бессилен как партия интеллигентская». С последним определением согласен и Милюков: ЦК кадетской партии на три четверти состоит из ученой интеллигенции.

Манифест 17 октября 1905 года, дарующий гражданам империи политические свободы, воспринимается Милюковым скептически. Он убежден, что формального провозглашения свобод без реальных гарантий недостаточно. На встрече с графом С. Ю. Витте, главой царского кабинета министров, Милюков формулирует самые необходимые, на его взгляд, меры, способные разрядить политическую напряженность в стране: «Составьте в спешном порядке деловой кабинет из приличных людей (...) Произнесите слово «конституция» (...) Для ускорения и для упрощения дела позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и послезавтра опубликуйте...»

Для российского самодержавия это звучит слишком радикально. Тем временем тучи на политическом горизонте сгущаются — подходит к концу 1905 год. В трети уездов России идут погромы крестьянами помещичьих усадеб, в городах формируются отряды вооруженных рабочих, на флоте вспыхивают восстания матросов. Страна находится на пороге гражданской войны.

Неприятие насилия стало водоразделом, по одну сторону которого Ленин формулирует необходимость всемерно «дискредитировать такую партию, как партия к.-д.», и таким образом «давать могучие толчки политическому развитию народных масс», а по другую Милюков утверждает, что надо «направить само революционное движение в русло парламентской борьбы». Позже, в ноябре 1909 года, на конференции партии Народной Свободы Милюков, касаясь событий «генеральной репетиции», подчеркивает, что «дело русского обновления не может быть закончено той политической судорогой, какая по вине истории оказалась необходимой для его начала».

К 1909 году успевает смениться два состава Государственной думы, впервые созванной 27 апреля 1906 года. Позиции кадетов в первой Думе довольно сильны, хотя их лидеру не удается стать депутатом. Критические прогрессистские статьи в редактируемой им газете «Речь» — постоянный повод для судебного преследования Милюкова консерваторами, и поэтому он не имеет права участвовать в выборах. Однако более трети депутатов Думы — члены партии Народной Свободы, председателем Думы избран кадет, профессор Московского университета С. А. Муромцев, среди депутатов — юрист В. Д. Набоков (отец писателя), профессор М. Я. Герценштейн — специалист по земельному вопросу, блестящий думский оратор, снискавший популярность среди крестьянства и ненависть черной сотни (был убит черносотенцами в 1906 году).

Конфликт между правительственным кабинетом и либерально-демократическим большинством Думы становится все более очевиден. Это служит толчком к переговорам правительства с лидером кадетской партии. Милюков приглашен для встречи с Д. Ф. Треповым, дворцовым комендантом, а затем с П. А. Столыпиным, сформулировавшим к тому времени на выступлении в Думе основные принципы своей будущей аграрной политики.

Милюков и Столыпин. Суть разногласий этих двух политиков состоит в том, что, по мнению Милюкова, яростная неуступчивость Столыпина в вопросе о мирном перераспределении излишков земельной собственности, насильственная ломка крестьянских общин, «несомненно, будет революционизировать массы больше, чем что-либо другое, ибо (...) вызовет социальную борьбу богатых и бедных в самых злобных формах». Предсказание Милюкова сбывается: преобразования Столыпина, делавшие ставку на крепкого и трудолюбивого крестьянина, наталкиваются на бешеное сопротивление зараженного уравнительной общинной психологией крестьянства. Крестьянин, выделяющийся из общины «на отруба», немедленно становится объектом ненависти своих соседей — ненависти, реализующейся в избиениях, убийствах и поджогах имущества самостоятельных хозяев. После таких эксцессов следует наказание погромщиков — и в ответ раскручивается новый виток насилия, подстегиваемый пропагандой социалистических партий. Милюков же стремился к компромиссу — компромиссу между патриархальными общинными убеждениями крестьянства и становлением крепкого самостоятельного деревенского хозяйства. Таким компромиссом, считает Милюков, могли бы стать парламентские реформы, направленные на ограничение крупного землевладения, которое было постоянным бельмом на глазу малоземельного крестьянства. Нельзя не заметить, что политика кадетов вызывает сочувствие в деревне. Вот строки из донесения помощника начальника Киевского охранного отделения в Департамент полиции: «...Члена Думы Пуришкевича крестьяне не хвалят (...) знают больше всего конституционно-демократическую партию и хвалят ее за хлопоты о наделении крестьян землею».

Однако Милюков и Столыпин не смогли понять друг друга. «Кормчий» (так называли Столыпина) слишком мало верил в силу нового и полагался на силу старого»,— писал Милюков в 1921 году, упрекая Столыпина в недооценке возможностей парламентаризма.— И великая Россия, вместо того пути демократических реформ, на который звала подлинная, без кавычек, русская общественность, была направлена на путь «великих потрясений» — услужливыми руками царедворца и честолюбца, но не государственного человека — П. А. Столыпина».

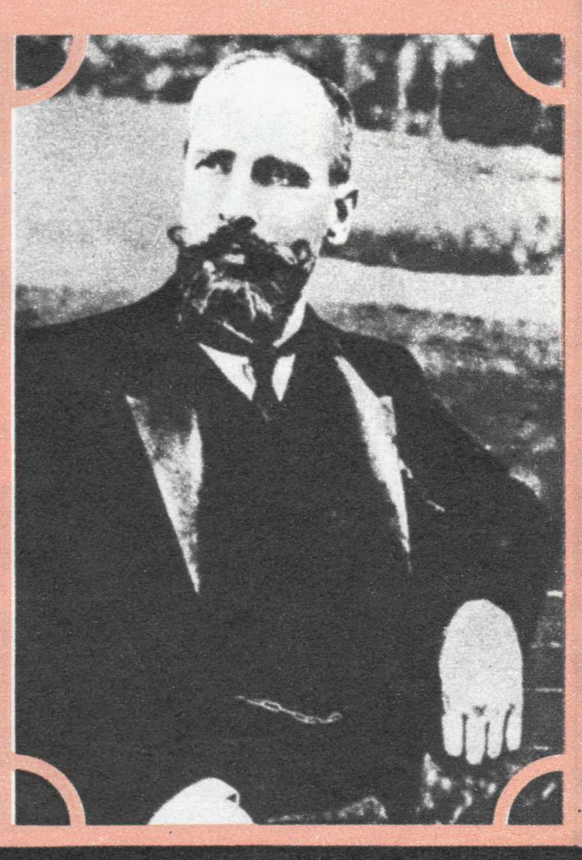
В этой цитате сквозит явная неприязнь; но, возможно, именно неуспех диалога между двумя государственными деятелями трагически предопределил судьбу каждого из них.

* * *

Политический взлет Милюкова начинается в 1914 году. Депутат третьей, а с 1912 года четвертой Государственной думы, Милюков становится опытнейшим парламентским деятелем; его способность к нахождению компромиссов увеличивает число депутатов, поддерживающих принципы либерализма. В августе 1915 года в Думе создается так называемый Прогрессивный блок, включающий 236 из 442 членов Думы. «Автор» и безусловный лидер блока — Милюков. Отныне большинство Думы выступает с общих либеральных позиций. Цена такого объединения — компромисс с консерваторами. Кадеты временно исключают из своей политической программы требование широкой аграрной реформы, а лозунг полной политической амнистии заменяется ходатайством о прекращении политических дел «в путях монаршего милосердия». Эти и некоторые другие «программные жертвы» Милюков оправдывает тем, что «самое участие в блоке окажет на умеренных такое политическое воспитание, что в дальнейшем они пойдут и на более решительные реформы». В Думе созданы условия для ликвидации самодержавия путем «бескровной» парламентской революции. В сентябре Прогрессивный блок выступает с предложением сформировать новый состав правительства, которое бы учитывало мнение думского большинства. Царю, по сути, предлагается почетный компромисс — за самодержцем оставалось бы право назначения министров. Однако, воодушевленный мимолетными успехами на русско-германском фронте, монарх в ответ на более чем мягкий «ультиматум» закрывает заседания Думы. Видимо, Николай II упустил последний шанс сохранить монархию.

В парламентской борьбе Милюкова наступает перерыв. В мае 1916 года он в составе думской делегации совершает поездку в Европу. В Англии он проводит переговоры с Ллойд Джорджем: речь идет главным образом о возможностях послевоенного экономического сотрудничества России и Англии. Лидеры европейских держав смотрят на Милюкова как на будущего министра иностранных дел, а возможно, и на будущего премьер-министра; авторитет его, бе-

«Враг парламентаризма» —
Петр Аркадьевич Столыпин.
1910—1911 гг.

зусловно, велик. В августе, получая в Кембридже степень доктора наук, Милюков произносит речь, которую завершает оптимистической фразой: «Мы боготворим свободу, мы достойны свободы, мы придем к свободе...». Милюков как политик идет к своему «звездному часу» — речи на заседании Думы 1 ноября 1916 года. «Глупость или измена?» — этот вопрос Милюков несколько раз повторяет с трибуны, обвиняя монархию в бездарной экономической и военной политике и требует создания подотчетного парламенту правительства, приданию Думе реальных законодательных полномочий.

Речь Милюкова производит оглушительный эффект. Цензура запрещает публиковать текст выступления, чем еще больше способствует популярности Милюкова. Премьер-министр Б. В. Штюрмер намеревается подать на Милюкова в суд. Черносотенцы угрожают расправой, в квартире Милюкова беспрестанно звонит телефон, и неизвестные лица осведомляются, жив ли еще хозяин квартиры. ЦК кадетской партии приставляет к своему лидеру добровольцев-телохранителей. Петроградская охранка констатирует, что «кадеты достигли в последнее время невероятного политического влияния», а их лидер «стал подлинным героем дня».

Спустя полгода лондонская «Таймс» напишет, что Милюков «замечательным образом сочетает в себе глубокие знания истории конституционализма и парламентаризма и природный дар руководителя с инстинктивной склонностью к компромиссу, являющемуся квинтэссенцией английской политики. Однако в своей знаменитой думской речи (...) он проявил себя как бескомпромиссный в деле принципа и отважный политический боец».

Но изменений в государственной структуре не происходит, сменен лишь министр-председатель. Милюков не сдается; 14 декабря он выступает снова, подчеркивая, что неуступчивость самодержавия фатальна, ибо на пороге более грозная революция, чем в 1905 году: «Кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение могучего потока, который мы в дружных усилиях со страной хотим ввести в законное русло». Эскалация политической нестабильности в России продолжается. В феврале 1917 года по стране прокатывается волна стачек и демонстраций, стычек с полицией. 25 февраля выходит указ о роспуске Думы; это последний акт самодержавия. Спустя сутки толпа рабочих, студентов и солдат наводняет Таврический дворец. От Милюкова требуют, чтобы Дума взяла на себя власть; лидер кадетов замечает, однако, что учреждение законодательное не может брать на себя исполнительные функции, и в ночь на 28 февраля создается Временный комитет членов Государственной думы, а 2 марта — Временное правительство.

2 марта Милюков, выступая на митинге в Таврическом дворце, заявляет, что после отречения Николая II и до созыва Учредительного собрания власть в стране должна перейти к регенту — великому князю Михаилу Александровичу. Это звучит настолько неожиданно и несообразно настроению собравшихся, что вызывает бурю негодования. Однако и на следующий день, на заседании Временного правительства, Милюков настаивает на своем, считая, что уничтожение института царской власти приведет к разрушению российской государственности. Он не считает монархию препятствием на пути к демократии — примером для него всегда служила Великобритания. Авторитет Милюкова столь значителен, что ему удается убедить членов новорожденного правительства в своей правоте. Делегация во главе с Милюковым едет к великому князю. Милюков использует все свое красноречие, чтобы уговорить регента не отрекаться от престола. Участник переговоров В. В. Шульгин позже вспоминал: «Милюков не хотел остановиться, не мог остановиться, боялся остановиться... этот человек, обычно такой вежливый и выдержанный, не давал никому говорить, он прерывал всех, кто ему возражал... Белый, как лунь, с синевато-серым от недосыпания лицом, совершенно охрипший от выступлений в бараках и на митингах, он отрывисто каркал».

Однако великий князь сознавал, что монархия уже мертва; с этим должен согласиться и Милюков, и на съезде кадетской партии 25—28 марта принимается резолюция, гласящая, что «Россия должна быть демократической и парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному правительству. Во главе исполнительной власти должен стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства».

* * *

После крушения монархии выясняется, что у Милюкова более нет политических противников справа. Отныне самый правый — он сам и возглавляемая им партия Народной Свободы. Находящееся под влиянием кадетов Временное правительство выдвигает программы, которые становятся все менее популярны. Временное правительство не спешит с тотальной аграрной реформой, утверждая, что это прерогатива Учредительного собрания, и пытается бороться с насильственными захватами земли. К принципам всеобщего государственного регулирования экономики, отстаиваемым левыми партиями, министр промышленности и торговли В. А. Степанов призывает отнестись с осторожностью, утверждая, что «стремиться охватить регулированием все хозяйство целиком — значит явно идти на утопическую авантюру». Правительство безуспешно пытается убедить рабочих на некоторое время снять требования немедленного повышения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня — чрезмерная требовательность уже начинает дезорганизовывать товарный рынок и экономику в целом, растет дороговизна. Но, вероятно, самый непопулярный тезис — о необходимости выполнять союзнические обязательства и продолжать войну.

Здесь, впрочем, надо сделать небольшой экскурс в прошлое.

Милюков никогда не был милитаристом. Более того, он стоял у истоков пацифистского движения начала XX века. В канун вступления России в первую мировую войну Милюков активно противостоял военной истерии правомонархических кругов. Передовицы редактируемой им «Речи» доказывали необходимость локализации австро-сербского конфликта и невмешательства России. 20 июля 1914 года «Речь» была закрыта на два дня за «непатриотическую позицию». Однако с момента нападения Германии на Россию Милюков считает долгом каждого гражданина защищать отечество. В апреле 1917 года он по-прежнему убежден, что сепаратный мир с Германией — предательство по отношению к союзникам. Он также понимает, что такой шаг роковым образом повлияет на отношения России с Англией и Францией — а именно путем привлечения иностранного капитала Временное правительство рассчитывает впоследствии провести индустриализацию страны. Кроме того, Милюкову удается договориться с союзными державами, что в случае победы над германским милитаризмом и Турцией Россия получит доступ к Босфору и Дарданеллам, и таким образом, экономика и внешняя торговля России получат дополнительный импульс для послевоенного развития. 18 апреля министр иностранных дел Милюков подписывает свою знаменитую ноту, в которой утверждает необходимость ведения войны до победы и верности союзническому долгу. В ответ большевики организуют в Петрограде демонстрацию. Разражается апрельский кризис. Персональные обвинения против Милюкова льются потоком, и напрасно профессор Вернадский, член ЦК кадетской партии, пытается напомнить в популярной брошюре, что «Павел Николаевич Милюков — не капиталист и не помещик — в противность тому, что теперь часто приходится слышать; он — ученый, политик и писатель. У него нет ни фабрик, ни имений; у него есть только книги». Милюков уходит в отставку, с горечью заявив, что «революция сошла с рельс».

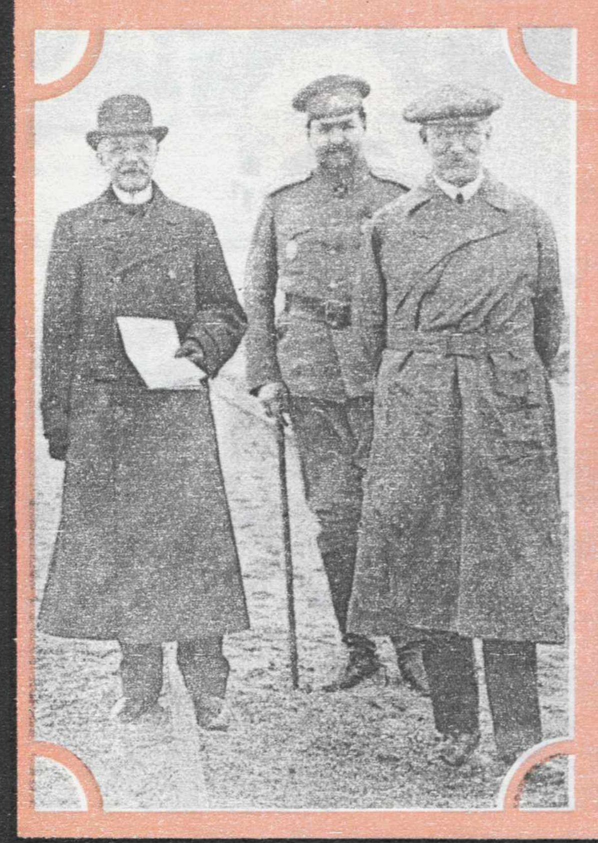

Член ЦК партии Народной Свободы, депутат I Государственной думы Владимир Дмитриевич Набоков. Териоки, лето 1906 года.

П. Н. Милюков. Франция, конец 30-х годов.

1916 год. Милюков (справа) во Франции в составе делегации Государственной думы.

Следующий удар партия кадетов получает на муниципальных выборах в мае 1917 года. Кадеты лишаются большинства в городских думах, уступая лидерство эсерам и социал-демократам. Милюков удручен нарастающим дефицитом государственной власти и тем, что страна неотвратимо приближается к роковой черте, за которой — гражданская война. В начале июня на заседании кадетского клуба Милюков выступает с анализом сложившейся ситуации. «Социалисты (...) считают, что представительство социалистических групп в органах, претендующих на власть...— своего рода монопольное право. На этой почве чрезвычайно обостряется борьба классов, борьба, которая обращается прямо к зоологическим инстинктам. Мы недавно видели у себя в Петрограде борьбу, сопровождавшую муниципальные выборы. Это не были выборы политические, стало быть, казалось, что тут нет места для такого разгула страстей, какой был. Мы видели искаженные ненавистью лица, мы слышали слова, которые благодаря пропаганде большевиков долетают и до вас... Пропаганда безошибочных демагогически-ярких лозунгов привлекает наименее организованное население столицы. Эти люди признаком принадлежности или непринадлежности к своим друзьям выставляют то, что человек носит крахмальный воротничок... Трещина дошла до деревни (...), тут тоже есть свое мерило: как в городе различают человека в воротничке и котелке, так в деревне различают человека в хороших сапогах и человека в лаптях или худой обуви. Во всей России сверху донизу прошел призрак классовой ненависти, которая переходит в ненависть соседскую — того, кто имеет меньше, к тому, кто имеет несколько больше».

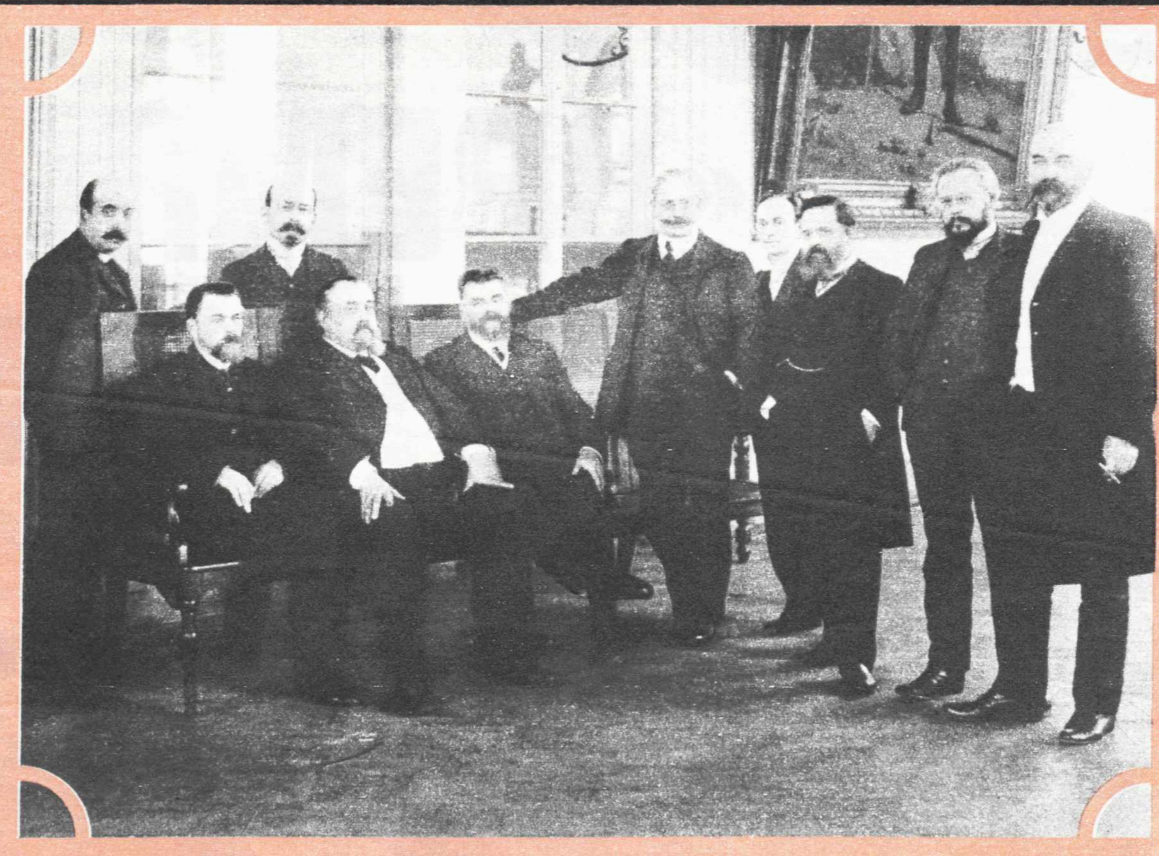
Способность Милюкова к компромиссу исчерпана. 11 июня на одном из митингов Милюкова спросили: «Что делать с Лениным и его единомышленниками?» Ответ был категоричен: «Этот вопрос мне задавали не раз, и всегда я отвечал на него одним словом — арестовать!» Милюков обвиняет большевиков в контрреволюции, в стремлении узурпировать власть, сделать революцию из всенародной партийной.

Вскоре он приходит к выводу о необходимости введения чрезвычайного положения в стране, охваченной классовым насилием; сам участвует в переговорах с Корниловым, но предотвратить захват власти большевиками ни он, ни кадетская партия, ни Временное правительство оказываются не в силах.

* * *

28 ноября 1917 года в Петрограде состоялась демонстрация горожан с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!» и с зелеными кадетскими знаменами. Демонстрация, требовавшая обеспечения основных гражданских прав, была разогнана, а партия Народной Свободы запрещена специальным декретом: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов». Отныне Милюков, как и два десятка лет назад,— вне закона.

Время эмиграции Милюкова из России точно не известно. Хотя обычно указывается 1920 год, последние архивные изыскания позволяют предполагать, что Милюков покинул Россию еще раньше — практически никакого участия в событиях гражданской войны он не принимал. С 1921 года он постоянно живет во Франции, редактирует там русскую газету «Последние новости». В 1922 году эмигранты-правомонархисты организуют на Милюкова покушение; в результате гибнет В. Д. Набоков, своим телом закрывший Милюкова от пули убийцы. С 20-х годов и до конца жизни Милюков отрицает необходимость вооруженной борьбы с большевизмом извне, уповая на демократические сдвиги внутри Советской России. Пишет книги, обращаясь к своей профессии историка, но сейчас он уже летописец той истории, в создании которой сам принимал деятельное участие. Во время войны, когда его ближайшее окружение эмигрирует в США, он остается во Франции — переезжает на юг ее, в Экс-ан-Прованс, где в условиях оккупации пишет статью в поддержку борьбы Советской Армии с фашизмом. Это требует немалого мужества, а ведь Милюкову уже 83 года... Он умер в 1943 году. И с ним умер русский либерализм начала XX века — политическое течение, пытавшееся облагородить и примирить извечные российские «власть тьмы» и «тьму власти», но потерпевшее трагическую неудачу.

Милюков среди делегатов Всероссийского съезда журналистов. 1905 год.

Автор благодарит младшего научного сотрудника ЦГАОР СССР Л. А. Наливкина за помощь в работе и ценные консультации.

Первое заседание Временного правительства, март 1917 года.
За председательским столом — Г. Е. Львов, по правую руку от него — министр юстиции А. Ф. Керенский, по левую — министр иностранных дел П. Н. Милюков.

Фотографии предоставлены Центральным государственным архивом Октябрьской революции и Центральным государственным архивом кинофотодокументов.

«ВРЕМЯ ЛОЗУНГОВ УХОДИТ...»

Рисунок Игоря СМИРНОВА

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

А. И. ВОРОБЬЕВ,
народный депутат СССР

Происшедшие в последнее время в стране погромы носят националистический характер, подготовка к ним откровенно противозаконна и подлежит пресечению в соответствии с Конституцией и уголовным кодексом любой республики. Кодекс этот либо властями не используется, либо, как это было с вылазкой в клубе литераторов 18 января, подвергается публичному издева-

Мнение выступающих под рубрикой «Свободная трибуна» может не совпадать с точкой зрения «Огонька».

тельству, когда вообще отрицаются сами факты расистских выступлений представителей общества «Память».

Открыто создаются нетерпимые условия для дальнейшего проживания в стране советских немцев, евреев. Остатки бывшего многочисленного народа нашей страны — евреев — покидают страну. Немцы, прожив в России несколько веков (их приглашали в Россию при Иване IV, Петре I, Екатерине II), нарастающим потоком устремились в ФРГ, где есть закон, что гражданином этой страны является любой немец независимо от проживания.

Кстати, многонациональным является не только наше государство. Ни в одной цивилизованной стране ее граждан не делят по «национальностям», не устраивают четкой дискриминации по этому признаку. Автор графы «национальность» (всемирно известный Джугашвили по кличке Сталин) давно на том свете, но дело его живет и процветает. Кто же цепляется в руководстве страны за наследие диктатуры? Кто лично? А если не лично, то какой орган?

Как только какой-нибудь народ начинает защищать себя от истребления, раздаются грозные окрики о недопустимости создания отрядов боевиков. Интересно, что бы осталось от людей в Закавказье, если бы они не защищали себя, раз государство не гарантирует им безопасность?

Во все времена было хорошо известно, что сам по себе народ никогда не станет уничтожать другой народ, даже если он иной веры или иного происхождения. Во все времена расизм организовывался верхними этажами власти. Если из Северного Казахстана, Омской, Павлодарской областей, Алтая поток беженцев-немцев не прекратится, то к концу года он станет необратимым. Какие-то лица с анкетным 5-м пунктом «немец» останутся, но тот народ, который в Поволжье организовал образцовое земледелие, а потом не по своей воле, в ссылке, его воспроизвел за Уралом, народ этот с лица земли исчезнет, потому что в ФРГ он окажется уже не на фермах, не на земле, а где-то на второстепенных ролях.

Многие наши немцы — в действительности голландцы — уедут даже не на свою историческую прародину, им предстоит еще изучать немецкий язык. Неужели нельзя понять, что речь идет о преступлении века? Кто его организовал, кто за него понесет ответственность? Русский народ? Нет. Только руководство страны своим бездействием, терпимостью к маневрам областного партийного аппарата, организующего якобы массовые протесты русского населения Саратовской области, которому-де некуда будет деваться, если немецкую автономию восстановят. А ведь и невдомек участникам этих митингов, что их очередной раз обманывают те, кто обворовал их на мелиоративных аферах и боится приезда культурных земледельцев, боится расследования. Невдомек им и то, что с приездом на родину исторических ее хозяев, которые за сотни лет совместной жизни с русскими ни разу с ними не ссорились, ни разу не оказались меньшими патриотами, чем русские, но принесли своей родине много добра и в сельском хозяйстве, и в науке, и в искусстве, и на поле брани, невдомек им, что придут с ними и продукты в магазины и на рынки.

Хватит земли вокруг Волги всем. Но есть вещи, которые правительство обязано сделать немедленно, если оно не хочет разделить ответственность со Сталиным за преступление против советских немцев.

Немцы должны быть полностью реабилитированы с возвращением им отобранных прав. Выселенные из европейской части страны должны, как и все другие реабилитированные, иметь возможность вернуться на свое старое место проживания, где им должна быть предоставлена площадь. Все немцы Поволжья заслуживают право самим решить вопрос о возвращении в свою старую автономию. И если они этого хотят (а здесь право решающего голоса принадлежит только им, а не секретарям обкомов), то необходимо в согласии с ранее арестованным народом на паритетном представительстве создать многостороннюю комиссию — из выбранных народом представителей немцев, из представителей народных депутатов, прежде всего от Саратовской области. Вся работа такой комиссии должна быть гласной, ее решения нужно регулярно публиковать в центральных газетах. Всем немцам, работавшим в ссылке, в трудовой армии во время войны, положено выдать медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» — вопрос этот носит безусловно принципиальный характер. В местах массового проживания немцев — по их желанию — немедленно надо приступить к открытию немецких школ (пусть этот вопрос решить сразу нельзя, но немцы должны знать, что никто не смеет мешать им вести преподавание на их родном языке). Нужно выделить квоту в ряде вузов страны для приема немцев. Никто не просит устраивать облегченных экзаменов, но места в вузах в течение нескольких лет надо предоставить тому народу, который когда-то был украшением отечественной культуры, но потом в течение полувека был от этой культуры преступно отлучен.

Понятно всем, что быстро проблема восстановления автономной республики для 2-миллионного народа немцев решена не будет. Но если вся работа по ее воссозданию будет проходить гласно, если народ будет знать, что в недалеком будущем он станет хозяином своей судьбы на своей земле, да еще в условиях возрождающейся демократии в стране, восстановления крестьянства,— прекратится массовая эмиграция в ФРГ.

Ну и нам есть о чем подумать. Сейчас стремительно растет в мире вес Федеративной Республики Германии, немецкая наука вновь выходит на передовые рубежи, которые она занимала до Гитлера. Снова в наших школах немецкий язык займет свое место, будут восстановлены широкие контакты наук двух народов — советского и немецкого. Очень тесное сотрудничество было когда-то между грузинами и немцами, эстонцами и немцами, не говоря уже о русских, украинцах... Восстанавливать справедливость никогда не поздно. Но если не сейчас, то русские немцы для нас будут потеряны навсегда. И будут в нашей истории в примечаниях расшифровываться имена Тизенгаузен, Михельсон, Рихтер, Берг, Энгельгардт, Шмидт, Бенигсен, Дервиз (фон Дервиз), Фонвизин (фон Визин), Нейгауз...

У каждого народа есть свои национальные достоинства и, вероятно, недостатки. Так уж сложилась история славян и появившейся от них молодой нации — русских,— что они активно смешивались с соседями и родили сильный, здоровый, инициативный народ. Не каждый народ может похвастать страницами своей истории, когда его звали на помощь, когда его приглашали поселиться рядом для защиты от других соседей. Именно такие страницы написал в истории своей страны гениальный русский царь Борис Годунов, по просьбе местных князей присоединивший к Руси Сибирь (Иван IV и Ермак — это неудачная попытка завоевания Сибири, а Борис — бескровное присоединение и мирное сосуществование многих народов на протяжении столетий). А добровольное присоединение Грузии и Армении! Но ведь все это имело свою и более древнюю предысторию — войны и объединения с кочевниками во имя сохранения нации, ее религии. Ради этой цели Александр Невский стал названым сыном Батыя. Прошли века, и наступила прочная дружба русских и татар. Примесью татарской крови гордилась русская аристократия. Были в политике России и вполне колониальные страницы, как у всех, но светлых у нас никто не отнимет, хотя предпринято много усилий по «исправлению нашего прошлого».

И вот у народа-интернационалиста родилась анкета, где центральное место принадлежит то социальному происхождению, то участию в оппозиции, то пребыванию на оккупированной территории, а затем национальности его и его родственников. А кто, какая власть, какие пробы крови могут определить национальность человека? Ведь только он сам, его самосознание. Глубокий научный анализ этого положения принадлежит нашему великому современнику, сидевшему (за «происхождение») и воевавшему, и снова сидевшему, с хорошей татарской примесью на лице, исторической энциклопедией в голове и в книгах, писателю и философу, почему-то недобитому,— Льву Николаевичу Гумилеву. За попытку приписать кому-то «национальность» (допустим, чернокожему в США сказать, что он негр) в цивилизованных странах привлекают к суду. А у нас, оказывается, можно и через 70 лет после революции бросать лозунг «Бей жидов, спасай Россию!», которого чурались даже махровые реакционеры. Неужели кто-то всерьез поверит, что безо всякого покровительства самых верхних эшелонов власти наши бездарные писатели осмелились выступать с расистскими призывами? Да они без разрешения начальства пикнуть не смели, а тут — какая самостоятельность мышления, какая глубина, сколько заботы о своем народе! А ведь на горизонте — вполне реальный лозунг: «Инородцы и коммунисты, выходи на расстрел!».

Национальные беды, конечно, не исчерпываются положением с советскими немцами, советскими евреями и армянами, которое должно быть исправлено немедленно. По крайней мере руководство страны должно недвусмысленно высказаться, дать понять на деле всему нашему народу, есть ли у каждого человека за спиной закон или его судьбой, судьбой его народа вольны распоряжаться разнообразные темные силы бандитского толка. Подлежит отмене любой закон любой республики, если он признает за кем-либо право на дискриминацию по национальному признаку. Это совсем не значит, что следует не признавать права на суверенитет Прибалтийских или других республик. Но русские должны помнить, что татары в Москве такое же коренное население, как и они. Литовцы не должны забывать, что поляки не менее коренные жители Литвы, чем они. Корейцы в Казахстане должны располагать теми же правами, что и казахи. И если негры в США могут быть мэрами городов, то наши «инородцы» должны быть по крайней мере уверены в том, что имеют право создавать свои театры, учить детей на своем родном языке, что никто не смеет оскорблять их, запрещать выбор места учебы или работы по причине существования государства, где этот народ представлен большинством населения. Каждый человек должен быть уверен, что, если какому-нибудь маньяку вновь пришла в голову мысль переписывать инородцев в городе для подготовки погрома (а с турками в Фергане, армянами в Баку это было и кончилось резней; с евреями в Москве и Ленинграде это происходит сейчас и чем кончится — никто не знает), то подобные противозаконные действия впредь будут в своем зародыше пресекаться в соответствии со статьями Уголовного кодекса.

Непоправимые дела творим мы в национальной политике: ничего не знаем, не помним, ничему не учились. Это мы ввозим дешевую рабочую силу из Вьетнама, а квалифицированную свою сбываем (выживаем) за рубеж. Кто-то догадался пригласить на Дальний Восток китайских земледельцев, а что же делать в это время в Средней Азии безработной молодежи? За сотни лет до нас люди пробовали ввозить чернорабочих из слаборазвитых стран. Потом они дорого оплачивали свою погоню за дешевизной. Может быть, Вьетнам и заинтересован в вывозе своей молодежи, может быть, с нашей стороны эта иммиграция скорее является гуманным актом помощи дружественной стране. Но если у нас своя безработица, можно ли такой вопрос решать за закрытыми дверьми? Мы все время латаем сиюминутные дыры. Никто не имеет ничего против Китая, но он может и сам разобраться со своими крестьянами.

За последний год бегство из СССР (эмиграция), как это видно из интервью начальника управления виз, разрешений и паспортной работы МВД СССР Р. Кузнецова, более чем утроилось в Израиль, почти удвоилось в ФРГ, почти в пять раз возросло в Грецию. В определенной мере за пределами этих цифр остались армяне, которые бегут не только из Азербайджана, но и из Армении, бегут, помимо США, в Южную Америку, Австралию. «По моему мнению, сам факт эмиграции нормален — это реализация права человека на свободный выбор места жительства, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека еще в 1948 г. ...» (из интервью Р. Кузнецова). Но ведь уезжают хорошие головы, хорошие руки, те самые, которые обеспечивали тем больший прирост народного богатства, чем выше была их квалификация. Почему наших эмигрантов охотно принимают за границей? Их, как правило, берут на менее квалифицированные работы, чем на родине, на меньшую зарплату, чем своих. Очень, очень мало кому удается там сделать карьеру. Зачем же покидают они дома, квартиры, близких, могилы предков? Значит, стало невмоготу. Нельзя обвинять сотни тысяч людей в непатриотизме. Чушь это.

И вот возникает вопрос: кто же за все это ответит? Да никто не ответит. Как никто не ответил за уничтожение Арала и гигантских площадей отравленной и засоленной земли, за опустынивание в России, за... Список этот слишком длинен, всем известен, вызывает у людей теперь уже скорее досаду, чем возмущение.

Ну тогда другой вопрос: кто исправит? Тут все ясно: только мы сами. Должен срочно проснуться от летаргии Совет Национальностей Верховного Совета СССР: он проспал резню в Азербайджане, ему и спрашивать с тех, кто отвечает за национальную безопасность. Только давайте без дураков: не надо обвинять безымянных армян, что будто бы они сами себя резали, или первыми начали, или сами бросались из окон, сами заблокировали железную дорогу (как это утверждал один гражданин на предпоследнем Съезде народных депутатов). Не надо опять разводить руками: дескать, опоздали немного. Тут все ясно: как и раньше, опоздали не случайно. Дело серьезное. Было бы целесообразно созвать Съезд народных депутатов только по национальному вопросу, предложить желающим заранее прислать свои предложе-

ния, заранее их опубликовать, потом систематизировать, а на Съезде, не занимаясь реченесением, обсуждать конкретные предложения, принимать их, выбрав предварительно дееспособную редакционную комиссию.

И последнее. Пока мы возмущаемся, Армения находится в настоящей осаде: прекращено строительство разрушенных землетрясением домов, нет топлива, плохо с питанием. Ну, если нам не стыдно все это терпеть, то ведь армяне принадлежат не только нашей стране, они дети всей земли. Разве люди разучились наводить воздушные мосты? Разве человеческая порядочность реализуется только через министерства иностранных дел, правительства? То, что происходит в Армении,— не «внутреннее дело СССР», а всемирная беда. Мир людской должен, наконец, заявить, что он больше геноцида не допустит и не позволит считать право на суверенитет правом на суверенный национальный террор. Хватит с нас памятников жертвам Бабьего Яра, Треблинки, резни армян в 1915 г.

Социальные корни «отечественного» расизма остаются теми же, что и в других странах. Но сейчас основная задача реакционеров нашей страны — завалить внутреннюю политику нового руководства. Если прольется много крови, начнутся бунты, понадобится диктатор — и все опять к старому: бездарные холуи вернутся к своим кормушкам, к своим аферам. Объяснять им, что время диктатуры в нашей стране ушло, бесполезно. Мозг этих людей здравого смысла не принимает. Им не растолкуешь, что диктатор Джугашвили имел за спиной огромный класс крестьян, богатые, хорошо обрабатываемые земли, традиционный вывоз зерна за рубеж, запасы полезных ископаемых под носом, а не в тундре. Он мог себе позволить террор, хотя и быстро приведший к сокращению продукции как в деревне, так и в промышленности. Но сейчас-то где резервы? Допустим, пришел диктатор. Чем он будет кормить народ? Республики разбегутся: кто направо, под зеленое знамя, кто налево, к западным социалистам. У соседей сразу прорежутся зубы, если страна начнет разваливаться. Нет, диктатура, даже самая либеральная, но основанная на беззаконии, страну уничтожит в кратчайший срок.

Позиции противостоящих сторон в партии становятся все яснее. Поборники сталинизма бросают последний козырь — русский национализм. Но его в народе нет, и вот делается попытка внушить русским идею отделения, представить дело так, будто русский народ объедали республики, другие народы или их представители на рынках и в кооперативах, а не тот многомиллионный межнациональный малограмотный аппарат, на котором кучка руководителей строила свое благополучие.

Каждый русский должен знать **лично**, что его в погромщики насильно никто не гонит и если наши с бритыми затылками облапошенные мальцы хоть чуточку задумаются и не позволят себя втянуть в братоубийство, тогда ни Ферганы, ни Душанбе, ни Баку в Ленинграде и в Москве не получится. В стране восторжествуют порядок и закон, саботаж аппарата захлебнется, и мы себя обеспечим продуктами и товарами.

Время лозунгов уходит, надо принимать новые законы.

Расул ГАМЗАТОВ

* * *

«Великий боже, окажи мне честь,
Скажи,
А много ль праведников есть
Среди покойных, что погребены
В подножье красной стрельчатой стены?»

«И там,—
ответ был,— праведники есть,
Но можно их по пальцам перечесть».

Подумал я:
«Покину мир когда,
Найду приют на кладбище в Цада.
И праведников круг меня приемлет.
И горная гряда,
Венчая окоем,
Пребудет в изголовии моем».

* * *

Когда бы я Корану был обучен
И приобщен к молитвам мусульман,
Лицо к нагорным обращая кручам,
Тебе бы я молился, Дагестан.

Но возле Эмиратских минаретов,
Где путь прервал верблюжий караван,
Велением любви, а не заветов
Я за тебя молился, Дагестан.

Четверку белых лошадей окинув
И слушая притихший океан,
В лучах заката,
в стане бедуинов,
Я за тебя молился, Дагестан.

И видел я, но не с колен намаза,
Как вновь забрезжил несказанный свет,
И, проходя по лезвию Кавказа,
На равных с небом говорил поэт.

Был за грехи ничуть не преуменьшен
Его земной пожизненный удел —
Обожествлять в стихах одну из женщин
И чтить, как рай, отеческий предел.

САН-МАРИНО

Угодив в объятья горных склонов,
Где полно лазури и кармина,
Я дорогой римских легионов
Прибыл в государство Сан-Марино.

На гербе не лев и не волчица,
А трех перьев яркое обличье,
Из которых каждое годится,
Чтоб представить миру Беатриче.

А на пьедесталах — не владыки,
Не в лихих доспехах генералы,
Матерей божественные лики
Здесь вознесены на пьедесталы.

Сан-Марино — горная Венера,
Что всегда достойна звездной свиты.
Двадцать два ее карабинера,
Двадцать две высоких синьориты.

Бонапарт, что захватил полмира,
Осадив коня у виадука,
Сдался в плен при виде Сан-Марино,
И амур сразил его из лука.

Я и сам — поклонник женщин милых —
Под сквозным шатром ультрамарина.
Нынче, очарованный,
не в силах
Взгляда отвести от Сан-Марино.

Розы расцветают у порогов,
Тянет с моря запахом арбузов.
Нет ни КГБ здесь, ни налогов,
Тюрем и писательских союзов.

И в родных горах, чьи круче скаты,
Пожелать имеется причина
Всем меня избравшим в депутаты
Магазинных полок Сан-Марино.

Дагестан мой!
Мне сегодня снилось,
Что свободно с небом воедино
На твоей ладони уместилась
Вся страна, чье имя Сан-Марино.

АМУЗГИНЦЫ

Ты нынче, амузгинское селенье,
Похоже на подранка журавля,
Чернеют очагов твоих каменья,
И одичала скудная земля.

И два-три дома,
словно в целом свете
Они одни под сенью облаков,
Печально льнут к разрушенной мечети,
Чей возраст старше десяти веков.

И покосился памятников камень,
Все оплела забвения трава,
И превратился в прах под нею пламень
Сверкавшего над горном мастерства.

Ушли творцы прославленных булатов,
Клинков, чья суть, как истина, гола,
И унесли, как будто в землю спрятав,
Потомственную тайну ремесла.

Наполеону персы подарили
Клинок Тимура, но велик Восток,
И знатоки, взглянув, установили,
Что это амузгинский был клинок.

И там, где в небе вздыбленные глыбы,
Как лошадей взметенных косяки,
Имам Шамиль и все его наибы
Носили амузгинские клинки.

Царь почитал пред мужеством заслуги,
И грозный пленник, по горам в тоске,
Не потому ль Шамиль, живя в Калуге,
Всегда при амузгинском был клинке?

Искусством оружейников немало
Весь белый свет ты удивлял, Кавказ.
И сабля амузгинская предстала
Мне в лондонском музее как-то раз.

Я слышал о судьбе ее два сказа,
Один о том, как некий из князей
Бежал сюда и за булат Кавказа
Сто тысяч заплатил ему музей.

Был сказ другой не менее реален,
Границ Европы разрешив вопрос,
Под небом Ялты эту саблю Сталин
Британскому премьеру преподнес.

Но вздрогнула даргинская вершина,
Когда решили бравые мозги
Переселить на плоскость до едина
Всех жителей аула Амузги.

И мастерства великого не стало,
Которое в минувшие века
Геройские легенды умещало
На благородном лезвии клинка.

И златокузнецов аул соседний —
Склонил свою папаху Кубачи,
Он провожал, как будто в путь последний,
Тех, кто ковал и сабли, и мечи.

И понял, что теперь уже не нужно,
Как прежде, ладить около луны
Ему для амузгинского оружья
На целый мир хваленые ножны.

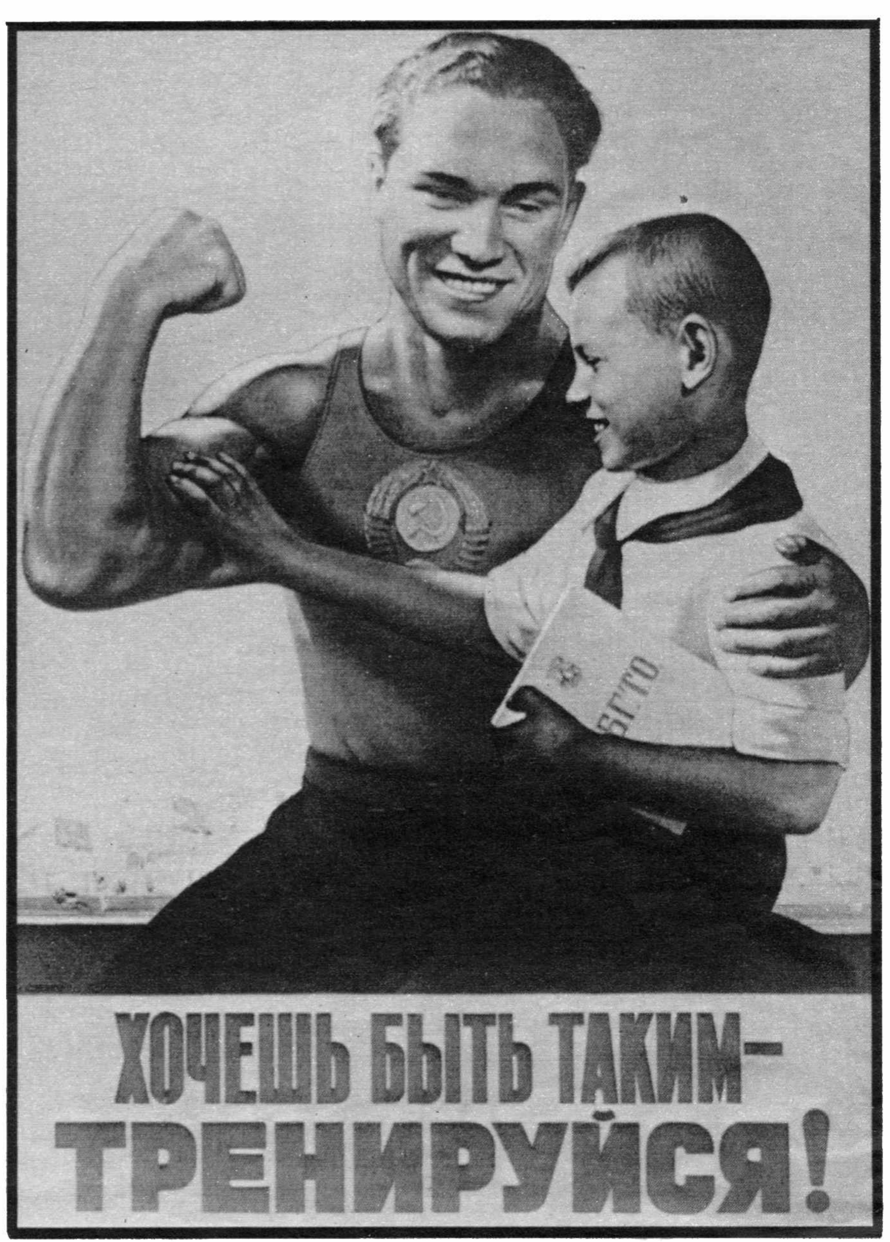
И в Амузги пред временем не скроешь
С обидной очевидностью того,
Что нет среди утраченных сокровищ
Сокровища ценней, чем мастерство.

Перевел с аварского Яков КОЗЛОВСКИЙ.

ОГОНЁК
ЛЕНИН
ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК
Наша Родина прекрасна
И цветет, как маков цвет.
Окромя явлений счастья,
Никаких явлений нет!

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ РЕТРОВЕРНИСАЖ

. . . .

И всем доступен, как родник,
Во всей стране один язык.
Он в сердце каждого проник —
Язык большевиков счастливый.

. . . .

Вот новых фабрик корпуса,
Грядущих городов леса,
Заводов новых голоса
И смех строителей счастливый.

. . . .

Сулейман Стальский.
«Думы о Родине».
1937 г.

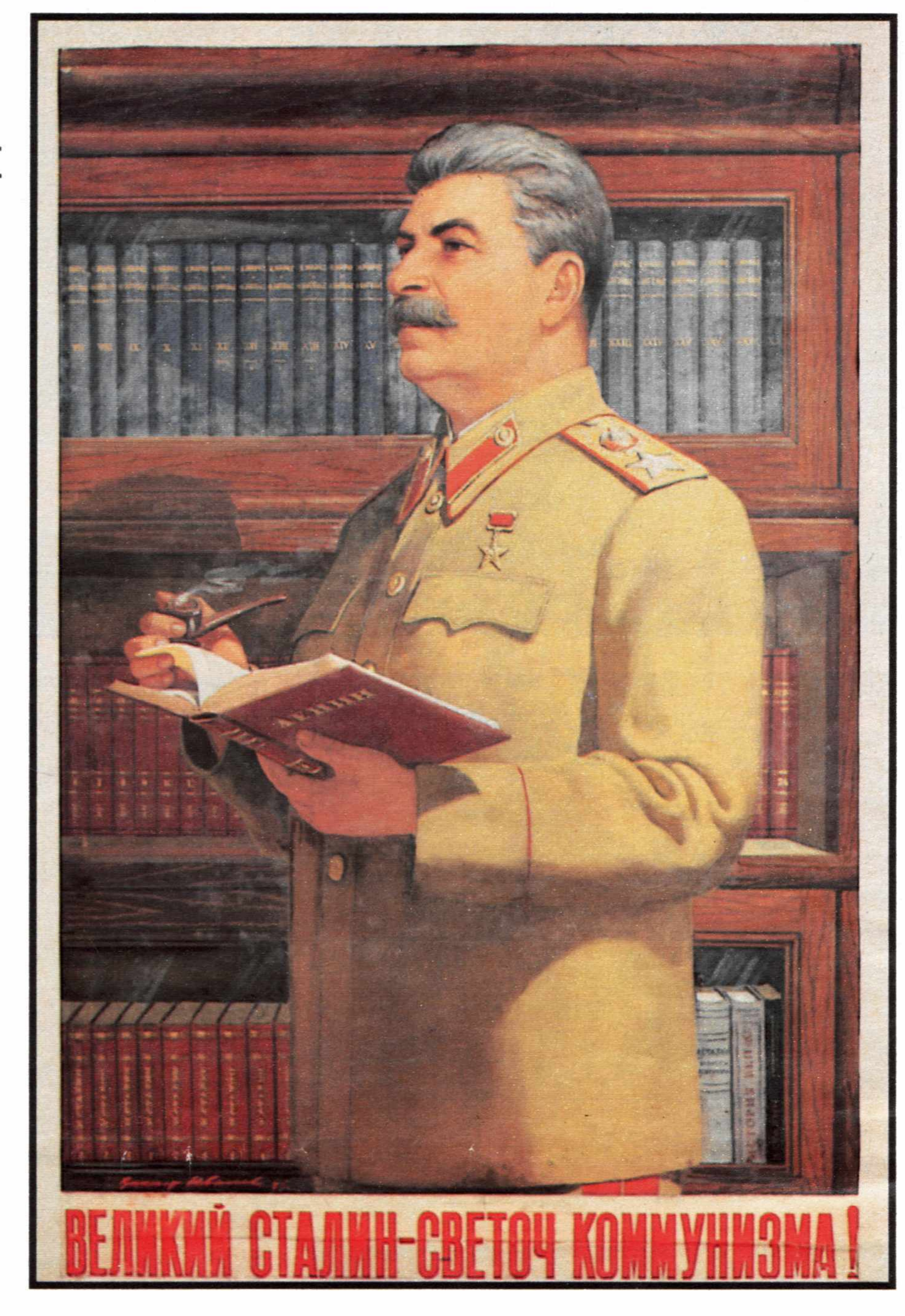

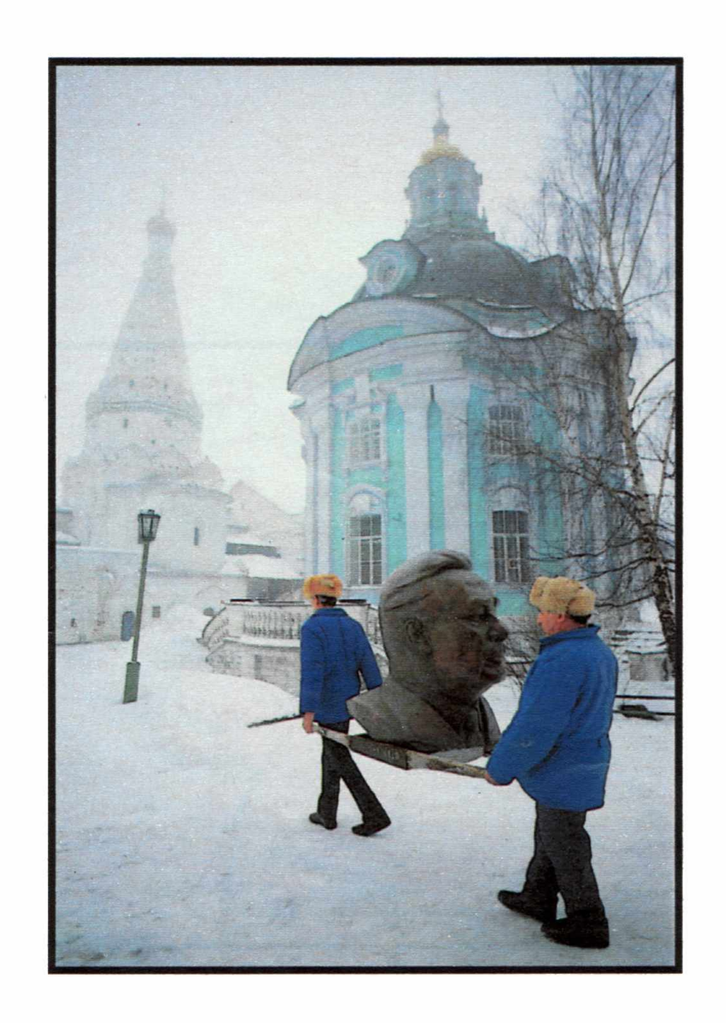
БУДЬ НА ЧЕКУ.
В ТАКИЕ ДНИ
ПОДСЛУШИВАЮТ СТЕНЫ.
НЕДАЛЕКО ОТ БОЛТОВНИ
И СПЛЕТНИ
ДО ИЗМЕНЫ.

НЕ БОЛТАЙ!

Сталин-солнце! Живи, нам на счастье, в Кремле.
Мы несем тебе — песни, сердца и цветы.
Нет на всей неоглядной планете — Земле
Человека, нужнее народу, чем ты.

Джамбул. «Песня о Сталине».
1936 г.

Дорогие читатели!

Редакция журнала «Огонек» поздравляет вас с общенародным праздником 1 Апреля! Надеемся, праздничный номер придется по вкусу старым подписчикам «Огонька», верным друзьям «Нашего современника», «Молодой гвардии» и всем тем, кому дороги славные сталинско-брежневские традиции нашего общества. Да здравствует 1 Апреля, самое первое апреля в решающем году перестройки! Кстати, наш журнал был основан именно в этот день...

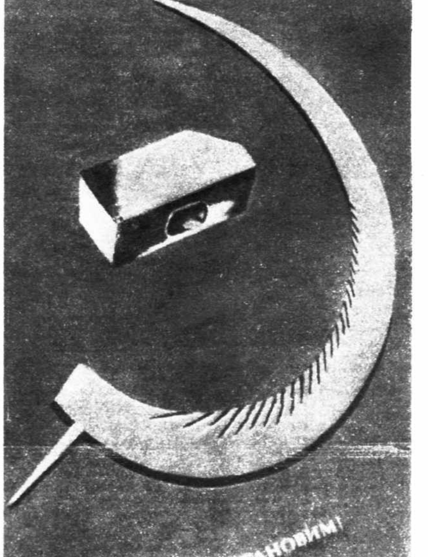
■

На днях попался мне на глаза плакат Т. В. Артемьевой (г. Москва) «Восстановим», на котором изображены серп и молот без рукояток. Говорят, что этот плакат демонстрировался на конкурсе «Перестройка и мы». Но дело все в том, что весь мир жнет серпом «к себе», автор предлагает жать «от себя», так как насечка на нем изображена наоборот.

Некоторые авторы идут еще дальше. Например, в журнале «Здоровье» № 1 за 1987 год изображена коза с четырьмя, извините, титьками.

И вот с такими представлениями мы еще пытаемся выдавать «советы» нашему мужику.

Н. НЕДОРЕЗОВ,
конструктор
Северодвинск

■

Требую считать мое письмо в «Огонек» обращением к ЦК КПСС, Верховному Совету СССР и всем честным людям Земли.

До каких пор Коротич и его шайкалейка будут пользоваться вседозволенностью, печатать всяких матерщинников, вроде так называемых писателей, таких, как Войнович, Добровольский, Аксенов, Лимонов?! Рука не слушается мне написать те слова, какими они пользуются в своих «произведениях». Самое мягкое там слово «жопа». Я прожил большую трудную жизнь, сорок лет из которой отдал службе в рядах доблестной армии, но никогда таких слов не слышал. На каких же примерах мы хотим воспитывать наше молодое поколение?

И. П. ЗАГОРУЙКО,
подполковник в отставке

■

А куда, кому светит иногда «Огонек»? На социализм или от социализма? Что получают люди от «Огонька» на бумаге?

Понимает ли редакция, кому и как он светит? Какой свет дает людям на перестройке? И самой перестройке? Как зажигает ваш «Огонек» энтузиазм, патриотизм? На сколько «процентов» духа поднял производительность труда? И т. д. и т. п.

На днях прочитал в ряде «Огоньков» воспоминания Н. С. Хрущева и пришел в удивление: кому верить? Ранее «АиФ» писала, что Хрущев только собирался их писать, ибо по своему уму он не способен их написать, и т. д. Судя по содержанию материала и знания кой-чего из его жизни, видишь и делаешь заключения, что это сплошная ложь, писали ради гонорара. Надо спросить себя: какую пользу могут принести эти изречения Хрущева? Почему вам, «Огоньку», не сказать всю правду о Хрущеве, о его вреде делу социализма?

Подумайте сами над этими вопросами.

Р. ЗОЗУЛИН
Дубки Московской обл.

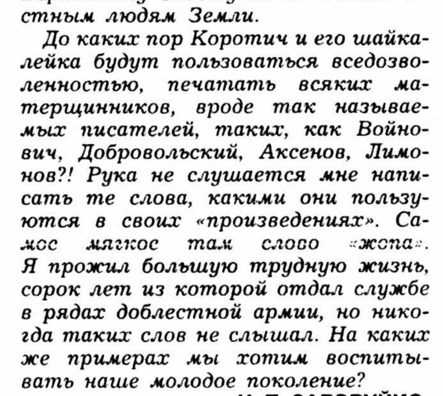
■

Сообщаем, что в ночь с 1 на 2 января т. г. на территории Левобережного района г. Воронежа задержан гражданин Б., производивший выстрелы из малокалиберной винтовки по окнам жилого дома. Он был доставлен в дежурную часть Левобережного РОВД и помещен в комнату для задержанных, где вел себя вызывающе, выражался нецензурной бранью, высказывал угрозы, стучал в дверь. В связи с чем к нему применялась мягкая вязка.

■

В коллективе мартеновского цеха завода был выдвинут кандидатом в горсовет электромонтер. В прошлом у него три судимости, последняя — за тяжкое преступление. В общей сложности он провел в местах лишения свободы около 20 лет. Конечно, это не могло не сказаться на его характере, манерах поведения и т. д. Однако его честное отношение к работе, а главное, непримиримость к проявлениям социальной несправедливости снискали ему авторитет, который и предопределил выдвижение его кандидатом в горсовет.

В. КУЧУМОВ
Пермская область.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ «ЗАГРАНИТЦА КРОНИКЛ» ВСТРЕТИЛСЯ С СЕКРЕТАРЕМ ЦК ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ Н. А. ДРЕЕВОЙ И ЗАДАЛ ЕЙ ЦЕЛЫЙ РЯД ВОПРОСОВ.

КОРР.: — Госпожа Древа, прибыв в Москву, я был приятно поражен чистотой, порядком, отсутствием очередей, обилием продуктов в магазинах. Как вам удалось достичь этого до 2000 года?

— Прежде всего благодаря решительным мерам, предпринятым здоровой частью партии после 1 апреля 1990 года. Тогда на помощь нам пришли в порядке выполнения интернационального долга войска дружественных держав Юго-Востока. Произошло очищение столицы от нетрудовых элементов. Сейчас население Москвы составляют в основном те, кого еще недавно презрительно именовали «лимитой»,— носители подлинно пролетарского сознания. Они по праву заняли квартиры тех, кто выкрикивал провокационные лозунги на разного рода митингах и демонстрациях. Проблема же очередей была решена Указом Особой тройки Верховного Совета СССР «О сборищах на улицах и в местах общественного пользования», согласно которому запрещено собираться в количестве более трех человек. Чище, краше стала наша Москва!

КОРР.: — Среди журналистских кругов Запада ходят слухи о переименовании столицы...

— Я ничего об этом не знаю. Хотя процесс возвращения городам их подлинно социалистических имен продолжается. Снова появились на карте страны Сталинград, Жданов, Брежнев, Калинин, Ворошиловград, Молотов... Андропову торжественно возвращено настоящее название — Щербаков. По многочисленным просьбам трудящихся Украины город Киев переименован в местечко Кагановичи. А недавно получили замечательный трудовой подарок наши друзья из Юго-Восточной Азии: в честь 110-летия со дня рождения вождя вьетнамского народа столица Белоруссии Минск стала Хошиминском. В перспективе — увековечение памяти и других лидеров стран народной демократии...

КОРР.: — Не найдется ли на вашей карте места, чтобы увековечить имя народного вождя Африки — императора Бокассы Первого?

— Это имя дорого всем людям доброй воли. Я думаю, трудящиеся Рязанской области пойдут вам навстречу. Это будет торжеством подлинного интернационализма.

КОРР.: — Правда ли, что аятолла...

— Неправда!

КОРР.: — Пардон. Я хотел спросить о якобы миллионах так называемых «узников совести», которые, по выражению империалистической прессы, «томятся» в тюрьмах и лагерях...

— В СССР не было, нет и никогда не будет политических заключенных. Вы знаете, что пресловутая «перестройка» признана уголовным деянием против основ марксизма-ленинизма. На самом деле огромные массы трудового народа в порыве творческого энтузиазма устремились на новостройки Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера — таково было требование времени. Коренное население бывших республик Прибалтики, например, взяло социалистические обязательства освоить природные богатства полуострова Таймыр. Крымским татарам полюбился остров Северная Земля, армяне выразили желание жить и работать на Колыме — так, кстати, была снята высосанная из пальца проблема Нагорного Карабаха... Верно, не все и не сразу включились в этот трудовой порыв. Кое-кого пришлось хорошенько попросить. Что ж, революцию не делают в белых перчатках!

КОРР.: — Но ведь не станете же вы отрицать, что именно воскресные порки членов неформальных обществ на Красной площади послужили поводом для исключения СССР из Организации Объединенных Наций...

— Мы не признаем решений этого якобы «мирового правительства». У нас есть чем ответить на этот провокационный демарш. Мы чувствуем поддержку всего прогрессивного человечества. Достаточно вспомнить, с каким восторгом восприняли трудящиеся Афганистана возвращение ограниченного контингента советских войск. Клевете врагов, подхватываемой доморощенными диссидентами, мы противопоставляем подлинно социалистическую информацию, очищенную от каких бы то ни было инсинуаций и диффамаций...

КОРР.: — В годы перестройщины вы, госпожа Древа, сами явились жертвой клеветы и оскорблений. Как вам удалось перенести это? И что теперь ваши враги?

**Д. НАЛБАНДЯН.
Созидание во имя мира.
XXVI съезд партии.
1981.**

Немало времени прошло со дня открытия XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза, но ощущение озарения, подъема, грандиозности увиденных и глубоко прочувствованных мною событий не покидает душу. Никогда не забуду состояние радости и гордости, которое испытал в солнечное утро 23 февраля 1981 года, когда вместе с делегатами и гостями съезда шел по гулкой брусчатке Красной площади — главной площади нашей великой Родины.

...Трудно передать словами то ощущение счастья, которое наполняло мое сердце, когда я занял свое гостевое место во втором ряду партера Кремлевского Дворца съездов, что помогло мне рисовать с натуры многие эпизоды работы форума, портреты выступавших делегатов... Торжественная тишина ожидания на миг охватила огромный, поистине необъятный зал... И вдруг гром оваций сотряс дворец, когда все в едином порыве встали, чтобы приветствовать появление в президиуме съезда членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичом Брежневым и гостей съезда.

Помню состояние, которое я испытал, слушая замечательное выступление верного продолжателя дела Ленина товарища Л. И. Брежнева. Будто широкие горизонты открылись всем. Перед каждым из советских людей встала конкретная, ясно очерченная задача. И я, как художник, ясно ощутил поставленную перед нами, представителями искусства, высокую цель...

Прослушав доклад и на другой день тщательно перечитав его в газете, я нашел в нем цитату, которая как бы озарила передо мною тему, сюжет моей будущей картины...

...Задача была сложной, потому что каждый из дней работы съезда был поистине сама история, и я с какой-то особой силой и ясностью чувствовал, что являюсь свидетелем событий незабываемых.

Все дни съезда я рисовал с натуры, делал наброски, и наконец настал момент, который помог мне решить композицию картины.

На одном из заседаний съезда я стал свидетелем мгновения, которое дало мне лейтмотив будущего полотна — тему братства, мира, дружбы между народами земли.

Леонид Ильич Брежнев, проходя на свое место в президиуме, остановился и горячо приветствовал иностранных гостей. Они отвечали аплодисментами. Потом Брежнев подошел к Фиделю Кастро, дружески обнял его и крепко пожал ему руку. Их окружали члены Политбюро ЦК КПСС, руководители братских компартий социалистических стран, гости съезда... Овации зала долго не умолкали, все в едином порыве радушно приветствовали это символическое рукопожатие.

Это была страница истории восьмидесятых годов нашего бурного, насыщенного событиями XX века, века, когда миллионы и миллионы людей поднялись на борьбу за свою свободу, независимость и прогресс...

**Дмитрий НАЛБАНДЯН,
Герой Социалистического Труда
«Огонек» № 50, 1981.**

— Да, после публикации моей программы мне пришлось нелегко. Поддержал трудовой коллектив. Студенты стали сильнее учить биохимию, и теперь наши биохимики — лучшие в мире. А когда становилось особенно трудно, я ехала в небольшой грузинский городок Гори и шла к самому близкому, самому родному на земле человеку. И там, любуясь его единственной тогда в стране статуей, трогая его личные вещи, я получала ответы на все вопросы, укрепляла свои принципы. Спи спокойно, великий вождь! Мы рассчитались с твоими клеветниками. Честным трудом искупают они вину перед тобой и народом, поворачивая вспять реки, создавая все новые и новые моря... А я лично всех простила. Остальное — дело суда, вернее Особого Совещания. Горе-писака и лжеморяк Кон-Викторецкий, например, признался в том, что готовился угнать дизельэлектроход «Капитан Лебядкин» в Швецию. Ненадолго хватило его пресловутой «морской закалки» на земляных работах! Мы все должны нести ответственность за то, что говорим и пишем. «Философ» Курий Юрякин уже десятый год «философствует» на лесоповале. Лично к нему я претензий не имею, но оскорблять память Андрея Александровича Жданова ленинградцы не позволят никому! Кстати, сразу же хочу отмести нелепую клевету, распространяемую журналом «Штерн», что я якобы лично пытала печальной памяти этого... короля желтой прессы. Какой вздор! Всем известно, что его до смерти залечила пресловутая Джина.

Вот нас еще обвиняют, что закрыты многие газеты и журналы. А что еще остается делать в условиях хозрасчета, если число подписчиков резко сократилось? Подписные квитанции, кстати, в период оздоровления общества сослужили хорошую службу нашим замечательным органам, этим своеобразным наследникам Дзержинского: преступник получал очередной номер «Огонька» вместе с повесткой. Впрочем, любителям почитать нынче грех жаловаться: журналы «Молодой современник» и «Наша гвардия» раздаются населению бесплатно, по одному на каждого члена семьи...

Опережая ваш следующий вопрос, скажу, что Уральская партизанская республика, возглавляемая бывшим коммунистом Борисециным, представляет собой несколько мелких бандитских формирований, и смешно говорить, что они будто бы контролируют всю Свердловскую область и завод «Уралмаш» выпускает для них орудия и танки. Скоро наша доблестная конница без труда разобьет остатки этих банд.

КОРР.: — Наверное, введение дополнительных вооруженных сил в страны Восточной Европы потребовало немало усилий?

— Да, потому что тогдашние руководители поставили оборонное могущество Родины на грань развала. Дошло уже до разговоров о «профессиональной» армии, хотя в новой Конституции записано: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Да, не удивляйтесь, в качестве Конституции у нас используются песни на слова Лебедева-Кумача. Мы вернулись к давнему историческому опыту — рекрутскому набору и увеличению срока службы до 25 лет. Чем не профессионалы? Хорошую школу проходят в армии молодые, огражденные от рока и брейка. Весь срок службы они поют хором строевые и народные песни, что позволяет им вернуться к гражданской жизни зрелыми мужчинами, с окрепшим мировоззрением.

КОРР.: — Госпожа Древа, те немногие капиталистические журналисты, которым посчастливилось побывать в вашей стране, задаются одним и тем же вопросом: куда исчезли евреи?

— Над этим вопросом сейчас работает специальная комиссия Академии наук. Большинство ученых склоняются к мнению, что в течение последних десяти лет шла бурная, ускоренная ассимиляция.

КОРР.: — Еще в этих же кругах муссируются слухи о том, что Василий Васильевич Митриев в свое время возглавлял общество «Память»...

— Нам не привыкать к клевете западных «жареных» «уток». О Леониде Ильиче тоже говорили в свое время, что он якобы не сам писал свои книги. Никакого общества «Память» никогда не существовало. Были провокационные домыслы воспользовавшейся вседозволенностью прессы. И были подлинные патриоты. Они и спасли Отечество от анархии и распада.

КОРР.: — Госпожа Древа, но все-таки аятолла...

— Клевета! Заявляю это как член Комитета советских женщин!

КОРР.: — Скажите, госпожа Древа, как вам, женщине, удается вести такую бурную общественную деятельность? Должно быть, ваш рабочий день загружен до предела?

— Мне кажется, никто с такой силой и убедительностью не рассказал обо мне, как Генеральный писатель СССР Юлий Бендеров в своем замечательном романе «Мать Советской России». А вообще вы правы. Вот сегодня, например, после нашей беседы мне необходимо присутствовать на открытии памятника генералу-мученику Щелокову, сделать доклад на традиционных Рашидовских чтениях. А вечером в культурной жизни всей страны настоящий праздник: премьера «Ромео и Джульетты» в объединенном МХАТе с Даней Торониной в главной роли.

Хорошо еще, что иностранных посольств у нас поубавилось, а то приемы совсем замучили... Ах да, еще нужно успеть в мечеть к вечернему намазу...

КОРР.: — Как же вы все успеваете? Ведь автомобильный транспорт у вас давно прекратил существование из-за истощения запасов нефти!

— К счастью, здесь, в бункере № 1, у нас все под боком... Аллах акбар!

КОРР.: — Воистину акбар...

Записал Михаил УСПЕНСКИЙ.

РЕПЕТИЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО XXVI

Кем ты стала, гениальная девочка Вика?..

Именно гениальной назвал тебя человек, знающий цену такому слову,— заместитель председателя Центрального совета пионеров Герман Черный, и было это в феврале 1981 года.

Мы потом специально ждали, когда ты появишься на экране телевизора, предупреждали коллег, что они имеют возможность увидеть нечто выдающееся...

И увидели.

Ты, Вика, в очаровательных белых бантах проникновенно произнесла ключевые строки:

Я от всех детей хочу
Пожелать с любовью
Леониду Ильичу
Доброго здоровья.
Подарить букет цветов
Цвета огневого
И обнять от всей души,
Как отца родного!

Не вообразить даже, что произошло с залом! В сухом тексте стенограммы это отражено так: «Продолжительные аплодисменты. Звучит музыка. Пионеры вручают членам Президиума съезда цветы», как Вика и собиралась. Сама она бежала, конечно, первой. Во весь экран показали лицо дорогого Леонида Ильича. Он, растроганный, плакал.

И тут едва не произошло непоправимое. Гениальную Вику на вираже обошел шустрый пионер с букетом для Кириленко. Его-то и ухватил Леонид Ильич, потащил целоваться. Пионер заверещал, забился, но все-таки вырвался и донес цветы до кого велено. А Генеральный секретарь опять распахнул объятия, и уж тут Вика своего не упустила.

Мы оба тогда работали в «Комсомольской правде», и как раз в этот день в номере стоял наш отчет о Рапорте советской молодежи и пионеров XXVI партийному съезду. И у телевизора мы сидели не просто так: внимательнейшим образом следили, все ли из происходящего в Кремлевском дворце соответствует тому, что уже два часа как было набрано и заверстано в полосу.

Ибо в Кремль нас, естественно, не пустили, а отчет мы писали, наполнившись живыми впечатлениями от репетиции.

Вот об этой репетиции нам и хочется сегодня вспомнить.

За месяц до события собрали в Москве лучших представителей молодежи. И месяц, как на работу, ходили они в конференц-зал ЦК ВЛКСМ, где преподаватели театральных вузов столицы ставили им дыхание, учили технике сценического движения, заставляли депутатов Верховных Советов и кавалеров высших орденов, олимпийских чемпионов и поэтов приседать и ударять себя на выходе кулаком в грудь. Особенно впечатляюще получалось это у Павла Баряева, знаменитого бригадира из Нового Уренгоя (по сценарию Рапорта ему предстояло внятно назвать свою фамилию и сообщить съезду, что «рабочая молодежь, верная традициям стахановцев, ударников пятилеток, будет и впредь настойчиво овладевать пролетарской наукой побеждать») (аплодисменты).

— Только подумать,— сказал нам Баряев в перерыве репетиционного процесса.— Что будет, если мои ребята из Уренгоя вдруг узнают, чем я здесь занимаюсь!

А Герман Черный, человек с артековским прошлым, убеждал артистку Лену Драпеко:

— Лена, Лена! Больше теплоты, чувство вложи! Вспомни, как гениально это у Вики получилось...

И Паша Баряев подтвердил нам:

— Вика — да...

Драпеко собралась, взмахнула прической, залучилась улыбкой:

— Дорогой Леонид Ильич! Советская молодежь знает, что Вам дороги и близки труд рабочего и ратный подвиг солдата, героические будни послевоенного возрождения и целинной эпопеи. В борьбу за счастье трудового народа, торжество идей пролетарского интернационализма Вы вкладываете всю свою убежденность, многогранный талант, революционную энергию. Прогрессивная юность планеты называет Вас, выдающегося политического деятеля современности, вдохновителем разрядки, знаменосцем мира и созидания!..

— Не то!.. Не то!..— заломил руки Герман Черный.— Ну, Лена...

Пока Черный объяснял Драпеко ее сверхзадачу, через конференц-зал, по диагонали шел депутат Верховного Совета России слесарь АЗЛК Николай Махонин. Он упал на стул рядом с нами и Баряевым и обхватил голову руками.

— Тяжело, Коля? — сочувственно спросил Баряев.

— Знамя вчера цеху вручали,— не отрываясь от головы, ответил Махонин.

— За что? — вмешался в разговор один из нас, в надежде на изюминку, которая вполне может украсить будущий материал.

— Не знаю,— стараясь сохранять неподвижность, сказал Махонин.— Я только к банкету пришел...

Тут-то его и увидел Черный, оставил Драпеко:

— Махонин, Махонин!.. Ну, где же тебя носит!..

Николай встряхнулся, встал и громом потряс стены конференц-зала: «Товарищ Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского...»

Драпеко нам сказала:

— Понимаете, ребята, ну, никак. Никак не пойму интонацию. Поверите, похудела за месяц репетиций — юбка спадает.

Мы с интересом посмотрели на юбку.

Подошел Володя Некляев, белорусский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола. Только что он репетировал собственные стихи — четыре строчки, с которыми его и привезли из Минска: «Плыви, страна, эпохи ледокол! Звени в цехах! Шуми в полях без края!..»

— Знатные стихи,— похвалили мы Некляева.

Он вздохнул и полез в сумку: «Ребята, да я же не только это пишу! Вот посмотрите...»

Махонин отстрелялся и сел в прежнюю позу. А Черный призвал к вниманию и обратился ко всем сразу:

— Главное — это чтобы все было отрепетировано. Посмотрите: как выврос уровень съезда, как держатся делегаты на трибуне? Потому что каждый, в этом же зале, с этой же трибуны, при пустом зале, естественно...

Мы представили.

И Черный стал работать с детьми.

Детей было двое. Халила, дочь делегата съезда Турсуной Ахуновой, дважды Героя Соцтруда, и сын делегата съезда сталевара Федора Шишлова. Первая должна была прочесть стихи: «Буду хорошо учиться, скоро вырасту большой, стану лучшей ученицей в школе мамы Турсуной!» Со вторым было сложнее. По сценарию ему предстояло заявить: «Мы, Шишловы,— люди рабочие!» Но парень, как выяснилось, буквы «Ш» не выговаривал и при этом усмехался.

Черный измаялся с ним. А Баряев сказал: «На эту б глаза не смотрели!..»

— На кого? — не поняли мы.

— На **эту,—** мрачно повторил Павел.— С ней секретаря обкома прислали, девчонку, и **эта** ее уже совсем заездила. Вот сегодня выходим из метро, и слышу — эта соплячка сопровождающей шипит: "Все маме Турсуной расскажу!» И секретарь — в обморок. До сих пор валидол глотает.

Мы с уважением посмотрели на Халилу.

От Баряева нас оттянул строгий молодой человек с комсомольским значком, сверился со списком: «Так, товарищи. Этого парня, пэтэушника, в отчете не упоминать. Случайный человек». «То есть?» «Основной переволновался, голос у него пропал. Пришлось этого вводить. А он случайный человек». «Но откуда же он, случайный?» «Надо было Украину прикрыть, его и подбросили. Но человек случайный». Случайный, так случайный. Значит, надо.

И мы вернулись в редакцию и написали отчет.

Заголовок взяли у Светлова: «Сколько молодости у страны!»

«...Как великая эстафета, от отцов к детям переходила высокая ответственность за судьбу своей страны, за ее будущее. Все завтрашние победы и достижения вырастают из сегодняшнего напряженного труда, сегодняшних побед и достижений — старая истина, проверенная всем опытом человечества, но она всегда требовала и требует ежедневных, новых и новых доказательств. Какой же символ нашего времени оставят потомкам молодые 80-х лет двадцатого века? Какие слова напишут на его визитной карточке те, о ком Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал с трибуны партийного съезда: «Молодые люди, которым сегодня 18—25 лет, завтра образуют костяк нашего общества». Давайте же задумаемся над этим коротким словом завтра, таким близким, таким обязывающим...»

В общем, «Плыви, страна, эпохи ледокол!..»

Где ты теперь, Вика?

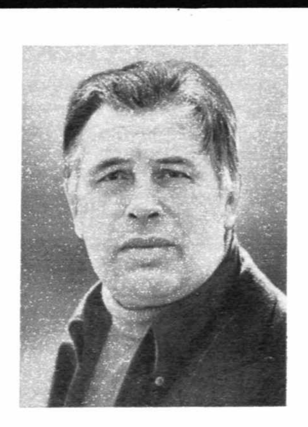
Николай АНДРЕЕВ,
Павел ГУТИОНТОВ

ИЗ ЗАПАСНИКОВ РУССКОЙ ПОЗЫ XX ВЕКА

КАРАСИ НА РУСИ

С грустью вынуждены признать, что за последние годы «Огонек» стал не столько литературно-художественным журналом, сколько общественно-политическим. И в том не одно лишь бурное наше время виновато, но и сами писатели. Например, еще пять-шесть лет назад Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Петр Проскурин, Валентин Сидоров и Николай Шундик в «Огоньке» дневали и ночевали, миллионными тиражами и многочасовыми телесериалами постоянно напоминали о себе поклонникам. Когда же перестройка грянула, она вдруг как-то сразу пошла вкривь и вкось: закачались постаменты прижизненно воздвигнутых памятников, народ принялся читать не пойми что... И «Огонек» стал не тем. Ясное дело, обиделись популярные писатели, перестали баловать нас новыми эпохальными эпопеями, а если где и пропечатают эссе или статейку, так исключительно в малотиражных подведомственных писательскому союзу изданиях. Поначалу мы переживали, писали письма, зазывая к себе на огонек, однако либо вообще нас не утешали ответом, либо присылали что-нибудь гневное, вроде: «Пока в «Огоньке» сидит христопродавец...» * и т. п. Мы смирились, стали довольствоваться газетными вырезками да магнитофонными записями, доносящими до нас сказанное где-то живое писательское слово. К тому, что ни одно слово именитого мастера пера не должно пропадать втуне, нас, кстати, давно приучили: один новоявленный классик, выпуская дополнительный (ненумерованный) том к своему очередному собранию сочинений, включил в него даже ответы на читательские записки и телефонный разговор с Альберто Моравиа... Конечно, за каждой встречей с писателями не уследишь, потому мы от всей души благодарны нашим читателям, которые со всех концов страны присылают в редакцию письма, рассказывая о своих встречах с тем или иным любимым автором и делясь впечатлениями, приносят магнитофонные кассеты с записями особенно запавших в душу выступлений. Так было и после вечера журнала «Москва» в Колонном зале Дома союзов. Это мероприятие (в отличие от вечера «Нашего современника» в столичном Зале им. Чайковского или фестиваля «Российские встречи» в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный») прошло чинно и благостно, но все, что там говорилось, было не менее весомо, грубо, зримо. Текст дается в дословном воспроизведении по хранящейся в редакции магнитофонной записи.

В. Вигилянский

В. Сидоров:

— В свое время Кутузов отдал Москву, чтобы сохранить русскую армию. И вот мне кажется, что нужно отдать окраины, чтобы сохраниться русским.

...Я написал статью, в название которой я вынес призыв: «Русские всех стран, соединяйтесь!».

...По сравнению с нашими оппонентами, которые имеют возможность сеять идеи радикального экстремизма, а также поддерживать теневую экономику, мы не обладаем такими средствами массовой информации. Ну, предположим, «Огонек» имеет тираж 4 миллиона экземпляров, даже больше, а моя статья была напечатана в «Московском литераторе», тираж которого 4 тысячи экземпляров. Вот, понимаете, мы не на равных ведем борьбу.

М. Алексеев зачитывает записку из зала: «Ответьте **честно,—** последнее подчеркнуто,— ни один, опять подчеркнуто, **патриотический** журнал не интересуется тем, что делает национально-патриотический фронт «Память», почему ни один из этих журналов не предоставил слово «Памяти», а патриоты используют те идеи, что выдвигала «Память» еще 5—7 лет назад, делая вид при этом, что «Память» не существует. Давайте же будем по-настоящему смелыми».

...Вот так вот. Ну что же ответить... Что такое 5—7 лет назад? А сколько лет назад был опубликован замечательный труд В. Чивилихина, он так и назывался «Память»? Разве самым здоровым силам фронта это не помощь?.. А все те статьи, которые появляются в «Нашем современнике», «Москве», «Молодой гвардии», где ведется совершенно бескомпромиссная — даже не борьба, а война, по сути дела, с антипатриотами, разве это не помощь «Памяти»?!.

А. Проханов, главный редактор журнала «Советская литература»:

— С этого месяца выходит оригинальный журнал «Советская литература» на русском языке, брат «Москвы». И вот в связи с этой запиской скажу, что в 4-м номере «Советской литературы» будет предоставлено слово лидерам «Памяти», где на большом пространстве они будут говорить о своей идеологии, о своих проблемах... Мы сделаем эту традицию постоянной.

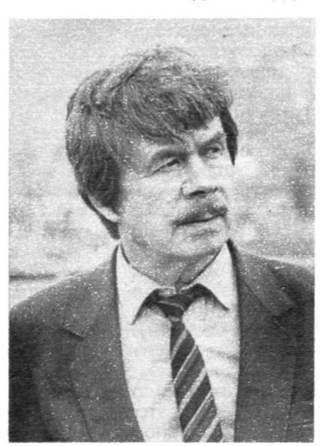
М. Алексеев предоставляет слово С. Викулову, назвав его своим «духовным однополчанином».

С. Викулов, поздравив В. Крупина с началом его деятельности как главного редактора «Москвы», говорит: «Главный редактор — это должность, которая более всего характеризует то положение, когда человек, если он гражданин и патриот, приносит огромную личную жертву на алтарь русской литературы. Принимая такой журнал, как «Москва», который упоминается сейчас в ряду тех журналов, которые прорабам перестройки, демократам в кавычках, очень и очень не нравятся, в ряду журналов "Наш современник» и «Молодая гвардия», может быть, в XX веке, он должен продолжить традицию пушкинского и некрасовского "Современника», «Отечественных записок», через которые прошла вся русская классическая литература.

Нас иногда упрекают, что мы на публичных вечерах делаем разграничение между русской литературой и русскоязычной. Несмотря на это, я повторю, что сегодня существует русская литература и русскоязычная литература. (Аплодисменты.)

...Я желаю В. Крупину, чтобы он сумел доказать, что «на Руси не все караси» и они имеют иногда право и смелость сказать свое мужественное слово. В связи с этим мне пришли на память слова Некрасова: «Придет ли это времечко, приди, приди, желанное, когда народ не Блюхера и не милорда глупого с базара понесет...» А я бы хотел сказать, что он понесет с базара журналы «Москва», "Наш современник» и «Молодая гвардия». (Аплодисменты.)

Н. Шундик:

— ...У меня есть еще псевдоним, под ним, может быть, больше знают, меня еще называют Белым

* Подлинная цитата (*ред.*).

шаманом. У меня есть сегодня два символа, два добрых духа, два слова, с помощью которых я попытаюсь высечь искры правды. Эти слова называются кремень и кресало.

Если бы вы знали, как мы мечтаем об оппоненте, который был бы именно кресалом, или, наоборот... и в споре высекается истина, честно...

К сожалению, наши оппоненты делают очень много такого, вернее, к счастью, что это им не удалось, ведь они и вас отвращают от журнала «Москва» и от тех журналов, что здесь назывались. Отвращали хором, большими тиражами, один «Огонек» чего стоит... Не помогло. Вот вы здесь, я чувствую, как вы принимаете и понимаете это глубоко.

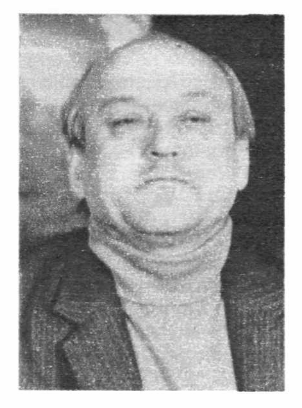

О. Михайлов:

...Полагаю, что количество лже-Дмитриев, находящихся сегодня в Кремле (аплодисменты), превысило карамзинскую норму, и мы еще будем свидетелями, как в 1612 году, когда поляки разыгрывали в карты русских людей.

Лет пять назад замечательный русский писатель Олег Волков сказал мне: «Как вы могли прийти в Дом литераторов без галстука, как вам не стыдно?» Я сказал ему: «Олег Васильевич, а виноваты в этом вы!» Он сказал: «Почему?» Я сказал: «А зачем вы проиграли гражданскую войну?»

Когда я был в Париже, я целовал ручки дочке однофамильца нашего главного редактора генерала Алексеева, пил на брудершафт с внуком Дроздовского. Там я пришел к мысли, что нам надо объединиться самым широким фронтом. Час настал, и если только нация прикажет... (шум в зале, восторженные аплодисменты, овации).

П. Проскурин:

— Сейчас русских учат все: и мадам Тэтчер, и Буш, и кто их только не учит, и чем больше они учат, тем хуже становится в нашей стране. Перестройка в России не принесла ничего доброго... Мне кажется, здесь вот уже обращались к вам,— будете на выборах, голосуйте твердо только за того, кого вы знаете *, потому что мы должны потребовать от русского парламента, когда он соберется, чтобы запретить на территории России проповедь русофобии, запретить на территории России издание тех журналов, которые ненавидят Россию (аплодисменты)...

Многое нужно возрождать в России, но прежде всего должен возродиться дух народа, он должен объединиться и выйти, может быть, на улицы... (бурные аплодисменты, крики: «Ура!»).

P. S. Что касается хозяев вечера, то с определенностью можно сказать: 14 февраля 1990 года в Колонном зале хозяевами себя уверенно чувствовали молодые люди в блестящих черных сапогах с портупеей через плечо, затянутые во все черное... А у входа в зал бывшего Дворянского собрания другие молодые люди бойко торговали тоненькой брошюркой под названием «Союз за национально-пропорциональное представительство» — «ПАМЯТЬ». Политическая программа». Всего за два рубля...

Литературная запись А. ДУБНОВА.

*** Так и произошло: опасения писателя подтвердились (см. «Литературную Россию» № 12).— *Ред.***

ЧТО ЧИТАТЬ?

ЭХ, ГУЖИ ЗАВЯЖИ!

Олег ХЛЕБНИКОВ

В тревожное время живем. Митинги, забастовки, писательские десанты — то в глубинку, а то и в Колонный зал. О высоком, о Поэзии задумываемся редко. Имена таких любимцев музы, как Валентин Сорокин, Игорь Ляпин, Станислав Куняев, вспоминаем все больше в связи с их берущими за живое выступлениями, памятливыми статьями, взволнованными обращениями в инстанции. А ведь они прежде всего известные наши поэты, мастера самовитого, неизбитого, боевитого стихотворного слова. Именно талант обусловил общественно-политический авторитет этих литераторов.

И негоже нам, читателям, забывать о главном деле их жизни — только из-за того, что гражданский долг велит им сейчас «штык уподобить перу».

Отсюда чувство законной гордости и глубокого удовлетворения, с которым раскрыл я первые за этот год номера самых бескомпромиссных толстых журналов: «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия»,— знакомящие своих читателей с новыми произведениями этих и других, более молодых, но вскормленных и вспоенных ими авторов.

Сразу бросились в глаза и запали в сердце строки Владимира Макарова («Москва» № 1), написанные о Маяковском, но относящиеся, по моему глубокому убеждению, прежде всего к нашим поэтам национально-патриотического склада, которые не щадя живота своего ратуют за чистоту отечественной литературы:

Нет!
Маяковский не был в найме. —
Не мог в поэте жить Дантес[1].
Сквозь сердце кто-то метил в знамя,
в его партийный красный цвет[2].
И выстрела сухая россыпь
оповестила:
здесь война!..
Поэту нужен был Матросов
И Грибоедова — нужна!

Воистину не один стихотворный дзот хочется закрыть своим телом! Но где взять столько отваги и жертвенности?.. И своя Грибоедова каждому из этих поэтов пригодилась бы! Но где найти при нынешней эмансипации (простите за инородное слово) столько самоотверженных, тонких и образованных женщин?

Впрочем, обо всем по порядку.

Начнем увлекательное чтение с «Нашего современника», ведь и сам его главный редактор, что уже становится доброй традицией журнала, поэт.

То, как Ст. Куняев заботится о поэтическом пополнении, видно уже по первому номеру «НС» — 90, в котором нас ждет интересное знакомство с именем, пока малоизвестным в нашей литературе,— Николай Оболонский. Его подборка открывается пронизанным состраданием; не побоюсь этого слова, изящным (воистину изящная словесность!) стихотворением «Формовщица». Не могу удержаться от цитирования горьких и образных срок:

Затеряться с тобою бы в поле,
Где закатное солнце горит...
Но играешь ведущие роли
На формовке строительных плит.

В другом стихотворении, «Наездник», автор, верный себе в неравнодушии к судьбам ближних, пишет:

Что закололо под левым соском?
Разве я ахнусь о камень виском?
Это позднее,
как соколом стать,
Палки мне будут в колеса совать.

Тут уж, пожалуй, чувствуется школа Юрия Кузнецова с его лубочно-апокалипсическими мотивами: только представьте себе, читатель, мечтающего стать соколом лирического героя-соколенка — на колесах, в которые суют палки, дабы помешать ему взлететь... Дух захватывает от полета авторской фантазии!

Теперь перейдем ко второму номеру «НС» — в нем представлено больше поэтов, чем в первом. Есть среди них и такой маститый, как Глеб Горбовский. Его подборку отличают мучительные поиски себя и своего места в противоречивой действительности:

я вышел... из себя, как будто
из чулана,
из сумрачного «я»... Чтоб стать
самим собой.

И куда же пошел поэт? Конечно, в близкий его, коренного ленинградца, сердцу сельский клуб. Но что он там увидел?!

...Потолок навис, копченый,
кровь проникла в голоса!
Тракторист и пять девчонок
ловят кайф, закрыв глаза...

Да, еще совсем недавно такие смелые строки про это не могли быть напечатаны у нас — передавались из уст в уста, переписывались в девичьи альбомы, а вот чтоб в журналах — ни-ни!..

Пригляделись: вроде пляшут.
Тряска есть, ан — не с душой.
Руки наши, ноги наши,
запах наш, а дух — чужой...

И дальше эта глубоко волнующая поэта тема, заявленная диалектической парой «запах» — «дух», находит свое естественное разрешение:

На мгновенье пляска стихла:
люди вышли по нужде...

Когда нужда в людях, героях стихотворения, отпадает, поэт наконец приходит в себя:

Не пора ль сменить пластинку?
А иначе — быть беде.

Не могу не согласиться с Глебом Горбовским: пора, ой, пора сменить пластинку!

То, что бередит известного поэта, не дает покоя и более молодому, пока не столь мастеровитому Валентину Суховскому. В этом же номере журнала он опубликовал такие стихи:

Бегу от дискотек,
Из тесноты и стада.
Ведь я же человек,
Мне воли, воли надо!

И вот, в момент поэтического вдохновения обретя волю, Суховский задает глубоко личный риторический вопрос:

Кто насаждать посмел
Неперспективность всюду?

Это уже поворот темы, оплаченный судьбой самого автора. Хотя, на мой взгляд, рановато употреблять такое слово, как «неперспективность», молодому поэту, только начинающему свое восхождение на Парнас (простите за инородное слово). И в другом стихотворении, напечатанном рядом, он, словно поняв это, демонстрирует истинную, не засоренную канцеляризмами русскую речь:

Эх, гужи завяжи
Да хомут засупонь,—
Проплывет среди ржи,
Словно утушка, конь.
. . . .
Шаркуны бренчат,
Колокольчик — в звон...

Здесь не какая-нибудь стилизованная литературщина, здесь, как неплохо сказал один русскоязычный стихотворец, Б. Пастернак, «дышит почва и судьба», что бы ни говорили разные там «шаркуны» и Гоги-Магоги[3]!

Есть чему поучиться у Суховского даже значительно более искушенному в секретах мастерства Виктору Кочеткову, его соседу по страницам «НС». Так, в стихотворении «Ссыльная деревня» обращают на себя внимание строчки:

Не согрелось ни раз под рукой
человека
ни железо, ни дерево...

Тут, к сожалению, налицо пренебрежение нормами родного языка, что недопустимо для истинно русского (не путать с русскоязычным!) поэта. Правильно-то

[1] Именем этого французского масона-убийцы некоторые патриоты называют паразитов, иногда заводящихся в человеческом организме (здесь и далее примечания мои.—*О. Х.*).

[2] Неточная рифма наводит на мысль, что в текст вкралась досадная опечатка. Очевидно, у автора было «крест». «Красный Крест», то есть международное медицинское сообщество.

[3] О Гогах-Магогах см. ниже.

было бы: «не согрелись ни разу». Но, может быть, снова вкралась опечатка и следует читать: «ни согрелись ни два под рукой человека» или «ни три»?

Но обратимся теперь к заединщику «могучей кучки» — журналу «Москва».

В № 1 Эдуард Балашов сразу ставит «проклятый» риторический вопрос ребром (стихотворение «Среди нас»):

Что им вера, любовь и отвага!
Что им Отчина: злобой полны!
Им бы только снести до оврага
Благолепие старины.

Телеидолы. Галапарады.
Где истец тут? Кто искариот?
Кости стонут, как стонут арабы
У подножий Синайских высот...

Когда читаешь эти строки, думаешь о поистине всемирной отзывчивости нашей души. Сердце наполняется болью за несчастных арабских беженцев. И как-то легче начинаешь смотреть на собственные проблемы, связанные с Азербайджаном и Арменией, с Ферганой и Душанбе... Зато контрастнее и рельефнее видится враг внутренний, так сказать, «свои» искариоты.

Во втором номере «Москвы» искариотскую тему подхватывает Игорь Ляпин, многое нам проясняющий в своем акварельно-прозрачном стихотворении «Чужие люди»:

Есть люди, что смакуют нашу
боль,
Как будто лимонадец попивают.
И всю свою к России нелюбовь
Лукаво полуправдой прикрывают.
. . . .
Я слышу их. Я вижу их насквозь.
Они вещают пламенно и пышно.
Их окрыляет,
если что стряслось,
И вдохновляет, если что не вышло...

К сожалению, журнальная площадь не позволяет процитировать целиком это замечательное во всех отношениях стихотворение. Но некоторые наиболее глубокие и оригинальные его мысли нельзя не привести:

Я верно знаю, в случае любом
О бедах говорить нельзя
со смаком.
Но Руста самолет перед Кремлем
Для них спустился прям-таки
подарком...

(Заметим в скобках, как смело поэт обращается с родным языком, очевидно, оттого, что воистину родной: «прям-таки»! Как непосредственно, по-свойски сказано! И с рифмой он на «ты»)

В них что-то нехорошее сидит,
Недоброе в них что-то колобродит.
И где должно болеть —
у них зудит,
А зуд к порывам светлым
не приводит.

Прерву цитату. Обратите внимание, дорогой читатель: у этой последней строфы, несомненно, есть своеобычный подтекст. Только подумайте, где это может «у них» зудеть, приводя к низменным порывам? А?

Но вот завершающие строфы:

Они народец ушлый, не простой,
Они собьют любого тут же с толку.
Вот валят в перестройщики толпой,
Хоть всем им наплевать
на перестройку.
Их разгадает сразу не любой,
Но и у них то клеится, то рвется.
И скрыть свою к России нелюбовь
В конце концов никак не удается.

Надеюсь, всякий, кто прочитает стихотворение Игоря Ляпина, сумеет разгадать, кто такие «они»,— поэт все, что мог, для этого сделал. Если почему-либо — нет, вам поможет его молодой тезка И. Тюленев, опубликовавшийся в первом номере третьего «журнала-богатыря» — «Молодая гвардия». Он врага называет прямо по имени:

Расколют страну скоро
Гоги-Магоги —
Библейское племя лихих дикарей?

Опасения, выраженные молодым И. Тюленевым, судя по всему, не лишены основания — в том же номере «Молодой гвардии» куда более опытный и просвещенный поэт Валентин Сорокин свидетельствует:

О, славяне, русская душа
До сих пор наивна и в излишке
Верит слову татя, торгаша.
Верит Куре, трусу и воришке...

Поясню для тех, кто все еще слаб в родной истории и литературе: Куря — это инородец, в данном случае — печенежский хан (еще раз простите за инородное слово).

Вообще же поэзия В. Сорокина заслуживает отдельного разговора. Потому что он поэт удивительный! Самородок! Как мы недавно узнали из газеты «Советская культура» (№ 2, 1990 г.), Валентину Сорокину даже не довелось окончить школу, что не помешало ему — такова всепобеждающая сила таланта — поступить в Литературный институт (интересная деталь: для высокой цели пришлось подделать аттестат зрелости — и это удалось одаренному юноше!) и с успехом завершить свое образование. В отличие от Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Ю. Мориц, Г. Айги и т. п., исключенных из современного Лицея за гражданскую и творческую несостоятельность. Отсутствие среднего образования и наличие диплома Литинститута позволили уральскому самородку Сорокину стать главным редактором одного из крупнейших наших издательств — «Современника». Правда, обнаружившийся непорядок с публикациями произведений дружественных издателей (главным образом их количество) и с денежными бумагами (возникший, должно быть, оттого, что арифметику в Литинституте не проходят) не дал ему возможности долго занимать этот пост. Но наше государство не разбрасывается такими людьми: вскоре В. В. Сорокин был назначен проректором Высших литературных курсов при СП СССР.

Многому научил и продолжает учить Валентин Сорокин слушателей ВЛК — сотни писателей, членов союза, приехавших в Москву со всех концов нашей необъятной Родины для того, чтобы повысить свой образовательный и культурный уровень, отточить профессиональное мастерство.

Воистину талантливый человек талантлив во всем. А какую замечательную статью опубликовал недавно Сорокин в «Нашем современнике» (№ 8, 1989 г.)! Как тонко и сердобольно подметил он главное, что помешало стать большими поэтами О. Мандельштаму, А. Галичу, И. Бродскому и др. Да попросту то, что писали-то они (или пишут), по мнению автора, не на своем родном языке! Горькая правда, но кому и высказать ее, как не Валентину Сорокину, чье имя уже сейчас ввели в учебники литературы для старших классов (так же, как, к слову сказать, имя процитированного выше Игоря Ляпина), естественно, в отличие от разоблаченных им русскоязычных стихотворцев.

Но вернемся к свежей подборке живущего рядом с нами классика. Какие стихи ни возьми, все здесь на ять! Вот, например, только одна строфа:

Рек, загубленных в мире,
пожалуй, не счесть,
Высыхают моря, но зато у народов
Есть границы и кормчих
пророчества есть,
Пирамиды уперлись
в края небосводов...

Сколько здесь открытий! И то, что небосвод у землян, оказывается, не один, общий, а столько их, небосводов, сколько и народов на Земле, между которыми, на счастье, существуют пока государственные границы! И то, что есть, есть еще у этих самых народов кормчие-пророки, несмотря на безвременную кончину Мао и Сталина! Да что говорить! Хочется просто без конца перечитывать:

Прекрати отравное нытье,
Клеветник, и суету мирскую,
Наше горе — дело не твое,
Я и сам понять его рискую...

Действительно, поэт рискует. Ведь желать смерти, даже клеветникам («прекрати... суету мирскую»), не в традиции русской поэзии. Но Сорокин, по всему видно, новатор, и его риск — благородное дело! Это риск патриота!

Нельзя не упомянуть еще об одном поэте, представленном в первых номерах славной триады журналов. Запомните это имя: Валерий Хатюшин. Обративший в последнее время на себя внимание острыми публицистическими выступлениями, Хатюшин и в высоком жанре предстает публицистом бушинско-глушковской школы:

Все о чем-то кричишь агрессивно...
Брось кривляться, пижон записной!
Неужель самому не противно
Грязный кукиш держать за спиной?

Это из стихотворения «Известному поэту», но, конечно, не Валентину Сорокину, хоть он и куда как известный поэт, посвящены эти строки. Чтобы хорошие люди не подумали чего доброго на себя, В. Хатюшин подробно описывает рост, вес, любимую одежду «известного поэта». От Сорокина здесь только непримиримость гражданской позиции, лексика («кричишь агрессивно» — так до Сорокина и Хатюшина в русской поэзии, пожалуй, никто не мог сказать) и уровень версификационного мастерства. Хочется пожелать Валерию: так держать!

Скажу в целом: неизгладимое впечатление произвело на меня чтение первых номеров журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия». Могуча российская поэзия, представленная на их страницах! Каюсь, увлеченный всякого рода сенсациями желтой прессы, не читал я в последнее время этих изданий. Очень жалею: многих веселых минут я себя лишил, потому что истинный талант, о чем бы он ни говорил, веселит душу.

Завершая эту, быть может, чрезмерно восторженную статью (но что делать, «музыка навеяла»!), не могу не повторить мысль еще одного поэта, бывшего редактора «Нашего современника» Сергея Викулова, высказанную им на вечере журнала «Москва» в Колонном зале (см. «Огонек» № 14, стр. 28): «мне пришли на память слова Некрасова: «Придет ли это времечко, приди, приди, желанное, когда народ не Блюхера и не милорда глупого с базара понесет...». А я бы хотел сказать, что он понесет с базара журналы «Москва», «Наш современник» и «Молодая гвардия»...»

Да, так и представляю я себе эту картину. Колхозницы и колхозники, труженики из наших закавказских и среднеазиатских республик продают на базаре привезенные мешками и чемоданами подшивки трех удивительных этих журналов. Торгуются. Не уступают. Возражают: «Чем рубли-то твои деревянные, мы лучше сами до дыр зачтем!» Валюту хотят. А толпа покупателей все прибывает. И товара другого такого, столь необходимого, больше нет как нет: масоны все овощи гербицидами поотравили, яйца сальмонеллой заразили, а самое главное, леса поизвели. И давится народ исключительно за этими тремя журналами — Спасителями Отечества, Хранителями Очага, несущими людям тепло в студеные времена шахтерских забастовок и дефицита бумаги. (Там-то все и написано: кто что и как поистребил.)

И я вместе со всеми стою. Толкотня кругом, ругань, но все наша, русская. И мечтается, что две-три подшивочки и мне, грешному, достанутся. И гружу это я их на лошаденку: «Эх, гужи завяжи да хомут засупонь!» — и невыносимым весельем наполняется сердце мое!

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Татьяна ТОЛСТАЯ

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Пушкин был еврей.

Его настоящая фамилия — Пушкинд. Факсимиле его собственноручной подписи часто воспроизводится, так что любой может в этом убедиться собственными глазами. Так и написано: Пушкинд. Кроме того, его брата звали Лев, прадедушку — Абрам, а бабушку и вовсе — Сара. Что-нибудь не ясно?

А что он писал, что писал!

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Вон что делал! А сам все за кордон рвался. Но не вышло.

Лермонтов тоже был еврей. По-настоящему его звали Лерман. Мойше Лерман. От нас это тщательно скрывают. Якобы у него и родителей-то не было, а воспитывала его бабушка. Не скроешь! Да стоит только приглядеться к его сочинениям. Как положительный персонаж, так сразу: Бэла. А ведь русский человек такого имени на дух не переносит. Ну и все эти: «страна рабов, страна господ», «немытая Россия», «под топот пьяных мужиков»... Ясно?

Эти Пушкинд и Лерман были невыездные. Зато потом началось. Как «русский» писатель — шасть за границу и давай очернять.

Вот хоть Гоголь — естественно, тоже еврей. Настоящая его фамилия Яновский. Все-то его в Палестину тянуло. Знаем зачем. Полжизни просидел за границей, в «прекрасном далеке» (каковы выраженьица у этого махрового русофоба?), очерняя оттуда нашу светлую действительность. Написал про русских людей роман и назвал его: «Мертвые души». То есть погубить нас всех хотел. Да не вышло.

Герцен тоже был еврей. «Герцен» — это его псевдоним, что, конечно, характерно. А настоящая фамилия — Яковлев. Сейчас только ребенок не знает, что если кто Яковлев — значит, по сути, Эпштейн, ну, в крайнем случае Якобсон. На выбор.

Лев (Лейба) Толстой — главный русофоб. Уж такой русофобище! Его настоящая фамилия — Гроссман. Поихнему «гросс» — толстый. И этого не скроешь. Да и какой русский женится на некоей Софье Берс?! А как он очернял нашу армию («После бала»), русскую женщину («Воскресение»), семью («Крейцерова соната», кстати, заметьте: Крейцер!), школу («Филиппок»), животных («Лев и собачка»), русские деньги («Фальшивый купон»), железные дороги («Анна Каренина»), религию («В чем моя вера»), наконец, крестьянина, кормильца («Много ли человеку земли нужно?»)!!! Да эх! Эх!.. Что и говорить!

Еврей Тургенев противопоставлял наших русских отцов нашим русским детям, сея рознь. Сам жил за границей с безродной Полиной Виардо, а к нам приезжал только чтобы стрелять в нашу русскую дичь. Еврей Достоевский не знал уж, как унизить наших русских людей, называя их то «бедными», то «униженными и оскорбленными», а одного из них даже «идиотом», а сам проигрывал в рулетку наши русские деньги. Еврей Гончаров очернил русского человека, написав роман «Обломов», где герой все лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, лежит, а потом его невеста уходит к некоему Штольцу — нужны ли комментарии? А еврей Чехов (см. фамилию жены)? Да ведь буквально все, все! Это же кошмар! А в наши дни?! Василий Белов — он же Барух Вайсман! Бондарев, он же Бундарев, он же Арон Бундер! Распутин, он же Рабинович! Куняев — Зильберминц!..

Куда бежать, православные?!

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Чувство глубокого покаяния обуяло нас, когда мы увидели номер «Правды» без ордена Ленина. Ведь предупреждало же нас общество «Память» на своих митингах! Не послушались! Теперь пожинаем плоды своей перестроечной принципиальности. С 1 апреля этого года объявляем переперестройку и возвращаем упомянутый орден на свою новую обложку.

ПРОШУ СЛОВА

НЕ ОГЛУПЛЯЯ И НЕ ОЧЕРНЯЯ!

Думается, что на упреки в том, что прежний «Огонек» и другие оракулы радикальной прессы занимались «шельмованием армии», можно ответить только делом — чем-нибудь таким, от чего потеплели бы сердца укоряющих, чтобы сказали самые из них непримиримые: вот, нашли все-таки журналисты слова, достойные нас, людей в погонах! Не оглупили, не дискредитировали, не прицепились к частностям, не вырвали из контекста отдельный недостаток!..

У нас есть такие слова — в полном смысле слова крылатые. Нашли мы их в замечательной книге «Календарь воина» за 1970 год на страницах с 296-й по 301-ю. В разделе «Жить — Родине служить (военные пословицы и поговорки)». Издал книгу Воениздат тиражом 50 000 экземпляров, что для книги столь выдающихся качеств, разумеется, мало: есть основания опасаться, что стоит она не у каждого нашего читателя на его «золотой» полке. А книга того стоит.

Итак, вот пословицы и поговорки, подслушанные составителями календаря в далеких гарнизонах, в кубриках боевых кораблей, во время изнурительных марш-бросков...

От ленинской науки крепнут
разум и руки.

Что народ думает, то партия
говорит.

Набирайся силы от
земли-матери,
а ума — у Коммунистической
партии.

Советскому патриоту любой
подвиг в охоту.

За героя-солдата и страна
рада.

Кто смерти не несет врагу, тот
перед Родиной в долгу.

Ловкость помогает бойкости,
а бойкость — стойкости.

От дисциплины до геройства —
один шаг.

Лишнее говорить —
себе вредить.

Не мухи переносят слухи.

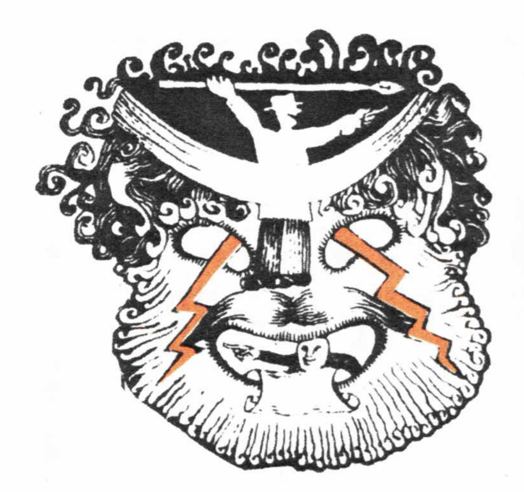
Кто военную тайну разглашает,
тот присягу нарушает.

Кто ни спросит, всякому отвечу:
опасности иди навстречу...

Пословицы и поговорки размещены кустовым способом: о партии, о Родине, на темы отдельных положений Уставов, все они функциональны, многому учат.

Вот в таком духе и стиле надо писать об армии! Чтобы не было никаких претензий в очернении и оглуплении.

С лейтенантским приветом
П. ЧУЧАНГА, офицер запаса

МИНФИН СООБЩАЕТ

Одна из главных задач по оздоровлению нашей экономики — сделать рубль твердой валютой. Минфин совместно с группой ученых-экспертов осуществил серию мер в этом направлении. Сообщаем читателям, что первая партия советских конвертируемых денег выпущена. Это почетное задание Минфина выполнил Одесский Монетный двор. Новые деньги вводятся в обращение с 1 апреля с. г. и имеют свободное хождение как на всей территории СССР, так и за рубежом. Они подлежат обмену на рубли в соотношении 1:7 руб. 40 коп., а также на иностранную валюту по новому курсу 1:4,12 доллара во всех отделениях Сберегательного банка г. Одессы.

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА *

«...Но дней минувших анекдоты
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей».
А. С. Пушкин

В первый день Пасхи приезжает Брежнев в ЦК. Идет по коридору, а навстречу ему кто-то из сотрудников:
— Леонид Ильич, Христос воскресе!
— Спасибо,— отвечает Брежнев.
Идет дальше, второй сотрудник встречает его:
— Леонид Ильич, Христос воскресе!
— Спасибо, мне уже доложили.

Не соображая и не видя ничего перед собой, идет по улице пьяный. С ходу врезается в фонарный столб. От удара отлетает, хватается за голову и, причитая, начинает кружиться на месте, снова идет вперед и снова ударяется об этот же столб. Тогда он тихо садится на тротуар.
— Подожду, когда кончится митинг.

К хозяевам, которые сидят за столом и пьют чай, приходит гость. Гостя приглашают к столу.
Гость: Можно помыть руки?
Хозяйка: Вы руки моете с мылом?
Гость: С мылом.
Хозяйка: Тогда чай будете пить без сахара.

Человек едет на машине, и вдруг его обгоняет курица. Он прибавляет газ, но догнать ее не может. При скорости 100 км курица резко свернула на ферму. Человек остановил машину и спрашивает у фермера:
— Что это у вас за куры такие?
— А это новая порода, мясная. Только что вывели.
— Ну и как, вкусные?
— А хрен их знает, догнать никто не может.

По улице еле-еле идет старый Рабинович. Ему кричат:
— Рабинович, как ваше здоровье?
— Не дождетесь!

По телевизору передают футбольный матч Италия — СССР.
— Я бы хотел быть сейчас в Риме! — мечтательно говорит один.

* Бывали, говорят, «булки от Филиппова», «деликатесы от Елисеева». У народного артиста СССР Ю. Никулина теперь своя рубрика — на уровне прошлого века...

— Но матч-то не в Риме, а в Москве! — возражает второй.
— Очень жаль, мне пришлось бы пропустить игру!

Посадил дедка репку.
А Репка вышел из тюрьмы и убил дедку.

Двое у винного отдела.
— Ну что, две возьмем или три?
— Наверное, три...
— А зачем? Ведь вчера взяли три, а одна осталась.
— Ну тогда возьмем две.
К продавщице:
— Девушка, четыре бутылки водки и две ириски.

Человек выходит из аптеки. Его догоняет запыхавшаяся аптекарша:
— Гражданин, вы сейчас взяли глюконат кальция. Верните его обратно.
— Почему?
— Я по ошибке выдала вам цианистый калий.
— А я уже его выпил.
— Тогда доплатите скорее шестнадцать копеек.

В совхозе идет искусственное осеменение коров. Ветеринар со специальным шприцем и банкой спермы не спеша обходит стадо. Окончив процесс, он садится в свой «Москвич», а тронуться не может. Коровы плотным кольцом окружили машину. Он сигналит — никакой реакции. Тогда он опускает боковое стекло и кричит:
— Эй вы, пошли вон отсюда!
И тут одна из коров с большими грустными глазами просовывает в окошко голову и печально произносит:
— А поцеловать?..

Из английского юмора.
Лорд спрашивает дворецкого:
— Джеймс, что за шум на улице?
— Демонстрация проституток, сэр.
— А что они требуют?
— Чтобы им больше платили, сэр.
— А что, им действительно мало платят?
— Да нет, сэр.
— Почему же тогда они недовольны?
— ...ляди, сэр.

— Рассказать тебе кооперативный анекдот?
— Расскажи.
— Плати рубль.

Рисовал Виктор КОВАЛЬ.

Мих. МИШИН

Очень маленькие трагедии

УРЮК

ПЕТРОВИЧ (надев очки): Товарищи!

(Со двора слышны визг, шум, крики.)

ПЕТРОВИЧ (снимая очки): Что это?

ХАСАНЫЧ: Даю справка. Там две женщины немножко беседуют насчет урюка. Одна говорит: кушай. А вторая говорит: не хочу больше. Ситуация под контролем.

ПЕТРОВИЧ (надевая очки): Вопрос ясен.

(Со двора слышны вопли, топот, звук мордобоя.)

ПЕТРОВИЧ (снимая очки): Что это? Товарищи, надо уважать друг друга!

ХАСАНЫЧ: Даю справка. К тем женщинам сейчас подошли ближайшие родственники, чтобы их успокоить. Их не больше тридцати тысяч. Урюк под контролем.

ПЕТРОВИЧ (надевая очки): Вопрос ясен.

(Со двора слышны грохот, лязг, в окно влетает булыжник.)

ПЕТРОВИЧ роняет очки.

ХАСАНЫЧ: Справка. Это подключилась наша интеллигенция, которая уговаривает родственников и остальное население скушать урюк до наступления комендантского часа. Информация под контролем.

ПЕТРОВИЧ не успевает надеть очки. В окно влетает вертолет и взрывается.

ХАСАНЫЧ: Даю справка. Оказалось, урюка больше, чем мы предполагали. Но ситуация в окопах под контролем.

ПЕТРОВИЧ (пытается надеть очки без стекол. Во дворе атомная вспышка): Товарищи, надо уважать...

ХАСАНЫЧ (догоняя Петровича, летящего вместе с очками в виде альфа-частиц): Вопрос с урюком решен. Радиация под контролем.

(Улетают за пределы Солнечной системы.)

Занавес.

ИВАНЫЧ И НАРОД

ИВАНЫЧ: Товарищи!

НАРОД (с ликованием): Урр-р-р-р-а-а-а-а!!

ИВАНЫЧ: Хватит! Пора покончить с нашим «Ура!»

НАРОД: Пор-р-а-аа! Урр-р-р-а-а-а!! Слава! Слава! Слава!

ИВАНЫЧ: Нужно новое мышление!

НАРОД (с подъемом): Урр-аа! Старое — на фиг!! Ур-ра-а-а!

ИВАНЫЧ: Нужна гласность!

НАРОД (с интересом): А чего ж! Ура!

ИВАНЫЧ: Демократизация!

НАРОД (с любопытством): Ура?

ИВАНЫЧ: Плюрализм!

НАРОД (озадачиваясь): Ура...

ИВАНЫЧ: Реформа в экономике!

НАРОД (зевая): Ну, ура, ура...

ИВАНЫЧ: А для всего этого нам нужно упорно поработать!

НАРОД обиженно смолкает.

ИВАНЫЧ: Вы слышите, товарищи? Да где вы все?

НАРОД безмолвствует. Затем, ругая жизнь, власть, друг друга и Иваныча, расходится по демонстрациям, дракам и очередям.

Занавес.

СЫН НЕБА

ФОМИЧ (сходя с самолета, в белом халате поверх пальто): Здравствуйте, товарищи. Это у вас что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: Корова.

ФОМИЧ: Понимаю. Наша задача, товарищи, увеличить надои. (Председатель конспектирует.)

ФОМИЧ (в спецовке поверх пальто): А это что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: Трактор.

ФОМИЧ: Вот это хорошо. Главное — лучше использовать трактора. А то что ж получается? (Председатель конспектирует.)

ФОМИЧ (в халате поверх спецовки поверх пальто): А здесь что?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ничего.

ФОМИЧ: Значит, можем, когда хотим!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (смущенно): Ну.

ФОМИЧ: Я думаю, разговор был полезный. Теперь, я думаю, дело пойдет. Как, товарищи? (Председатель благодарно плачет.)

ФОМИЧ (поднимаясь в самолет, надевая каску поверх папахи): Чертовски хочется поработать! (Самолет подпрыгивает и улетает.)

ДОЯРКА (из-под коровы): Это кто был?

ТРАКТОРИСТ (из-под трактора): Кто-кто...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А ну, фермеры хреновы, кончай трендеть! Запевай! Нашу! (Все поют: «В далекий край товарищ улетает...»)

Занавес.

КРЕСТОСЛОВИЦА *

ПРАВИЛЬНО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ ЛИТЕРАТУРУ?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Русскоязычный прозаик-одессит, певец Конармии, хищнически воспользовавшийся русским языком для написания ярких русофобских произведений; расстрелян как французский шпион. 6. Русскоязычный поэт-декадент нач. XX в., кощунственно уподобивший Русь... жене. 9. Русскоязычный живописец конца XIX в., «поэт русской природы», как его называют некоторые русскоязычные лжеискусствоведы. 10. Русскоязычный придворный поэт, прозаик, драматург, критик, историк и т. д., кичливо противопоставлявший свое эфиопское происхождение простому народу — «черни», близкий к масонскому заговору т. н. «декабристов». 11. Русскоязычный романист второй пол. XIX в., в юности — член неформального объединения, за что был приговорен к смерти, однако помилован перед казнью царем-батюшкой; после трудового перевоспитания отошел от экстремистской деятельности и за сто лет наперед предсказал бесовщину «межрегионыльщиков-демократов». 14. Русскоязычный прозаик и языковед, друг русскоязычного поэта А. С. Пушкина (Ганнибала), автор Словаря живого великорусского языка, в седьмом (факсимильном) издании которого (1978 г.) пропало очень важное слово из трех букв на букву «ж». 16. Русскоязычный несоветский поэт, переводчик и прозаик, сын известного русскоязычного художника, всю жизнь писавший чуждые народу стихи и не образумившийся даже после известного собрания литераторов, которые очень заинтересованно говорили о его творчестве, отмеченном провокационной международной премией. 17. Русскоязычный поэт первой пол. XVIII в., конъюнктурно прославлявший Петровские реформы; одновременно сочинял еретические и ернические «сатиры», распространявшиеся в самиздате, после чего, как и следовало ожидать, под благовидным предлогом покинул родину, умер в Париже. 18. Русскоязычный поэт XIX в.; до сих пор спорят литературоведы, через «о» или «а» в первом слоге пишется его фамилия, хотя правильнее было бы им задаться вопросом: почему его отчество — Абрамович? 21. Русскоязычный стихотворец-космополит, тунеядец и «при Нобель», который мог бы стать неплохим поэтом, если бы писал стихи на своем родном языке. 23. Русскоязычный поэт, критик, эссеист, эмигрант, муж известной писательницы-эмигрантки, которая недавно приезжала в нашу Россию, о чем с восторгом писал в «Огоньке» поэт В.— известный внутренний эмигрант. 25. Русскоязычный современный писатель, своим псевдонимом (Абрам Терц) почти запутавший русских пушкинистов, но оперативно разоблаченный участниками VI пленума СП РСФСР. 26. Русскоязычный поэт, прозаик и драматург XIX в., обличитель нечистой силы, мздоимцев-ревизоров и мертвых душ теневой экономики; стал жертвой жидо-масонского заговора: объявлен сумасшедшим, транквилизаторами введен в состояние летаргического сна и злодейски похоронен живьем. 27. Русскоязычный поэт, прозаик и драматург XIX в., родственник Байрона, кадровый офицер, проходивший службу в тех же местах, что и нынешний генерал Родионов; не писавший клеветнического стихотворения «Прощай, немытая Россия...»; убит в результате масонского заговора: вызванный на дуэль военнослужащим Николаем Соломоновичем М., под покровом грозы застрелен из-за куста темным расказаченным боевиком-казаком.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский советский прозаик, в последнее время вынужденно отошедший от крупных форм и прославившийся в эпистолярном жанре (часто — в соавторстве); однофамилец знаменитого «вещего старца» — духовника русской императрицы Александры Федоровны. 2. Роман из трех букв русского советского прозаика И. Шевцова, в котором впервые были открыто названы истинные виновники всех бед русского народа. 4. Русский советский поэт, горячий пропагандист Легенды о могиле майора Петрова, с особым цинизмом затоптанной поклонниками русскоязычного барда. 5. Великий Русский Поэт, после написания своего лучшего стихотворения «Клеветникам России» убитый на дуэли масоном-французом. 7. Русский советский прозаик, с трибуны писательского пленума смело напомнивший о достоинствах резерваций для национальных меньшинств. 8. Русский советский прозаик, лауреат Сталинских премий, на книге которого о Золотой Звезде воспитывалось не одно поколение отечественных кавалеров. 12. Русский советский поэт-коммунист, печатно поклявшийся до утра простоять на коленях перед образами, если член Политбюро А. Н. Яковлев уйдет в отставку. 13. Русский советский романист, председатель российского Фонда культуры, назвавший затеянное кем-то возвращение в нашу литературу эмигрантов емким словом «некрофилия». 15. Русский советский прозаик, один из авторов «Письма 11-ти», «Письма 7-ми» и других истинно народных художественных произведений; до VI пленума СП РСФСР — главный редактор столичного журнала. 18. Наиболее ошельмованный «прорабами перестройки» русский советский писатель, душеприказчик русского народа, один раз выигравший и один раз проигравший Сталинградскую битву. 19. Русский советский прозаик, плодотворно работавший в жанре сибирского семейного романа, автор понятия «заединщики», главный редактор журнала «Молодая гвардия» и большой друг «Огонька». 20. Русский советский прозаик, всем своим творчеством неразрывно связанный с Октябрем и торжеством Нового Мира, адресат русскоязычной пародии З. Паперного «Чего же он кочет?». 22. Русский советский прозаик, назначение которого на пост главного редактора журнала «Москва», хочется верить, станет живой водой для этого бережно дышащего на ладан издания. 24. Русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, орденоносец, лауреат Ленинской премии, секретарь правления СП СССР, председатель Всероссийского общества книголюбов и т. д., автор поэтической дилогии о суде и дали Памяти.

ОТВЕТЫ НА ПЕРВОАПРЕЛЬСКУЮ КРЕСТОСЛОВИЦУ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Бабель. 6. Блок. 9. Левитан. 10. Пушкин. 11. Достоевский. 14. Даль. 16. Пастернак. 17. Кантемир. 18. Баратынский. 21. Бродский. 23. Ходасевич. 25. Синявский. 26. Гоголь. 27. Лермонтов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Распутин. 2. «Тля». 4. Куняев. 5. Пушкин. 7. Личутин. 8. Бабаевский. 12. Сорокин. 13. Проскурин. 15. Алексеев. 18. Бондарев. 19. Иванов. 20. Кочетов. 22. Крупин. 24. Исаев.

В случае, если вы поймали себя на попытке разглядеть в графическом начертании крестословицы некие кабалистические знаки, а также если смогли правильно ответить на все вопросы,— предупреждаем, что ваш рассудок ощутимо пострадал от литературной периодики, и рекомендуем срочно обратиться к психиатру.

Г. ЕЛИН

* **КРЕСТОСЛОВИЦА (русск.) — то же, что КРОССВОРД (русскоязычн.). Утверждают, что термин «крестословица» введен англоязычным русофобом В. В. Набоковым.**

КТО НАПОЛНИТ ЭТИ КАСТРЮЛИ?

Человек подходит к продавщице:
— Можете взвесить мне полкило еды?
— Могу. Приносите.

«Анекдоты от Никулина»
(см. на стр. 32)

Фото Г. Санько («Огонек», 1954 год)

40 коп. Индекс 70663